

К $\frac{09}{17394}$

В. М. Плоских

**Очерки
патриархально-
феодальных
отношений
в Южной
Киргизии**

(50–70-е годы XIX в.)

Фрунзе 19

ИРБИС

КАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

К 09
П 394

В. М. ПЛОСКИХ

ОЧЕРКИ
ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
В ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ
(50—70-е годы XIX в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛИМ»

Фрунзе 1968

В работе на основе большого количества архивных документов и литературных материалов освещаются социально-экономические отношения в Южной Киргизии накануне вхождения ее в состав России, характеризуются феодальные отношения в землевладении и налоговой системе в период зависимости от Коканда, патриархальный уклад в хозяйстве, землепользовании и формах эксплуатации.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
АН Киргизской ССР

Под редакцией чл.-корр. АН Киргизской ССР,
доктора исторических наук С. И. Ильясова

ГРБ Киргизской ССР
1969
им. Н. Г. Чернышевского

4260.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена исследованию социально-экономических отношений, характера землевладения, форм землепользования и эксплуатации кочевого и оседлого населения Южной Киргизии в их единстве и взаимосвязи.

Для большинства среднеазиатских народов дореволюционного периода, в том числе и киргизского, были характерны патриархально-феодальные общественно-экономические отношения. Однако в понятие патриархально-феодальные отношения нередко без достаточной дифференциации и конкретного обоснования вкладывается общий смысл отсталости социально-экономических отношений и форм быта.

Марксистская концепция закономерности смены общественно-экономических формаций в то же время признает неравномерность этого процесса, специфические черты развития отдельных стран и регионов в разные исторические эпохи. Маркс и Энгельс подчеркивали особенности социально-экономического развития стран Востока, для определения которого первоначально был принят специальный термин «азиатский способ производства»¹.

На отсталость социально-экономического развития азиатских стран неоднократно обращал внимание и В. И. Ленин. Он, в частности, дважды цитирует тезис К. Маркса об основных эпохах развития человечества, где наряду с античным, феодальным и буржуазным выделяется и *азиатский способ производства*².

При разработке программы партии по аграрному вопросу В. И. Ленин прямо указал на наличие в России специфических азиатских отношений: «Без «чистки» средневековых поземельных отношений и распорядков, частью феодальных, частью азиатских, не может произойти буржуазный переворот в земледелии»³ (Курсив наш.—В. П.).

Х съезд партии, проходящий под руководством В. И. Ленина, отметил наличие у ряда народностей России, и в первую очередь Средней Азии, *патриархально-родового быта*⁴. «Патриархальное хозяйство,— уточняет в одной из

¹ Н. Б. Тер-Акопян. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину. «Народы Азии и Африки», 1965, № 2—3.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 136; т. 26, стр. 57.

³ Там же, т. 16, стр. 254.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1954, ч. I, изд. 7-е. М., 1954, стр. 559—560.

своих работ В. И. Ленин, — это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом»⁵.

Пережитки первобытно-общинной формации, проявляющиеся в патриархальном укладе, стойки не только при феодальных отношениях, но и, как доказал В. И. Ленин, при развитии капитализма, как было в России⁶. В дореволюционной Киргизии патриархально-общинный уклад играл существенную роль в социально-экономической и общественной жизни народов как кочевых скотоводческих, так и оседло-земледельческих.

Вопрос о патриархально-феодальных отношениях у народов Средней Азии, в том числе и Киргизии, неоднократно привлекал внимание советских историков⁷. Большой вклад в его разработку внесли Б. Д. Джамгерчинов, вскрывший политические и экономические предпосылки вхождения Киргизии в состав России, С. М. Абрамзон, обосновавший сохранение патриархального уклада у кочевников Средней Азии и Казахстана, С. И. Ильясов, исследовавший формы собственности на землю в дореволюционной Киргизии, К. У. Усенбаев, рассмотревший общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства, Н. А. Кисляков, проанализировавший патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства и др.

О характере патриархально-феодальных отношений кочевых народов на страницах периодической печати в середине 50-х годов велась научная дискуссия. Выявлению сущности патриархально-феодальных отношений была посвящена и Ташкентская научная сессия в феврале—марте 1954 г. Тем не менее эта проблема до последнего времени всесторонне так и не выяснена; ученые не пришли к единому мнению о формах земельной собственности и об основном средстве производства у кочевников, о кочевой общине и по другим важным вопросам. Как уже отмечалось в историографии Киргизии⁸, все с большей настойчивостью выдвигается проблема

⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 158.

⁶ Там же, т. 36, стр. 296; т. 43, стр. 158; т. 45, стр. 279—280.

⁷ См. В. П. П. П. Советская историография социально-экономических отношений в дореволюционной Киргизии. В кн.: Наука Киргизстана юбилею Великого Октября. Юбилейная научная сессия, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1967.

⁸ В. П. Шестобитов, К. К. Орозалиев, Д. Ф. Винник. Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918—1960). Фрунзе, 1963, стр. 130.

как теоретического обобщения и осмысления накопленного исторического материала, так и конкретного исследования отдельных вопросов социально-экономического развития кочевых и оседлых народов Средней Азии. Требуют непосредственного изучения соотношение общего и особенного в историческом развитии азиатских стран, о чем свидетельствует вновь развернувшаяся широкая дискуссия об азиатском способе производства⁹.

Социально-экономические и общественные отношения народов Киргизии середины XIX в. были пестры и специфичны, они существенно отличались от отношений других народов, как Запада, так и Востока, но вместе с тем имели с ними много общих черт. Основным способом производства и общественной формацией здесь был феодализм, но со своими особенностями исторического развития, присущими только азиатским странам: государственной собственностью на землю, сохранением кочевых и земледельческих общин, родоплеменным делением кочевников, восточной деспотией и пр.

В настоящей работе, опираясь на архивные источники и литературные материалы, была сделана попытка вскрыть сущность патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения ее в состав России, обосновать положение о господстве феодализма (как общественной формации), в сильной степени переплетенного патриархально-родовыми пережитками, специфическими чертами азиатского способа производства, причем настолько значительными, что они позволяют охарактеризовать общественно-экономические отношения как патриархально-феодальные.

Название работы указывает на то, что круг вопросов, в ней разбираемых, не претендует на всестороннее исследование темы и ограничен рассмотрением лишь отдельных основных положений. Упущены, в частности, вопросы отношений в быту, формы классовой борьбы внутри киргизского общества. Они могут стать предметом специального исследования. Нуждается в дальнейшей разработке и тема в целом, особенно в связи с расширением хронологического диапазона.

⁹ См.: О. А. Афанасьев. Обсуждение в Институте истории АН СССР проблемы азиатского способа производства. «Советская этнография», 1965, № 6; Л. В. Данилова. Дискуссия по важной проблеме. «Вопросы философии», 1965, № 12; Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М., 1966.

ГЛАВА I. ЮЖНАЯ КИРГИЗИЯ 50—70-х ГОДОВ XIX в.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КИРГИЗОВ В КОКАНДСКОМ ХАНСТВЕ

Подчинение киргизов Кокандским ханством

Обособление Ферганы в самостоятельную политическую единицу в конце XVIII в. произошло не без активного содействия киргизов. Они принимали самое деятельное участие во всех междоусобных столкновениях правителей городов Ферганы. В середине XVIII в. киргизский феодал Кувад-бий из племени кущчи выступает ближайшим союзником и сподвижником кокандского правителя Ирдана-бия в его завоевательных походах. Это был равноправный союз. Киргизский феодал являлся самостоятельным правителем, киргизы были независимы и поддерживали то одну, то другую политическую группировку. После нарушения этого союза Кувад-бий участвует в политических событиях Кашгара 50-х годов¹.

Влиятельным и самостоятельным правителем примерно в это же время выступает также предводитель ичкиликов Ходжи-бий, которому (по одному из источников) были подчинены «200 тыс. людей орды бурутов (киргизов. — В. П.), рассеянных от Бухары до Востока»².

С 60-х годов XVIII столетия Ирдана-бий усиливает свои притязания на все киргизские земли. Он повел свои войска на г. Ош. Против него выступил Ходжи-бий во главе подразделения адигине и монголдор, однако безуспешно.³ Разрозненные и постоянно враждовавшие друг с другом киргизские племена не могли противостоять все возрастающей силе бо-

¹ А. З. Валидов. Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, год 20-й, вып. 2, 1914—1915. Ташкент, 1915, стр. 45.

² Н. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследованиях. М. «Живая старина». СПб., 1894, вып. III—IV, стр. 434.

³ К. И. Петров. Очерки феодальных отношений в Киргизии XV—XVIII веков. Фрунзе, 1961, стр. 67, 109.

лее централизованного государства и постепенно подпадали под власть Кокандского ханства.

По свидетельству И. Г. Андреева, племенное объединение курама, в состав которого входили и киргизы, кочевавшие за р. Чирчик, в 80-х годах XVIII в. уже признавало свою зависимость от Нарбуты-бия⁴.

Кокандское владение при Нарбуте-бие заметно расширяется территориально и настолько усиливается политически, что «с китайской стороны именуется ханом», — писал побывавший там в это время «странник поневоле» Филипп Ефремов⁵.

В одном из расширенных изданий своей работы Ф. Ефремов отмечал, что киргизы к 80-м годам XVIII столетия в основном были независимыми: Коканд только «смежен» с их владениями, хотя г. Ош уже числился в составе ханства⁶.

При Нарбуте-хане, сообщает автор рукописи «Мунтахаб ат-таварих», была предпринята попытка подчинить киргизов Кетмень-Тюбе. Однако поход ханского главнокомандующего Хан-Ходжи не увенчался успехом⁷. В начале XIX в. эту же цель поставил Алим, новый кокандский правитель, официально принявший титул хана.

Алим-хан посылает в горы на покорение киргизов своего полководца Ирис-Кул-бия, но и этот поход оказался безрезультатным⁸.

В 20-х годах XIX столетия Кокандское ханство достигает наивысшего расцвета и могущества. На это время и падает завершение им подчинения киргизов.

В 1821 г. Омар-хан отправляет в Кетмень-Тюбе хакима Наманганского вилайета Сеид-Кул-бека. Используя междоусобицы киргизских феодалов и натравив кутлук-сеидов на

⁴ См.: П. П. Иванов. Казахи и Кокандское ханство (К истории их взаимоотношений в начале XIX в.). Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, т. VII. М.—Л., 1939, стр. 92—128.

⁵ Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию. СПб., 1786, стр. 175.

⁶ Странствование Филиппа Ефремова в киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию. В соавторстве, под редакцией и от лица магистра исторических наук Петра Кондырева. Казань, 1811, стр. 103.

⁷ Рукоп. перевод В. А. Ромодина. Выражаю признательность В. А. Ромодину за любезное предоставление возможности ознакомиться с рукописными переводами сочинений кокандских авторов, подготовляемых к изданию (Средневековые источники по истории Киргизии).

⁸ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 118.

сары-багышей «для вразумения и наказания»⁹, кокандцы неожиданным ночным нападением сломили сопротивление киргизов, часть из которых, однако, сумела бежать в горы. Произведя страшные опустошения в долине Узун-Ахмата и захватив массу пленных, — сообщает В. Наливкин, — Сеид-Кул-бек с триумфом вернулся в Коканд, где был щедро награжден ханом¹⁰.

Произведя страшные опустошения в долине Узун-Ахмата и форме грабительских походов, которые против них совершали ханы. Добыча, захватываемая ханами во время таких набегов, фактически носила характер дани с «зависимых» племен. В перерывах между набегами киргизы были вполне самостоятельными и независимыми. Тем не менее кокандские ханы считали их своими подданными. Мир-Иззет-Улла, проезжавший в 1812 г. по Кокандскому ханству, писал, что Алим-хан принял против киргизов «строгие меры», и с тех пор они «находятся в подчинении повелителя Коканда»¹¹.

Завоеванию Кокандским ханством киргизов, как отмечает Б. Д. Джамгерчинов, способствовала не столько сила Коканда, сколько соперничество и вражда между собой киргизских родо-племенных объединений, почти полное отсутствие среди них единства и организованности¹².

Южные киргизы, являвшиеся одним из основных кочевых народов Кокандского ханства, отличались воинственностью по сравнению с окружающим населением, что неоднократно подчеркивается в источниках того времени. В определенные периоды они добивались господствующего положения в ханстве, поддерживали угодных им претендентов на ханский престол и выдвигали своих ставленников.

А. Вамбери, совершивший в 1863 г. по поручению венгерской Академии путешествие в Среднюю Азию, писал о киргизах, что они «по своему воинственному характеру употребляются той или другой политической партией для низвержения противников»¹³. В собственных же высокогорных кочевьях, в частности на Алае, киргизы чувствовали себя автономно, нередко не считались ни с распоряжениями коканд-

ских чиновников, ни с волей ханов. Для кокандских правителей киргизы представляли собой существенную силу и в том отношении, что владели горными проходами основного торгового тракта из Коканда в Кашгар. Это обстоятельство вынуждало кокандских ханов считаться с южными киргизами и всевозможными уступками покупать их подданство и содействие¹⁴.

Н. Северцов, побывавший в 60-х годах в Коканде, отмечал, что южные киргизы, в отличие от северных, представляли в ханстве не данников, «а вместе с кипчаками и горными сартами господствующее племя и ядро военной силы»¹⁵. Активные военные действия ханов по отношению к южным киргизам привели бы к немедленному разрыву всех отношений Коканда с Восточным Туркестаном, что особенно отразилось бы на торговле. И кокандские ханы вынуждены были покупать «добровольное подданство и содействие» киргизов дорожной ценой¹⁶.

Скобелев при завоевании Кокандского ханства писал, что киргизы Алая отличались воинственностью и часто выступали против ханов. Относительная подчиненность киргизов даже при сильных ханах обуславливалась лишь зависимостью их от базаров в предгорных кыштаках и расположением зимовок в доступных для кокандских войск местах¹⁷.

Ханы, как правило, ограничивались отдельными грабительскими набегами. Киргизы в ответ нередко нарушали нормальное течение торговой жизни в ханстве. Они перекрывали основные торговые артерии и делали небезопасными купеческие сношения Коканда с Кашгарией.

Для того чтобы держать киргизов в зависимости, ханы умело использовали их межплеменную разобщенность, постоянные феодальные усобицы.

Участие кокандского хана Мадали на стороне Джангира, одного из потомков правящей некогда в Кашгаре династии, за овладение им престола привело к более близкому соприкосновению кокандцев с киргизами.

С 20-х годов XIX в. начинается усиленная экспансия кокандских ханов в северные районы Киргизии. Однако зависимость северо-киргизских племен от Коканда выражалась

⁹ Мунтахаб-ат-таварих. Рукоп. перев. В. А. Ромодина.

¹⁰ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 119.

¹¹ Путешествие Мир-Иззет-Уллы в Кокандское ханство в 1812 г. Сводный текст по английскому и французскому переводам Ю. А. Соколова. Тр. САГУ, вып. 78. Исторические науки, 1958, стр. 47.

¹² Б. Джамгерчинов. Очерк политической истории Киргизии XIX века (первая половина). Фрунзе, 1966, стр. 44.

¹³ А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. М., 1867, стр. 318.

¹⁴ Военно-статистический сборник, вып. III. СПб., 1868. «Туркестанский сборник», т. 30, стр. 135.

¹⁵ С. . . . ов. Этнографические заметки о Зачуйском крае. Изв. РГО, т. I, ч. 2, 1865, стр. 147—148.

¹⁶ Там же, стр. 151.

¹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, л. 137.

лишь в периодической уплате налогов. Находясь в неприступных горных ущельях, киргизы активно участвовали в дворцовых переворотах, поддерживая, смотря по обстоятельствам, разных претендентов на ханский престол.

В изгнании среди таласских киргизов 35 лет ждал кокандского престола один из его претендентов—Шир-Али. Здесь у него, по некоторым источникам, от двух жен-киргизок родились сыновья, двое из которых—Худояр и Малля-хан — впоследствии стали ханами¹⁸. В 1842 г. Шир-Али при поддержке киргизов отправился в поход на Кара-Су, в Наманганский вилайет. Здесь его восторженно встретил отряд вооруженных киргизов под командованием Сейдали-бека.

В это время столица Кокандского ханства, захваченная бухарцами и управляемая их ставленником Ибрагимом-парваначи, изнывала под тяжким бременем новых налогов. Насилия и грабежи бухарских отрядов вызвали всеобщее недовольство населения.

Шир-Али, по словам кокандского историка Мухаммед-Хакима, прибыл в Фергану с многотысячным войском «из киргизов, кипчаков и казахов», изгнал бухарские гарнизоны, был торжественно встречен в Коканде и провозглашен ханом¹⁹.

Сейдали-бек, показавший себя талантливым военачальником, становится главнокомандующим. Один из крупных киргизских феодалов Наманганского вилайета, Юсуп, представивший Шир-Али при походе на Коканд крупный вооруженный отряд, был возведен в чин тысяцкого (*мин-баши*)²⁰. Главную политическую роль в ханстве стали играть киргизы, особенно из рода Кырк-Огуз во главе с Юсупом, и кипчаки²¹.

Однако вскоре слабовольный хан попадает под влияние властного кипчакского предводителя Мусульманкула и меняет свою ориентацию. На первое место выдвигается кочевая кипчакская знать. Тогда против хана и его окружения создается сильная оппозиция обойденных властью оседлых узбекских феодалов. Усиливаются противоречия между феодалами и кочевым населением из-за предгорных земель. Обостряется аграрный кризис²².

Первым, наиболее крупным в Кокандском ханстве, было восстание в 1845 г. ошских киргизов, не получивших обещанных ханом привилегий. В этом году на политической арене вырисовывается образ крупного киргизского феодала Алымбека. «Ведающий, — по словам английского посланника в Коканде Муллы Абд-ал Маджида, — управлением киргизами»²³ Алымбек впоследствии неоднократно выступает одним из главных лиц Кокандского ханства.

На подавление восстания направляется главнокомандующий кокандскими войсками Мусульманкул. Он жестоко расправляется с киргизами. Множество пленных было отправлено в Коканд, сам же Мусульманкул остался в Оше «дабы окончательно водворить здесь порядок и повиновение властям»²⁴.

Алымбек, один из руководителей восстания, преследуемый своим врагом—Тилля из рода найман, бежит на Тянь-Шань²⁵.

Во время отсутствия в столице Мусульманкула созревает заговор представителей антикипчакской группировки во главе с исфаринским хакимом Сатыбалды-датхой и алайскими феодалами. В день прибытия в Коканд пленных повстанцев сын бывшего кокандского хана Мурад-бек с отрядом своих сторонников киргизов врывается в урду и провозглашает себя ханом. Шир-Али «заставили испить напиток мученичества». Однако Мусульманкул быстро возвращается в Коканд и разбивает находящийся здесь небольшой отряд (100—200 человек) киргизов; лишь немногим из отряда удалось спастись²⁶.

Мусульманкул, убив законного претендента на престол, старшего сына Шир-Али-хана, 22-летнего Сарымсака, и, обойдя среднего Маллябека, возвел на престол 16-летнего Худояра, при котором в качестве регента сам стал управлять ханством²⁷.

В связи с этим почти все киргизские племена, как южные, так и северные, перестали признавать власть нового хана. Они стали выступать против кокандских наместников, разорять пограничные крепости и, как подчеркивалось в одном из

¹⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 10361, л. 5—6; Г. Павлов. История Туркестана в связи с историческим очерком сопредельных стран (Белуджистана, Индии и Восточного Туркестана). Ташкент, 1911, стр. 92.

¹⁹ П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, стр. 209.

²⁰ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 154.

²¹ Г. Павлов. История Туркестана..., стр. 92—93.

²² П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии, стр. 210.

²³ См.: В. А. Ромодин. Примеч. к соч. В. В. Бартольда. Соч., т. II, стр. 288, прим. 31.

²⁴ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 161.

²⁵ Ч. Ч. Валиханов. Соч. в 5 томах, т. II, Алма-Ата, 1962, стр. 373.

²⁶ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 162.

²⁷ А. Нурекин. Очерк истории Коканда с 1841 по 1864 год. «Туркестанские ведомости», 1842, № 35.

источников, «начали с тех пор действовать самостоятельно»²⁸.

В 1858 г. вспыхивает новое крупное восстание ошских киргизов. Восставшие под руководством Алымбека и Хасан-бия поддерживают нового претендента на кокандский престол — брата правящего хана — Малля-бека. К ним присоединяются и кипчаки, оттесненные от власти окрепшим Худояр-ханом²⁹.

Постепенно восстание распространилось по всему ханству, и когда Малля-бек подошел к Коканду, жители отворили ему ворота. Худояр-хан вынужден был бежать в Бухару³⁰.

Малля-бека провозглашают новым ханом. Алымбек в связи с этим выдвигается в число влиятельных дворцовых сановников. Он становится правителем (хакимом) крупнейших областей ханства — Наманганского и Андижанского вилайетов, возглавляет отряды ханских войск. В 1860 г. Малля-хан направляет его в поход через Куртку в Чуйскую долину для того, чтобы воспрепятствовать продвижению русских, занявших к этому времени северную кокандскую крепость Пишпек. С этой же целью выступил и ташкентский правитель Канаат-ша, назначенный ханом главнокомандующим соединенными войсками.

Известность и влияние Алымбека были велики не только в Южной, но и Северной Киргизии. По дороге к нему присоединялись отряды киргизов из Андижанского вилайета, Кетмень-Тюбе, Куртки и других мест, и вскоре численность их возросла до 12 тыс. человек³¹.

Кокандские войска посылались для удержания территории Чуйской долины в ханском владении, что не отвечало интересам киргизов. Во время решающего Узун-агачского сражения между кокандскими и русскими войсками киргизские отряды фактически участия в нем не принимали, в чем немалую роль сыграло и личное соперничество Канаат-ша и Алымбека-дадхи. Канаат-ша обвиняет предводителя киргизов в измене. После их возвращения Малля-хан признал Алымбека виновным в поражении и вынес ему смертный при-

говор. Однако Алымбеку удалось бежать в горы к своим землякам киргизам. Все его имущество в Коканде было конфисковано³².

Алымбек начал готовиться к новому восстанию. Вскоре обремененные тяжелыми налогами поднялись почти все алайские киргизы, в первую очередь племена адигине и монгуш. Однако сил для организации сопротивления кокандским войскам оказалось мало, и Алымбек вновь вынужден был перебраться в Центральный Тянь-Шань. Здесь его поддержали сарыбагышские манапы Умбеталы, Адыл и Торогельды. Попытка хана примириться с ними не увенчалась успехом, а высланный карательный отряд в глубине киргизских кочевий был почти полностью истреблен³³.

Из сообщения Дюгамеля военному министру (июнь 1861 г.) видно, что Алымбек был намерен объединить киргизов «от Иссык-Куля до Мало-Бухарской равнины» и сделаться независимым правителем всего киргизского народа³⁴. Дюгамель дал соответствующее распоряжение начальнику Алатавского округа Колпаковскому о поддержке в случае надобности дружественных отношений с Алымбеком. Идея поддержки восстания киргизов против кокандского хана была встречена одобрительно и российским императором, так как, во-первых, это способствовало бы ослаблению ханства, во-вторых, благоприятствовало безопасному продвижению русских торговых караванов через Киргизию в Восточный Туркестан.

В это время тяжелое положение Малля-хана усугубляется обострением отношений с Бухарой из-за пограничной крепости Ура-Тюбе — этим многолетним «яблоком раздора» двух соседних государств. Нарастает недовольство и внутри ханства, усиливается борьба феодальных группировок. Среди приближенных хана зреет заговор. Его возглавляют киргизско-кыпчакские феодалы. Некоторые источники указывают на Алымбека, как на главную фигуру в организации заговора.

В первых числах марта 1862 г. крупные киргизско-кыпчакские феодалы Хадыр-бек, Шадман-ходжа, Худай-Назардатха, Дуст-Мехтар и Мад-Ибраим-Мирза-баши ночью ворвались в ханский дворец, убили Малля-хана и возвели на

²⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 14, л. 515: Сведения о дикокандских киргизах. Зап. РГО, кн. 5, СПб, 1851, стр. 141.

²⁹ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 188. Об активном участии Алымбека в захвате власти упоминается и в рассказе Муллы Хали-бая Мамбетова, записанном в 1885 г. и опубликованном вскоре Н. Веселовским. См.: Н. Веселовский. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. Текст, перевод и приложения. СПб., 1894, стр. 5.

³⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 34, д. 25, л. 5—6.

³¹ Тарихи-Шахрухи. Рукоп. перев. В. А. Ромодина.

³² И. Ювачев. Курбан-Джан-Дахта — кара-киргизская царица Алая. «Историч. вестник», 1907, № 12.

³³ Б. Джамгерчинов. Очерки политической истории Киргизии XIX века, стр. 182, 183.

³⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 25, док. 116. См.: Б. Джамгерчинов. Очерки политической истории Киргизии XIX века, стр. 183.

престол его племянника Шах-Мурада³⁵. Алымбек становится высшим правительственным чиновником—кокандским визирем. Однако вскоре в результате происков Алымкула — главнокомандующего войсками,—он пал жертвой межфеодалного соперничества. Во главе алайских киргизов, крупного племени адигине, становится жена Алымбека Курбанджан-дадха. Позже ее в звании дадхи признали и кокандские ханы.

Для возвращения утраченной власти Худояр-хан, как нередко поступали другие среднеазиатские правители, обращается за помощью к соседнему, в частности, бухарскому хану. Тот охотно вмешивается во внутренние распри Кокандского ханства. Придворный бухарский историк Мирза Абдалазим Сами пишет, что эмир Бухары Музаффар, приглашенный на помощь Худояр-ханом, войдя в Коканд «был вознагражден исполнением своего заветного желания»³⁶. Он рассылал в окрестности Коканда отряды, доходил до Терек-Даванского перевала, лежащего на торговом тракте в Кашгар, попутно захватывая имущество и скот у кочевников, главным образом у кочевавших здесь киргизов, чему в немалой степени способствовало усиление, по словам бухарского историка, «гнутого обычая гнета и насилия»³⁷. «Народ... — писал Мирза Абдалазим Сами,— стонал под его (эмира.— В. П.) властью... и дело дошло до того, что люди отвернулись от него и изгнали его»³⁸. Изгнание кокандского хана и поддерживающих его бухарских отрядов произошло не без помощи киргизов и кипчаков, выступивших под водительством Алымкула и Сарымсак-бая (из таласских киргизов рода найман)³⁹.

Люгамель в сообщении министру предлагал воспользоваться благоприятным моментом и продвинуть российские границы в глубь Средней Азии, ибо «кокандцы не могут рассчитывать на сочувствие и помощь кочевого народонаселения, т. е. на киргизов разных родов, которых они ожесточили против себя своими поборам и притеснениями»⁴⁰. Однако

³⁵ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 193.

³⁶ Мирза Абдалазим Сами. Тарих-и салатин-и Мангитийа. (История мангитских государей). Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Елифановой. М., 1962, стр. 59.

³⁷ Там же, стр. 57.

³⁸ Там же, стр. 57, 60. Следует отметить, однако, что в книге допущены хронологические смещения, хотя общее направление рассуждений автора соответствует исторической действительности.

³⁹ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 195.

⁴⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 26, док. 64. См.: Б. Джамгерчинов. Очерки политической истории Киргизии XIX века, стр. 192.

это предложение русским правительством принято не было.

Крупное восстание алайских киргизов против засилия кокандских наместников началось согласно этнографическим данным в 1867 г. под руководством Садыка Серкера. Повстанцы захватили наиболее значительное на Алае кокандское укрепление Кызыл-Курган, убили ханского наместника Кул-Дахту, но не смогли выстоять против присланного карательного отряда кокандцев. Восстание было подавлено, а его руководители, в том числе и Садык-Серкер, жестоко казнены⁴¹.

Весной 1871 г. начались волнения среди сохских киргизов, главной причиной которых явилось непомерное налогообложение населения местным правителем. О размахе вспыхнувшего восстания говорит тот факт, что на его подавление Худояр-хан вынужден был послать около 2000 воинов-сарбазов⁴².

История взаимоотношений киргизов с кокандским ханством дает все основания согласиться с объективной оценкой современника, что «история Кокандского ханства представляет собою целый ряд беспрестанных восстаний кипчаков и киргиз»⁴³.

Неорганизованные, часто локального значения, выступления, возглавляемые, как правило, представителями родоплеменной знати и феодалов, не могли закончиться победой народа, хотя восстания и принимали временами огромный размах. Всем им было присуще монархическое направление. Смена же на престоле одного хана другим, будь он узбек или ставленник киргизов (как было с Шир-Али, Малля-ханом, Мурад-беком), не изменяло природы феодального государства, методов и форм эксплуатации и положения трудящихся масс. Восстания вспыхивали вновь и вновь. И так продолжалось на протяжении всей истории взаимоотношений киргизов с Кокандским ханством. Нужны были новые исторические условия, более зрелое революционное самосознание народа, а это могло придти лишь с появлением более высокой формы организации труда, более мощным развитием производительных сил, чем при существовавшем феодальном способе производства с господствовавшими патриархально-феодальными отношениями.

⁴¹ К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961, стр. 49.

⁴² А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, т. II. В Кокандском ханстве. СПб., 1876, стр. 96.

⁴³ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 6896, л. 2. Рапорт туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана военному министру Милютину.

Национально-освободительное движение 1873—1876 гг.

За всю историю Южной Киргизии XIX в. наиболее значительным было антикокандское движение 1873—1876 гг., приведшее к ослаблению ханства и, в конце концов, к его падению.

Восстание началось весной 1873 г. на юго-востоке Ферганы и на Алае. Ханские налоговосборщики — зякетчи, прибывшие в кочевья киргизов, втрое увеличили размеры обычного налога и стали силой взимать его с населения. Киргизы воспротивились такому произволу и решительно отказали в зякете. Они задержали налоговосборщиков, и все награбленное отобрали⁴⁴.

Худояр-хан послал для усмирения киргизов войска. Карательные отряды захватили в плен 270 повстанцев и отправили их в Ассак. Здесь они были казнены с варварской жестокостью — посажены на кол⁴⁵.

Однако основная масса повстанцев (в источнике названо 20 тыс. кибиток киргизов и 10 тыс. кибиток кипчаков, т. е. примерно 150 тыс. человек) успела откочевать в горы и «объявила себя врагами хана». Началась длительная и упорная борьба⁴⁶. Вскоре пламенем восстания занялся весь юг Кокандского ханства. В июне 1873 г. повстанцы заняли Узген, являвшийся одним из главных укреплений на пути к Алаю, и захватили хранившуюся здесь ханскую казну⁴⁷. К восставшим стало присоединяться земледельческое население кыштак и городов.

И. д. туркестанского генерал-губернатора Колпаковский в рапорте военному министру писал: «Волнение между кочевниками нашло себе отголосок и в среде оседлого народонаселения, недовольного жестокостями и чрезмерными поборами хана»⁴⁸.

Без боя были взяты Ош, Сузак, Булак-Баши, Уч-Курган и другие крупные населенные пункты. Войска, направленные на подавление восстания, недалеко от Тюре-Кургана потерпели первое крупное поражение. Повстанцы заняли один из основных по величине и значению городов ханства—Анди-

⁴⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 58, док. 476, л. 177—178. Рапорт и. д. начальника военно-народного управления Туркестанского края военному министру.

⁴⁵ Там же, док. 541, л. 326. Из письма киргизов начальнику Ходжентского уезда.

⁴⁶ Там же, док. 276, л. 177—278; док. 541—л. 326.

⁴⁷ К. Усенбаев. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960, стр. 65.

⁴⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 61, л. 154.

жан⁴⁹. Вся Южная Киргизия фактически выпала из-под контроля Худояр-хана. На западе Ферганской долины восстали киргизы родов: мундуз, кушка, багыш, басыз (каманы) и кара-багыш, захватившие г. Ханабат. Во главе их стоял Мамыр. Восставших киргизов родов кутлук-сеид и найман в районе Намангана возглавлял Мулла Исак Хасан-Оглы, происходивший из киргизского рода бостон племени ичкилик. Впоследствии он прославился как претендент на ханский престол под именем Пулат-хана⁵⁰.

Однако разобщенность и неорганизованность повстанцев привели к тому, что ханские войска, направляемые в главные очаги восстания, стали постепенно одерживать верх и жестоко расправляться с попавшими в плен. Сотни людей были казнены⁵¹.

Однако волнения продолжались. В апреле 1874 г. восстали кара-кульджинские киргизы, к концу июля — чаткальские. В разных районах ханства возникают все новые и новые очаги восстания. В письме кокандских киргизов начальнику Ходжентского уезда с просьбой оказать помощь восставшим названо 132500 кибиток недовольных родов, готовых начать и поддерживать выступление⁵². Несомненно, что в их числе были не только киргизские, но кипчакские отделения, а также роды кочевых узбеков.

Стремление киргизов освободиться из-под тяжелого ига кокандского господства наблюдается также в неоднократных прошениях к русским властям о принятии их в подданство. С такой просьбой киргизы Чаткала обратились еще в 1864 г.⁵³ Аналогичные прошения киргизы направляют в 1872 и, особенно часто, в 1873 гг.⁵⁴ Не дожидаясь положительного решения вопроса, киргизы начинают самовольно массами перекочевывать в российские пределы. В 1873 г. только из окрестностей Андижана в Токмакский уезд перешло 1700 кибиток⁵⁵.

Худояр-хан, ссылаясь на дружественный договор с Россией, потребовал возвратить беженцев в пределы Кокандского хан-

⁴⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 61, л. 154.

⁵⁰ Подробнее о нем см.: Н. П. Корытов. Самозванец Пулат-хан. «Ежегодник Ферганской области», вып. 1, т. 1. Новый Маргелан, 1902.

⁵¹ К. Усенбаев. Присоединение Южной Киргизии к России, стр. 66—69.

⁵² ЦГВИА, ф. ВУА, л. 6868, л. 8.

⁵³ А. Г. Серебрянников. Материалы по истории завоевания Туркестанского края, 1864. Ташкент, 1914. т. XVII, ч. 1, стр. 200—201.

⁵⁴ К. Усенбаев. Присоединение Южной Киргизии к России, стр. 74—76.

⁵⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 58, л. 368—369; док. 566, л. 322.

ства и назвал в письме откочевавшие роды: баймундуз, кушчи, найман, киргиз-кипчак, кара-багиш и др.⁵⁶

Связанный договором с ханом туркестанский генерал-губернатор, боясь «заражения духом восстания» подданных России киргизов, распорядился выпроводить беженцев в Кокандское ханство (о чем в начале декабря и уведомил Худояр-хана)⁵⁷.

Свое освобождение от кокандского гнета киргизы связывали с Россией. Стремление южных киргизов войти в состав России диктовалось как их желанием воссоединиться с северокиргизскими племенами, так и экономическими интересами. Но тщетно они обращались в дальнейшем к туркестанским властям с просьбой о принятии их в подданство, так как на данном этапе царское правительство вполне устраивало зависимое и в то же время полусамостоятельное положение Кокандского ханства, и оно не собиралось портить отношений с ханом из-за киргизов. Царизм не стал помогать киргизам еще и потому, что в это время усилилось недовольство со стороны Англии успешным продвижением России на юг. А царское правительство не хотело иметь новых дипломатических осложнений с Англией⁵⁸.

Против дальнейших территориальных приобретений России в Средней Азии решительно выступал министр иностранных дел Горчаков⁵⁹. Он выразил волю Александра II, еще в 1871 г. указывавшего туркестанскому генерал-губернатору Кауфману, что «ходатайство кокандцев подчиниться России, — если таковое последует, — необходимо отклонить»⁶⁰. Эта осторожность в немалой степени объяснялась тем, что «нельзя было сделать ни шагу, чтобы не расшевелить английских дипломатов..., чтобы не растревожить Ост-Индийскую империю, сыпавшую деньгами, обещаниями и агентами во все ханства», — отмечали современники⁶¹.

В связи с этим, после отклонения просьбы киргизов о присоединении к России Кауфман направил Худояр-хану свое поздравление по поводу подавления восстания: «Для меня было весьма приятно узнать, что смуты и беспорядки в под-

⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 12.

⁵⁷ Там же, л. 8.

⁵⁸ См.: Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.), гл. IV, М., 1965.

⁵⁹ М. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. III, СПб., 1906, стр. 423.

⁶⁰ К. Усенбаев. Присоединение Южной Киргизии к России, стр. 84.

⁶¹ М. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875, стр. 218.

властной Вам стране, как кажется, совсем прекратились. Искренне желаю, чтобы не повторялось подобное положение дел»⁶².

Однако в следующем, 1875 г., волнения разгораются с новой силой. Начало им было положено выступлением киргизов во главе с уже известным Муллою Исак Хасаном-Оглы, назвавшим себя Пулат-ханом. Недовольство Худояр-ханом охватило все слои населения. Отряды, посылаемые на подавление мятежа, стали присоединяться к восставшим. Вскоре в руках повстанцев были крупнейшие центры ханства — Ош, Наманган, Андижан, Асаке, Маргелан и др. Положение становилось критическим. Худояр-хан обратился за помощью к туркестанскому генерал-губернатору. Но было уже поздно. Восставшие приближались к столице. Под прикрытием казачьего взвода во главе со Скобелевым Худояр-хан бежал к Ходженту под защиту царских войск. Повстанцы вошли в Коканд. Представителями феодальной знати, воспользовавшимися восстанием в своих интересах, на ханский престол был выдвинут слабохарактерный сын Худояр-хана Наср-Эддин, игравший роль марионетки. Основным руководителем восстания Пулат-хан был заключен в тюрьму, но сумел бежать к своим сторонникам-киргизам на Чаткал.

Постепенно Наср-Эддина признали ханом и царские власти. Однако трудящееся население, и особенно киргизы, продолжало борьбу против ненавистной династии и поддерживавших ее царских войск. Отряды повстанцев приблизились к Ходженту, где ранее нашел убежище Худояр-хан.

Широкий размах восстания серьезно встревожил туркестанскую администрацию и заставил представителей царизма перейти к активным действиям. По просьбе Наср-Эддина было активизировано продвижение карательных отрядов в глубь ханства. Но недовольство ханами поднимало все новые слои населения. И вот в руках восставших — Коканд. Новый хан по следам своего отца бежит в Ходжент⁶³. Попытки царских властей восстановить на престоле Наср-Эддина встретили упорное сопротивление. Жестокие действия карательных отрядов заставили теснее сплотиться восставших киргизских, кипчакских, узбекских и таджикских трудящихся для оказания им отпора.

Однако силы были явно на стороне дисциплинированных и хорошо вооруженных правительственных отрядов. Слабо организованные полчища повстанцев, постоянно предаваемые

⁶² К. Усенбаев. Присоединение Южной Киргизии к России, стр. 85.

⁶³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. I, д. 64, л. 93.

примкнувшими к ним на первых порах феодалами, терпели поражение. Открытое послание Пулат-хана, возглавлявшего восстание, к туркестанским властям с просьбой заключить мир не было принято. Царизм решил ликвидировать ханство как самостоятельное государство. 7 февраля 1876 г. и. д. туркестанского генерал-губернатора Колпаковский в прокламации к местным жителям объявлял: «Весь Кокандский народ как оседлый, так и кочевой принят в Российское подданство, и земли, ими занимаемые, составлявшие прежде Кокандское ханство, присоединены к Российской империи»⁶⁴.

Если на первом этапе восстания против кокандских ханов киргизы связывали свое освобождение от ненавистного ига с Россией, с присоединением к ней, то после активной поддержки царскими войсками ханов, сначала Худояра, затем Наср-Эддина, борьба против ханского деспотизма естественно вылилась в выступления и против поддерживающих его царских войск. Поэтому и после объявления приказа о ликвидации Кокандского ханства и присоединения его на правах области к Туркестанскому генерал-губернаторству, борьба против царских карательных отрядов, направляемых для подавления восстания, продолжалась. Особенно упорной она была в горных районах кочевого киргизского населения.

Прекращению вооруженной борьбы местного населения не помогли и меры, предпринимаемые войсками, порою неуместно жестокие. Военная экспедиция, приуроченная к зиме, должна была, по словам ее организатора Скобелева, произвести среди восставших киргизов такой «погром», который бы сделал невозможным «это главное орудие газата (газавата.—В. П.) продолжать попытку к наступлению»⁶⁵. Однако первые походы не принесли желаемого результата. «Даже материальный ущерб, нами причиненный, — писал Скобелев, — менее тяжко отозвался именно на кочевом населении Ике-Су-Арасы — кипчаках и кара-киргизах, которые заблаговременно бежали частью к Узгону, частью на левый берег Дарьи»⁶⁶.

По следам бежавших киргизов, разоряя брошенные зимовки, сжигая кыштаки оседлых жителей, шел отряд полковника Закомельского. На пути попадалось брошенное имущество, оставшие женщины и дети. Наконец, был достигнут и противник, «несколько вооруженных кара-киргиз, которые

порублены»—доносил Закомельский⁶⁷. Между кыштаками Караянтак и Кайрабат каратели встретили отряд вооруженных повстанцев. «Прикрытие его изрублено... Все названные кышлаки были сожжены», — цинично заявлял завоеватель Ферганы Скобелев⁶⁸.

Восстание и на этом втором этапе было всеобщим и народным, хотя в отдельных местах феодалы пытались направить его в русло монархического движения за нового хана, за отделение в самостоятельное государство или даже под протекторат зарубежных стран ислама, в частности Афганистана⁶⁹. Клерикальная и панисламистская направленность выступлений отдельных феодалов вносила местами реакционную струю в общий ход восстания, однако не меняла в целом его природы как народного и национально-освободительного.

Движение 1873—1876 г., начавшееся как антиханское, на последнем этапе, когда ханы бежали под защиту царского оружия и русские войска стали занимать один город за другим, переросло в антицарское. Особенно активным оно было на юге Киргизии. Генерал-губернатор Туркестана К. П. Кауфман официально вынужден был признать, что на последнем этапе завоевания Кокандского ханства «борьба происходила не с ханом, а с народным движением, которое не так легко подавить»⁷⁰. «Никогда еще в Средней Азии русским не приходилось испытывать такой длинной и упорной борьбы, — писал Кауфман. — Мы в первый раз столкнулись с энергичным бойцом и узнали, что бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств!»⁷¹.

Массовые народные волнения, особенно со стороны кочевых киргизских племен, которые были направлены не только против непомерного налогообложения, но и в меньшей степени за личную свободу, подтачивали устой восточной деспотии и ханской власти и способствовали в конечном счете падению Кокандского ханства. Присоединение Южной Киргизии к России объективно сыграло прогрессивную роль в жизни киргизского народа. В крае началось разложение патриархально-феодалных отношений, сюда проникают и начинают

⁶⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 67, док. 202, л. 150.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ См.: Песня о киргизском феодале Абдулла-беке, приверженце Пулат-хана, составленная одним из его сподвижников. «Абдуллабек жөнүн-де ыр». Рукоп. фонд. Отд. обществ. наук. АН Киргиз. ССР, № 1566.

⁷⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 67, док. 261, стр. 319—324.

⁷¹ Там же.

⁶⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 6.

⁶⁵ Там же, 715, оп. 1, д. 67, док. 202, л. 69.

⁶⁶ Там же, л. 87—88.

развиваться элементы более передового по сравнению с феодализмом капиталистического способа производства. Но самое главное его прогрессивное значение заключается в том, что киргизский народ стал приобщаться к революционной борьбе российского пролетариата. Создавались предпосылки широкого фронта революционных сил для общего выступления против самодержавия, за национальное и социальное освобождение.

Обращение к политической истории Кокандского ханства приводит к выводу, что киргизско-кипчакские племена пользовались в ханстве большим влиянием. Активное участие киргизов в политической жизни Кокандского ханства способствовало экономическому сближению кочевого и оседлого народов, что в свою очередь вело, с одной стороны, к феодализации кочевого общества, с другой — способствовало некоторому сохранению патриархального уклада у самого земледельческого населения, растущего за счет перехода части кочевников к оседлости.

ХОЗЯЙСТВО КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ

Скотоводство

Основной отраслью хозяйства у киргизов в середине XIX в., как и раньше, было экстенсивное кочевое скотоводство, требовавшее обширных пастбищ. Горно-пересеченный рельеф Киргизии, слабый торговый обмен с соседними народами вели к тому, что разводился скот, сравнительно неприхотливый к пище, однако способный удовлетворять основные потребности населения. Побывавший в начале XIX в. в Южной Киргизии Мир-Иззет-Улла подчеркивал, что киргизы владеют большим количеством лошадей и овец⁷².

Экономическое благосостояние семьи кочевника да и его политическая роль определялись в хозяйстве поголовьем скота. «*Кан болмоктон бек болгун, кадырың болбойт малдан соң — будь хоть ханом, хоть беком, но без скота ты не сохранишь своего влияния*», — гласит народная киргизская поговорка⁷³.

По своим масштабам и значению в хозяйстве Киргизии первое место занимало овцеводство⁷⁴. Овцы являлись глав-

⁷² Путешествие Мир-Иззет-Уллы в Кокандское ханство..., стр. 47.

⁷³ Киргизско-русский словарь. Составитель К. К. Юдахин. М., 1965, стр. 125.

⁷⁴ П. Погорельский и В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930, стр. 19; К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов..., стр. 54.

ным источником продуктов питания, сырья для нужд хозяйства, служили эквивалентом товарообмена.

По удельному весу и той важной роли, которую лошади выполняли в хозяйстве, большую роль в жизни кочевников играло и коневодство. Во-первых при кочевом образе жизни киргизов лошади были необходимы в хозяйстве как средство для быстрого передвижения. Во-вторых, в условиях частых феодальных междоусобиц сохранить было легче более подвижное богатство, наиболее подвижный скот. В-третьих, в периоды джудов (зимнего массового падежа скота от бескормицы, главным образом во время гололедицы) лошади сравнительно легче добывали корм и гибли не в таком массовом количестве, как овцы и рогатый скот.

Существенное место в кочевом хозяйстве занимал рогатый скот мясо-молочного направления. Верблюды разводились лишь для транспортировки грузов, поэтому их было немного. В качестве примера рассмотрим состояние скотоводства в Шахристанском айле Ура-Тюбинского вилайета, населенного в основном кочевыми киргизами⁷⁵. Там в 70-х годах на 87 хозяйств приходилось: баранов—1211, крупного рогатого скота—227, лошадей—195 и верблюдов 58 голов⁷⁶. В то же время отдельные байские хозяйства имели тысячи голов скота. Братья бай-Пайшенбе (из памирских таджиков) владели от 5 до 10 тыс. голов скота, обслуживаемого батраками—таджиками и киргизами⁷⁷.

На Алае и в горах Памира разводились яки, постепенно вытеснявшие здесь другие виды рогатого скота⁷⁸.

Киргизы разводили именно тот вид скота, который мог в течение круглого года находиться на подножном корму, что отвечало требованиям кочевого животноводческого хозяйства. «При овцеводстве и вообще скотоводстве, когда они являются самостоятельными отраслями производства, — отмечал К. Маркс, — земля эксплуатируется более или менее сообща, причем эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер»⁷⁹.

⁷⁵ А. Мухтаров. Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964, стр. 15.

⁷⁶ Там же, стр. 122.

⁷⁷ Б. И. Искандеров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. II, Тр. АН Тадж. ССР, Ин-т истории, т. XXXIX. Душанбе, 1963, стр. 221.

⁷⁸ П. Чихачев. Об исследовании вершин Сыр- и Амур-Дарьи и нагорной площади Памир. Зап. РГО, кн. 3, СПб., 1848, стр. 20—21; Г. Е. Грум-Гржимайло. Очерк припамирских стран. Вестник РГО, т. XXII, 1886, стр. 101.

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XIX, ч. II, стр. 230.

Ведение скотоводческого хозяйства определялось навыками. Кочевали в силу географических условий вертикально, т. е. в горы, по традиционно выработанному годичному циклу. Хозяйственным распорядком предусматривалось постоянное пребывание скота в наиболее благоприятных климатических условиях. Для дальних перекочевков айлы объединялись в большие общие колонны.

Весной, начиная примерно с середины марта, кочевники располагались на весенних стойбищах *көктөө* у южных склонов гор, первыми освобождавшихся из-под снега. Со второй половины мая и до сентября скот находился на летних высокогорных пастбищах — *жайлоо*, где в изобилии были сочные травы и спасительная прохлада.

Жайлоо, как правило, были неравноценны. Скот богачей обычно летовал высоко в горах, где находилась главная, большая летовка *чоң жайлоо*. Скот бедняков летовал на склонах ближайших гор — *бөксө жайлоо*. Наиболее привлекательными были дальние пастбища высокогорных долин. Так, на Алай стекались почти все ферганские киргизы, «просторно раскидывая вдоль него свои аулы», — сообщал на одном из заседаний Русского географического общества Д. Л. Иванов после своей поездки по югу Киргизии⁸⁰.

Перекочевка с пастбища на пастбище совершалась медленно, с перерывами, чтобы это отрицательно не отражалось на упитанности скота. Лучшие пастбища с высокой травой использовались для крупного рогатого скота. Потом на них, а также на пастбищах с крутыми склонами пускали овец и коз. На новые участки переходили по мере стравливания пастбищ. Правильное использование пастбищ являлось целой наукой, и накопленные навыки выполнялись из поколения в поколение. Недаром в киргизской народной поговорке сказано: «*Жаман койчу жайытын бир күндө түгөтөт — дурной пастух овец в один день стравит свое пастбище*»⁸¹.

Киргизы очень высоко ценили Памиро-Алай, изобилие пастбищ и питательность травы, на котором, по их словам, «совершенно изнуренную лошадь откармливали менее, чем в 20 дней», где «овцы весьма часто ягнятся разом двумя ягнятами»⁸².

⁸⁰ Архив ГО СССР в Ленинграде, разр. 65. оп. I, д. 46, л. 43.

⁸¹ Киргизско-русский словарь, стр. 217.

⁸² П. Чихачев. Об исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи, стр. 20.

По отдельным сведениям, летом на Алае собиралось до 15 тыс. хозяйств со скотом в полмиллиона голов⁸³.

Ко второй половине лета кочевание достигало высшего пункта кругооборота — линии вечных снегов. Затем скот перегоняли в обратном порядке на осенние пастбища — *куздөө*, которые обычно использовались ранее как весенние. С наступлением холодной погоды, примерно с начала ноября, переходили на зимние стойбища — *кыштоо*, которые служили скоту естественным укрытием от непогоды.

С зимними пастбищами киргизы бережно обращались, экономно их использовали. Травостой сохраняли с осени, чтобы зимой скот мог добывать корм из-под снега. Поэтому наиболее удобными для зимних пастбищ были склоны гор, легко очищаемые ветрами от снега⁸⁴. Здесь же сооружались примитивные глинобитные жилища и открытые заграждения для овец из камня, глины, камыша — *короо*.

Суровые зимы, особенно с резкой переменной погодой, тяжело сказывались на экстенсивном кочевом животноводстве. Страшным стихийным бедствием был *джуг*, когда глубокие снега, затянутые ледяной коркой после кратковременной оттепели, скрывали травяной покров, вызывая тем самым массовый падеж скота. В связи с этим южные киргизы на зиму делали небольшие заготовки сена для поддержания лошадей и отчасти маточного поголовья. Это могли позволить себе только состоятельные хозяйства. Основная же часть скота круглогодично оставалась на подножном корме.

Зимовки были точно определены, и пользование зимними пастбищами строго соблюдалось. В материалах о юридических «обычаях» отмечалось, что киргизы и казахи летом живут более вразброс (*тарау*), зимой более скученно. Близко не сходятся из-за могущего возникнуть недостатка в траве и смещения скота⁸⁵.

Скот каждого рода и племени помечался особым клеймом — тамгой. К сожалению, сведения о тамгах очень отрывочны и относятся в основном к северным киргизам⁸⁶, тем не

⁸³ А. Волконский. От Нового Маргелана до границы Бухары. Путевые заметки. «Вестник Европы». 1894. № 7, стр. 133.

⁸⁴ В. Ф. Ошанин. Каратегин и Дарваз. Изв. РГО, т. XX, вып. 1, 1881, стр. 47.

⁸⁵ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 110.

⁸⁶ В. В. Радлов. Aus Sibirien, I, s. 534, Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, приложение, стр. 7 и 8.

менее имеются отдельные упоминания и о тамгах южных киргизов, таких как *кушчу, жети-уруу, багыш, кытай*⁸⁷.

Мета скота была необходима, чтобы предупреждать столкновение и недоразумения в случаях, когда смешивался скот разных общин. Тамги являлись традиционными и неизменными в течение длительного времени. При дроблении родов, отпочковывании от основного рода отдельных групп тамга рода сохраняла основную форму, лишь несколько видоизменялись ее отдельные элементы.

Киргизские родовые тамги требуют специального исследования. Их изучение способствовало бы выявлению как родственных отдельных племен, их преемственности и дробления, так и соотношений общественного и личного в собственности на скот у кочевого населения.

У южных киргизов скотоводство являлось основной отраслью производственной деятельности. Однако трудно говорить о чисто кочевом хозяйстве в середине XIX в. Многие киргизы уже фактически были оседлы и в широких масштабах занимались земледелием.

Земледелие

Киргизы издавна занимались земледелием, хотя и довольно примитивным по сравнению с земледелием оседлых народов. Под пашни преимущественно использовались поливные участки даже в столь высокогорных районах, как Алай.⁴ А. П. Федченко, побывавший в Алайской долине в 1871 г., подчеркивал, что киргизы засевали здесь «пшеницу *ляльми*, т. е. яровую, но поливаемую из арыков, ячмень и просо». Встретил он и поля люцерны («дженушки»), которую культивировали с недавнего времени, но довольно успешно⁸⁸.

У киргизов преобладала паровая система полеводства.

Главными посевными культурами были просо, ячмень, пшеница⁸⁹. У зимовок сеяли немного кукурузы⁹⁰, в очень ограниченном количестве — хлопок⁹¹, разводили тутовые де-

ревя⁹², и даже лен — *выгыр*, правда, только ради семян⁹³.

На одном месте они обычно 2-3 года подряд сеяли зерновые культуры, затем на 1-2 года оставляли эту землю под пар. Очередность культур севооборота была примерно следующей. В первый год сеяли просо (*таруу*). После жатвы сразу же высевалась озимая пшеница. На второй год снимался урожай озимой пшеницы. В третьем году производили яровые посевы льна, ячменя. Никаких удобрений на поля, за редким исключением, не вносили⁹⁴. В скученных оседло-земледельческих районах недостаток земли старались компенсировать привозимыми из города удобрениями⁹⁵.

Земледельческие работы проводились вручную, тем не менее на некоторых участках добивались высоких урожаев. У оседло-земледельческого населения очистка ирригационной системы, взрыхление почвы, поднятие паров, работы в садоводстве и пр. велись простым кетменем; имевшие тягловый скот использовали соху — *омач*⁹⁶.

Взрыхление земли (вспашка) в некоторых горных районах, как например в Нарыне, нередко велось обычными лопатками — *күрөк*. К этому способу прибегал, как сообщается в этнографических записях П. П. Иванова, наиболее бедный люд, не имевший ни рабочего скота, ни даже деревянной сохи — *буурсун*⁹⁷.

После посева основная масса киргизов откочевывала со скотом на летние пастбища. На месте оставались несколько членов семей, наемные батраки или же зависимые соседи, которые должны были присматривать за посевами. Их называли *жатакчы* — бедняк, вынужденный из-за отсутствия скота проводить и лето на зимовке, а также *аштыкчы* — человек, обязанный следить за посевами бая и поливать их.

Ко времени созревания урожая мужчины спускались к своим полям для его сбора, оставляя на это время скот под присмотром женщин и детей⁹⁸.

⁸⁷ Г. Иванов. Путь от Андижана до Нарына. «Туркестанские ведомости». 1873, № 9.

⁸⁸ И. Краузе. Заметки о медицинских и некоторых промышленных растениях в Средней Азии. В кн.: Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки, вып. 2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. М., 1872, стр. 268.

⁸⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 35052, л. 3.

⁹⁰ В. С. Батраков. Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства. Тр. САГУ. История. Новая серия, вып. 9. Гуманитарные науки, кн. 8. Ташкент, 1955, стр. 135.

⁹¹ А. Мухтаров. Очерк истории Ура-Тюбинского владения.... стр. 69.

⁹² Архив ЛОИНА, р. II., оп. 6, д. 32, л. 82, 99.

⁹³ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 808, д. 1, л. 113.

⁸⁷ Н. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов..., стр. 456.

⁸⁸ А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. М., 1950; стр. 372.

⁸⁹ Архив ГО СССР, р. 65, оп. 1, д. 30, л. 42; Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент, 1915, стр. 130—131.

⁹⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34052, л. 3.

⁹¹ А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, т. I, ч. II. СПб., 1875, стр. 91.

Жатва производилась серпом — *орок*. Зерно обмолачивалось прогоном скота на току (*кырман*) по разложенным снопам⁹⁹. Иногда использовался для этой цели деревянный каток.

С окончанием работ по сбору урожая у киргизов был связан обряд — *чеч* или *чечкор*. После обмола и провеивания зерно сгребали в кучу и очерчивали ее кругом. Наверх зерна клали кусок глины или семь камней и втыкали семь колосьев. Хозяин забивал на кырмане жертвенную овцу, и ее кровью обрызгивали зерно, лопаты, ток. Мясо шло на угощение. И только после этого зерно засыпалось в мешки — *кап*. Обряд совершался с причитаниями — *бата*, принесением жертв покровителю земледелия — *Баба-Дыйкану*¹⁰⁰.

В кочевых скотоводческих районах земледелие являлось подсобной отраслью хозяйства. Но для разоряющихся киргизов, для бедноты оно и там постепенно превращалось в основное занятие. Это нашло отражение и в киргизских эпосах. К. К. Юдахин приводит следующее выражение: «*Куу дүйнө жыйып, мал кутуп, не муратка жетейин? Андан көрө мен эми аштыкчы болуп кетейин — Собирая богатства и разводя скот, чего я достигну? Лучше я теперь стану земледельцем*»¹⁰¹. Однако при первом же улучшении материального положения такие киргизы вновь стремились перейти к скотоводству. Возьмем характерный пример из поземельно-податного обследования киргизских хозяйств. Так, в 50-х годах XIX в. обедневшие киргизы родов монгол и найман купили у жителей кишлака Сузак большой массив полузаброшенной пустоши. Для занятия земледелием они расширили два имевшихся арыка и вырыли три новых — Ямадыр, Бадальбай и Джигда. Тем не менее даже к 90-м годам из 31 хозяйства только 10 имели усадьбы, а 21 хозяйство — лишь заборы и хлевы для скота¹⁰².

В соседней местности Кампыр-Рабат земледелием занимались киргизы рода тейит. Но и здесь даже во второй половине XIX в. усадьбы имели только 2 хозяйства из 21. По сведениям поземельно-податного комиссара, почти все киргизы-земледельцы по традиции на лето уходили со скотом в горы¹⁰³.

⁹⁹ К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов, стр. 70—71.

¹⁰⁰ Т. Баялиева. Пережитки магических представлений и их изживание у киргизов. В кн.: Древняя и средневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967, стр. 119—120.

¹⁰¹ Киргизско-русский словарь, стр. 85.

¹⁰² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 77.

¹⁰³ Там же, л. 79.

Земледелие было преимущественно поливным, даже в самых высокогорных районах. «Виденные мною поля, — писал неоднократно А. П. Федченко о земледелии у киргизов Алая, — все оби, т. е. орошаемые»¹⁰⁴.

Проведение арыков и создание оросительной сети было делом коллективным. Каждая юрта айла или рода в таком случае выставляла по одному рабочему. Для их прокормления делались раскладки между юртами или хозяйствами на необходимое количество баранов. Также распределялось обложение деньгами, необходимыми для приобретения рабочего инвентаря (кетменей и пр.)¹⁰⁵.

Чистка центральных магистральных каналов была делом столь важным, что производилась в присутствии беков или даже хана. Когда воды было мало и ее нельзя было поднять естественным путем или посредством плотин, употребляли специальное водоподъемное сооружение, называемое у киргизов *чыгыр*, у бухарцев — персидским колесом¹⁰⁶.

В документах кокандского времени упоминаются кайрачные земли. Они свидетельствуют, что киргизы в какой-то мере осваивали неполивные земли — *кайрак* (ляльми), на которых засеивали только яровые хлеба — богару¹⁰⁷. По *васике* — купчому документу — 1268 (1851—1852) г. одна киргизская община продала феодалу Алымбек-бию Саидбиеву кайрачный участок в районе Узгена¹⁰⁸. Упоминания об обработке неполивных земель встречаются и среди описания границ вакфных участков. В документе (*вакф-наме*) от 1279 (1862—1863) г. при перечне земельных участков встречается «общая земля, засеиваемая под дождь (*ляльми кайрак*) обществ Букара, Даукат-бий, Аруин, Юкти и Сарыбаба»¹⁰⁹. По документу 1287 (1870—1871) г. при определении границ пожертвованного в вакф участка в местности Кутарма, близ Науката, названы «поля ляльми, засеиваемые отделением Атка»¹¹⁰.

Занятие киргизов-скотоводов земледелием, постоянные зимовки и постройки на них говорят о том, что хозяйство киргизов уже в этот период в отдельных районах было скорее

¹⁰⁴ Изв. РГО, т. VIII, 1871, № 1; «Туркестанские ведомости», 1871, № 35; Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. II, 1873, стр. 398.

¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, св. 892-а, л. 775—776.

¹⁰⁶ Л. Костенко. Земледельческая производительность Средней Азии. «Туркестанские ведомости», 1870, № 17.

¹⁰⁷ Марков. Фергана. Путевые очерки Кокандского ханства. «Русский вестник», 1893, № 9, стр. 17.

¹⁰⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36763, л. 10.

¹⁰⁹ Там же, д. 34965, л. 3 (1). Здесь и далее в скобках указывается лист оригинала, перед ним — его перевод.

¹¹⁰ Там же, 34961, л. 5.

полукочевым, чем кочевым. Об этом имеются и прямые указания в работе В. и М. Наливкиных, проведших несколько лет среди местного населения Наманганского уезда¹¹¹, членов поземельно-податных комиссий по обследованию хозяйств¹¹² и в других источниках.

В долинных районах Южной Киргизии земледелие издавна являлось основным занятием оседлого населения. Под влиянием земледельческой таджикско-узбекской культуры земледелие получает все большее распространение и становится основным занятием и у оседающих киргизов.

По данным 70-х годов, в киргизском аиле Шахристане с населением 429 человек засеивалось 420 пудов пшеницы, 360 — ячменя, 7 — клевера и соответственно снималось урожая: 2498, 1672 и 350 пудов¹¹³.

В середине XIX в. был уже целый ряд очагов земледелия, преобладающим населением которых были киргизы. Это кишлаки на юго-востоке Ферганской долины: Бостон, Кара-Багыш, Хан-Абад и др.¹¹⁴; в долине Еки-Су Арасы (междуречье Нарына и Кара-Дарьи) более 20 кыштаков¹¹⁵ и т. д.

Приведем образец одного из писем киргизов, свидетельствующий о давнем занятии их земледелием:

«Мы, жители обществ Буджун-Баджан и Кара-Булак, все родом киргизы. С незапамятных времен, т. е. наши деды и отцы поселились в указанных местностях еще в ханские времена. И так как в этих местностях земли оказались пригодными для обработки, то, поселившись на них, и начали обрабатывать таковые. Эти же земли оказались пригодными для искусственного орошения из вод, идущих с гор, родников и озер. И вот на этих землях поселились наши деды и отцы и построили себе на указанных землях дома, развели сады и заделались оседлыми жителями, так что на кочевку куда-либо не выезжают, а занимаются специально земледелием»¹¹⁶.

Примитивное земледелие оседавших киргизов первоначально удовлетворяло лишь насущные нужды семьи. Низкая производительность труда, недостаток рабочего скота и сельскохозяйственных орудий не могли обеспечить ему устойчи-

вого и интенсивного развития. Значительно на более высоком уровне стояло земледелие у недавно оседлого узбекско-таджикского и отчасти киргизского населения районов древнеземледельческой культуры Ферганы, причем, сравнительно неплохих успехов достигло выращивание здесь не только зерновых, но технических культур. В период Кокандского ханства в Фергане получило распространение также хлопководство¹¹⁷. Первые более или менее приемлемые статистические данные мы имеем, правда, с 1877 года, но они отражают состояние и за предшествующий период:

Сведения об урожаях хлопка по Ферганской области за 1877 г.

Уезд	Снято хлопка	
	пудов	фунтов
Андижанский	50604	39
Кокандский	290645	32,5
Чустский	14091	11 3/4
Ошский	6234	35
Наманганский	67050	—
Маргеланский	118140	25
Исфаринский (бывш.)	6395	25

В. Наливкин, касаясь экономической политики кокандских ханов, отмечал, что период правления в Коканде Омор-хана был связан с массовой экспроприацией киргизских земель¹¹⁸. Она была роздана феодалам или ее могло выкупить затем у хана само киргизское население. Следует подчеркнуть, что речь в данном случае шла в основном о пахотных или пригодных и доступных для обработки долинных землях. Кокандская колонизация не распространялась в горы — места коренных кочевий киргизов. Здесь дело ограничивалось возведением укрепленных крепостей, таких как Дараут-Курган, Кызыл-Курган, Суфи-Курган и др. В них располагались

¹¹⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23344, л. 48.

¹¹⁸ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 37.

¹¹¹ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерки быта женщины оседлого туземного населения в Фергане. Казань, 1886, стр. 15.

¹¹² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36687, л. 28.

¹¹³ А. Мухтаров. Очерк истории Ура-Тюбинского владения..., стр. 122—123.

¹¹⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 35—36; д. 33355, л. 70—80.

¹¹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7023. Распросная карта долины Еки-Су Арасы.

¹¹⁶ ЦГИА, СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 262, л. 195.

гарнизонные отряды, сборщики налогов—*зьякетчи*, имелись, мечети, кузны, торговые лавки и базары¹¹⁹.

Кокандцы, как правило, не заводили возле крепостей своих пашен, но в то же время не препятствовали киргизам распахивать земли и заниматься земледелием, поскольку пахотные земли привязывали кочевников к определенным местам, что в свою очередь облегчало взимание с них налогов и усиливало их зависимость от хана. «Кокандцы это ясно сознавали,—подчеркивал Н. Северцов,—и дорожили киргизскими пашнями у своих укреплений..., а потому и не заводили своей, сартовской оседлости. Кроме гарнизона в крепостях были немногие торговцы, ремесленники, огородники и то отчасти из гарнизонных сарбазов: и вся эта небольшая сартовская колония занимала (под садики и огороды) ничтожные клочки земли, менее 10 десятин, как, например, у Пишпека»¹²⁰.

Специфической особенностью земледельческого хозяйства Киргизии являлось сочетание сравнительно крупного феодального землевладения с мелким крестьянским землепользованием, отсутствие крупного земледельческого хозяйства, основанного на барщинном труде. Так, после ликвидации Кокандского ханства все частновладельческие земли — *мильк* и земли духовных учреждений и лиц — *вакф*, которые были заселены крестьянами и общинами, были отведены им в надел в бессрочное пользование¹²¹. За прежними владельцами остались лишь так называемые незаселенные земли, обрабатываемые землевладельцами или сдаваемые ими в краткосрочную аренду.

«Земли ненаселенные, — по сообщению начальника Кокандского уезда, — постоянных определенных доходов не имеют и эксплуатируются непосредственно самими учреждениями (вакфами.— В. П.) разными способами по условию с арендаторами или чайрикерами, если они удобны к обработке»¹²².

¹¹⁹ Эта же картина характерна и для северных районов Киргизии. Ср. этногр. материалы П. П. Иванова. Архив ЛО ИНА АН СССР, ф. II, оп. 6, д. 31, л. 97; Н. А. Северцов. О русских поселениях к югу и к западу от Иссык-Куля. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV. СПб., 1876, стр. 105.

¹²⁰ Поземельное устройство Ферганской области, ст. 122. См.: А. П. Савицкий. Поземельный вопрос в Туркестане. Тр. Таш. ГУ им. В. И. Ленина. Новая серия вып. 216. Исторические науки, кн. 44. Ташкент, 1963, приложение 5.

¹²¹ Н. Северцов. О русских поселениях к югу и западу от Иссык-Куля, стр. 105.

¹²² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. I, д. 22891, л. 73—74.

В результате на территории бывшего Кокандского ханства не осталось, ни одного сколько-нибудь крупного феодального владения, основанного на постоянном труде типа барщинного. Всего по статье частных владений, которые не были заселены крестьянами, поземельно-податными комиссиями выделялось 75 феодальных хозяйств¹²³. Одним из крупнейших землевладельцев в Ферганской области был некий Махмуд Алибай, имевший в Джала-Кудукской волости Ошского уезда около 200 дес.¹²⁴ Но они не обрабатывались барщинным трудом. Основная часть сохранных вакфных земель сдавалась владельцами для обработки в краткосрочную аренду. И лишь 26 мечетей, на которые приходилось 50 дес., вели собственные вакфные хозяйства, обрабатываемые муллами¹²⁵.

Все это свидетельствует об отсутствии значительных земледельческих хозяйств собственно феодалов, что, однако, не исключало наличия крупных землевладельцев на территории Южной Киргизии, владевших в ханское время тысячами тапапов земли.

Степень развития основных отраслей хозяйств населения Средней Азии к середине XIX в. — животноводства у кочевых и земледелия у оседлых народов — сравнительно высоко оценивалась современниками: «Относительно земледельческой производительности страны едва ли потребуются с нашей стороны какого-либо вмешательства,— писал в 1865 г. завоеватель Средней Азии генерал Черняев, — земледелие и скотоводство находятся здесь на высшей ступени развития»¹²⁶.

На территории Южной Киргизии дальнейший рост земледельческой культуры шел не столько за счет интенсификации труда, сколько в направлении количественного увеличения, расширения посевов в связи с колонизацией края и переселенческой политикой царизма. Еще долгое время, можно сказать вплоть до Октябрьской революции, скотоводство продолжало оставаться экстенсивным, а земледелие слабо развитым и очень трудоемким процессом.

¹²³ Данные суммированы по кн.: Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ, вып. I—V. 1897—1912 гг.

¹²⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. I, д. 33341, л. 60—61.

¹²⁵ Там же, д. 22507, л. 54—68.

¹²⁶ М. К. Рожкова. Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е гг. XIX в. М., 1963, стр. 52.

Домашние промыслы и торговля

Необходимым звеном натурального хозяйства являлось домашнее производство. Переработка сырых материалов в хозяйстве составляла основу домашнего промысла, или, по выражению В. И. Ленина, домашней промышленности¹²⁷.

Своеобразие быта и кочевого образа жизни киргизов определяло характер их промыслов и ремесел. Домашнее производство служило в основном целям удовлетворения нужд натурального хозяйства. Орудия труда были очень просты, техника — малопроизводительная, требовавшая больших затрат физического труда и времени.

Уходя своими корнями в древность, домашние промыслы продолжали бытовать вплоть до XX столетия. Лишь со второй половины XIX в. в связи с проникновением элементов капиталистических отношений отдельные промыслы начинают постепенно отделяться от сельского хозяйства, превращаться в самостоятельное ремесло, определенное В. И. Лениным как производство изделий по заказу потребителя за денежное или натуральное вознаграждение¹²⁸, приобретая мелкотоварный характер.

Сравнительно широкого развития у киргизов достигло изготовление предметов быта и обихода из животноводческого сырья. Из шерсти, обычно овечьей, катали войлок, шедший на халаты, головные уборы, обувь. Войлоком покрывали юрты.

Техника производства войлоков была архаична и очень трудоемка¹²⁹.

Широко славились узорные войлоки. Орнамент вкатывался из цветной шерсти, либо наносился путем аппликации или мозаики. Особенно ценился белый войлок, изготавливавшийся из белой верблюжьей шерсти.

В XIX в. приобрели известность ворсовые и шерстяные ковры южно-киргизского производства¹³⁰. Их делали только женщины, совершавшие весь процесс, «начиная со стрижки и

¹²⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 328.

¹²⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 329.

¹²⁹ См.: К. И. Антипина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962, стр. 22—40.

¹³⁰ А. Ромм. Очерк истории изобразительного искусства Киргизской ССР. М.—Л., 1941, стр. 30; А. Д. Уметалиева. Киргизский ворсовый ковер. Фрунзе, 1966.

кончая пряжей и окраской в различные цвета»¹³¹. Лучшие ковры поставлялись ханскому двору в Коканде¹³².

Высокую оценку киргизским коврам дал один из дореволюционных исследователей А. Фелькерзам, писавший, что «ковровое производство в Андижанском и Ошском уездах находится исключительно в руках киргизов», преимущественно племени ичкилик. Автор называет киргизских мастеров «в полном смысле художниками в ковровом производстве», чьи изделия «принадлежат к числу лучших в Средней Азии»¹³³.

Существенное значение в кочевом быту киргизов имела обработка шкур животных и изготовление из кож зимней одежды, предметов домашнего обихода, кожаной посуды, конской сбруи и т. п. Для удобства и красоты кожаным вещам придавали оригинальную форму, наносили орнаментированные украшения.

Обязанности мужчин и женщин в обработке животноводческого сырья, как правило, разграничивались. Свежеванием животных, изготовлением сбруи и обуви занимались мужчины. Женщины обрабатывали шкуры мелких животных, шили одежду, делали предметы утвари, разрисовывали кожи¹³⁴.

В байских хозяйствах для выделки кож и изготовления кожаных изделий приглашали специальных мастеров, использовали труд бедных родственников. Если работа была сложная, плата производилась натурой в виде подарков (шерстью, скотом, продуктами) или простого угощения.

Универсальным передвижным жилищем кочевников являлась юрта. Среди киргизских мастеров ценились специалисты по деревянным каркасам для юрт. Техника их изготовления в XIX в. описана Г. Загряжским¹³⁵ и осталась в своей основе неизменной и до настоящего времени¹³⁶. Мастера-деревообделочники—*джыгач уста* делали сельскохозяйственные орудия местного типа: сохи—*буурсун*, волокуши—*чигне*, седла—*ээр*, различную домашнюю утварь. Наиболее искусные занимались производством музыкальных инструментов. Все дела-

¹³¹ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области..., стр. 171.

¹³² К. Усежбаев. Общественно-экономические отношения киргизов..., стр. 75.

¹³³ А. Фелькерзам. Старинные ковры Средней Азии. «Старые годы», 1914, октябрь—декабрь; 1915, июнь, стр. 19, 23.

¹³⁴ К. И. Антипина. Особенности материальной культуры..., стр. 127.

¹³⁵ Г. С. Загряжский. Быт кочевого населения долин рек Чу и Сыр-Дарьи. «Туркестанские ведомости», 1874, № 31.

¹³⁶ А. Ф. Бурковский. Из истории техники обработки дерева у киргизов. Уч. зап. истфака КГУ вып. 3, 1954, стр. 88.

лось вручную, без каких-либо специальных приспособлений. Тем не менее отдельные изделия киргизских мастеров-деревообделочников представляли собой настоящие художественные шедевры.

Среди южных киргизов существовала известная специализация мастеров-деревообделочников¹³⁷. Работы по дереву выполнялись мужчинами. Женщины занимались лишь плетением простых и художественных циновок из жесткой степной травы—*чий*.

Издавна известно было у киргизов и кузнечное дело. Производство металлических изделий достигло ювелирного искусства. Киргизские кузнецы — *темир-уста* изготовляли как простейший сельскохозяйственный инвентарь и орудия труда (кетмень, серпы, топоры, ножи, подковы), так и оружие (клинки и боевые топоры—*ай-балта*, фитильные ружья—*кара-келте*, *баран-мылтык*)¹³⁸.

«Большая часть кара-киргизов, — читаем в одной из докладных записок 1853 г., — имеют одинаковое с кокандцами вооружение, не считая киргизской *ай-балты* (топора на длинной рукоятке), именно: пики, сабли и ружья с фитилями»¹³⁹.

Оружие киргизы частично покупали, частично изготовляли сами, «сами делают порох, но не хвалятся его добротностью», — отмечали побывавшие в 40-х годах XIX в. в Средней Азии топографы Воронин и Нифантьев¹⁴⁰.

Многие мастера металлического производства были одновременно и кузнецами, и слесарями, и ювелирами. Это отчасти вызывалось характером ювелирного производства: железные изделия покрывались тонким слоем серебра, позолотой. Большим художественным вкусом и национальной самобытностью отличались женские украшения, изделия из цветного камня, украшения для мужских поясов, седел, сбруи и пр. Мастера-ювелиры—*зергер* владели такими довольно сложными техническими приемами, как аппликация, зернь, штамповка, гравировка. Из рук искусных мастеров выходили народные музыкальные инструменты темир-комуз¹⁴¹.

Довольно сложное кузнечное ремесло и тонкое ювелирное мастерство отличались своеобразной профессиональной замкнутостью и традиционностью.

¹³⁷ См.: К. И. Антипина. Особенности материальной культуры... стр. 144.

¹³⁸ См.: А. Ф. Бурковский. Из истории техники металлического производства у киргизов, вып. V, 1958.

¹³⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 14, л. 515.

¹⁴⁰ Сведения о дикокаменных киргизах, стр. 150—151.

¹⁴¹ К. И. Антипина. Особенности материальной культуры... стр. 133—142.

Господство натурального хозяйства и ограниченность в связи с этим потребностей населения в ремесленных изделиях тормозили развитие ремесленного производства. Лишь изредка отдельные ремесленники работали на сторону, удовлетворяя заказы богатых скотоводов или выполняя мелкие заказы рядовых потребителей.

Свои изделия ремесленники нередко подносили в виде подарка—*тартуу* баям и феодально-родовой знати, получая вознаграждение по усмотрению дарополучателя¹⁴². Это была и примитивная форма обмена, и своеобразная форма эксплуатации.

Имеются сведения о том, что в некоторых кишлаках были свои постоянные кузнецы, которым за работу при сборе урожая выделялась специальная часть зерна. Таким же образом это делалось в отношении кишлачных аксакалов, мулл, цирюльников и пр.¹⁴³ Эта раздача зерна с урожая в пользу лиц, необходимых для общества, являлась остатком патриархальщины. Она практикуется не по шариату, отмечали современники, а по введенному обычаю¹⁴⁴.

В условиях натурального хозяйства и патриархально-феодальных отношений основная цель домашних промыслов и ремесла заключалась не в получении меновой, а в создании лишь потребительной стоимости. Непосредственными производителями товары обменивались или продавались не в целях обогащения и прибыли, а для приобретения тех предметов быта, которых у них в хозяйстве не было, или для выплаты налогов в денежных знаках.

В Киргизии до присоединения к России не было фабрично-заводской промышленности, имелось лишь ремесло, в целом продолжавшее носить характер домашнего производства, не отделившееся окончательно от скотоводства и земледелия.

Число крестьян, занимавшихся ремесленным производством в отдельных местах, было довольно значительным. Так, по сведениям 1878 г., на 87 киргизских хозяйств аила Шахристан Ура-Тюбинского вилайета приходилось 49 ремесленников¹⁴⁵. Имеются отдельные указания на то, что в Оше—единственном городском центре Киргизии того времени—ре-

¹⁴² М. Р. Рыскулбеков. Из истории ремесленно-кустарной промышленности в дореволюционной Киргизии. Тр. Киргиз. пед. ин-та, сер. историч., вып. 2, 1950, стр. 45.

¹⁴³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 1—3, 10—13.

¹⁴⁴ Там же, л. 1—3.

¹⁴⁵ А. Мухтаров. Очерк истории Ура-Тюбинского владения... стр. 122.

месленное производство было объединено по типу средневековой цеховой организации¹⁴⁶.

Отдельные бедняки-киргизы занимались горнорудными промыслами, добывали в горах Алая, Чаткала и других местах золото, свинец, олово. Киргизы Ура-Тюбинского вилайета заготавливали в горах лес и выжигали уголь для продажи в город¹⁴⁷. О продаже угля киргизами рода багыш на базарах упоминается в фольклорных материалах двух южных киргизских певцов — Нурмолдо и Мусы¹⁴⁸.

В Киргизии в очень ограниченных размерах занимались разработкой каменного угля. По распоряжению Худояр-хана каменный уголь доставлялся в Коканд из районов ныне действующего рудника Таш-Кумыр¹⁴⁹. Открытые с помощью киргизов угольные копи Сулюкты стали разрабатываться с 1868 г. и удовлетворяли первоначально потребности только Ходжента¹⁵⁰. Добывали киргизы и свинец близ Андижана и Ура-Тюбе, у северных отрогов Тянь-Шаня, и сбывали его в Коканде¹⁵¹.

Основная продукция кочевников в середине XIX в. являлась не столько предметом продажи, сколько обмена.

Роль всеобщего эквивалента выполняли не деньги, а скот, в частности бараны. Своих денежных знаков киргизы не печатали, но пользовались деньгами соседних среднеазиатских ханств — монетами и серебрянными слитками (ямбы).

Основным видом торговли в кочевых районах Киргизии была разъездно-монетная торговля, которую вели главным образом приезжавшие купцы¹⁵². Торговый оборот киргизов в кокандских укреплениях по сравнению с разъездно-меновой торговлей непосредственно в киргизских кочевьях составлял незначительный процент¹⁵³.

Из Ферганы и Кашгара в киргизские кочевья шли торговые караваны, которые везли товары, имеющие большой

спрос: халаты, хлопчатобумажные ткани, дешевые седла, подковы и другие мелкие вещи в обмен на скот и животноводческое сырье: шкуры, масло, кошмы и т. д.¹⁵⁴

В неопубликованной рукописи Г. Е. Грум-Гржимайло подчеркивается значение торговли для киргизов: «Бедность памирских киргиз отчасти объяснялась тем, что среди них не были, по крайней мере до 1887, распространены промыслы, и все, в чем они нуждались, не говоря уже об одежде и обуви, им приходилось приобретать в обмен на живой скот, главным образом на баранов¹⁵⁵.

Имеются сведения, что киргизы не являлись пассивными в торговле, а и сами занимались ею¹⁵⁶. Еще Мир-Иззет-Улла отмечал, что в Кашгар «пригоняется для продажи, обычно киргизами, большое количество лошадей»¹⁵⁷.

У оседлого населения Кашгара ощущался заметный недостаток в скоте, особенно овцах и лошадях, которыми их снабжали «киргизы из окружающей Кашгарию горной полосы» и даже Ферганы¹⁵⁸. Киргизы закупали у кашгарцев кошмы, широкую тесьму, веревки для юрт, яркендскую мату, сандуфи, ткани и пр.¹⁵⁹

На состояние торговли киргизов некоторое положительное влияние оказал транзитный торговый путь через Алай, проходящий из Центральной Азии в Среднюю и далее на запад. Но он не был решающим. Г. Генс писал, что «в Уше (г. Ош.—В. П.) проходящие караваны тюков своих даже и не развязывают: торговли тут никакой не бывает»¹⁶⁰. Однако налаживанию торговых связей этот путь в известной мере способствовал. К тому же, по сообщению Мир-Иззет-Уллы, в

¹⁵⁴ Д. Л. Иванов. Орографический очерк Памира. Стеногр. отчет заседания РГО, апрель 1884 г. Архив ГО СССР, р. 65, оп. 1, д. 46, л. 57.

¹⁵⁵ Архив ГО СССР, ф. 32, оп. 1, д. 36, л. 22. Высказывание Г. Е. Грум-Гржимайло о том, что среди памирских киргизов отсутствовали промыслы, не совсем верны. Основные нужды натурального хозяйства они удовлетворяли сами, частично перерабатывая продукты животноводческого сырья. См.: Т. Г. Абаева. Очерки истории Бадахшана. Ташкент, 1964, стр. 52.

¹⁵⁶ К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов..., стр. 84.

¹⁵⁷ Путешествие Мир-Иззет-Уллы в Кокандское ханство..., стр. 44.

¹⁵⁸ А. Н. Куропаткин. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб, 1879, стр. 20.

¹⁵⁹ Бурхан-уд Дин. Каттаган и Бадахшан. Перев. с перс. П. П. Введенского, Б. И. Долгополова и др. под ред. с предисл. и примеч. проф. А. А. Семенова. Ташкент, 1916, стр. 159; Т. Г. Абаева. Очерки истории Бадахшана, стр. 89.

¹⁶⁰ Г. Генс. Дорога из Семипалатинской крепости в Кашгар и Ташкент. Составлено Г. Генсом по рассказам татарина Муфтызы Феиз-Уддин-Марзан. Зап. РГО, кн. X. СПб., 1855, стр. 349.

¹⁴⁶ А. Г. Зима. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959, стр. 22.

¹⁴⁷ А. Мухтаров. Очерк истории Ура-Тюбинского владения..., стр. 93.

¹⁴⁸ Д. Айтмамбетов. Культура киргизского народа во второй половине XIX в. и начале XX века. Фрунзе, 1967, стр. 209.

¹⁴⁹ К. Мамбеталиева. Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии. Фрунзе, 1963, стр. 6.

¹⁵⁰ Там же, стр. 7.

¹⁵¹ В. В. Вельяминов-Зернов. Торговое значение Кокандского ханства для русских. 1854. Рукоп. фонды отд. редких книг б-ки им. А. Навои в Ташкенте, стр. 31.

¹⁵² А. Б. Джаманкараев. Развитие торговли в Киргизии в конце XIX в. начале XX в. Фрунзе, 1965, стр. 16.

¹⁵³ Там же, стр. 22.

Оше проходили крупные ежегодные ярмарки, на которых производился обмен товаров окрестных кочевников и паломников-мусульман¹⁶¹.

Киргизы нанимались проводниками караванов, погонщиками скота и понемногу втягивались в торговлю.

Значительным тормозом в развитии торговли являлись феодально-родовая раздробленность и постоянные междоусобицы. В первой половине XIX в. купцы часто жаловались на опасность торгового пути через Киргизию, поборы и произвол мелких феодально-родовых правителей, каждый из которых брал столько, сколько сам «рассудит взять»¹⁶². Влияние патриархальных отношений заметно сказывалось на внутренней «торговле» среди киргизов, завуалированной специфической патриархально-родовой формой. Она проявлялась в виде подношения даров и отдаривания подносившего¹⁶³. Подарок—*тартуу* состоятельным лицам, соседу, баю, бию скакунов, ценных мехов, искусных предметов ремесленного производства вознаграждался отдариванием с учетом ценности *тартуу*, но нередко и ниже его стоимости. Если в первом случае происходил своеобразный обмен в условиях отсутствия внутреннего рынка, то во втором — завуалированная форма эксплуатации богатым более бедного, зависимого соседа или «родственника».

Простой обмен был распространен среди беднейших слоев оседлого населения. И во второй половине XIX в. он был самым примитивным. «Два раза в неделю,— описывает начальник Ошского уезда рацион питания семьи среднего достатка, — обязателен плов, причем мясо, сало и рис приобретался не на деньги, которых у сельского жителя нет, а каждый раз в обмен на несколько пригоршней пшеницы или кукурузы»¹⁶⁴.

Развитию торговли и экономических связей с соседними народами, а также внутри Киргизстана препятствовало и отсутствие удобных дорог. Одиночные караванные тропы и горные перевалы были доступны лишь вьючному транспорту. Строительство первой колесной дороги в Алай через перевал

¹⁶¹ А. В. Бунаков. Народное хозяйство и социально-экономические отношения в узбекских ханствах перед завоеванием их царской Россией. Рукоп. 1939, Архив ЛОИНА АН СССР, р. II, оп. 6, д. 16, стр. 90—91.

¹⁶² Архив ЛО АН ССР, ф. 1, оп. 1 (1827), д. 8, л. 112. Донесение семипалатинского купца 1-й гильдии Степана Попова.

¹⁶³ К. Усеинбаев. Общественно-экономические отношения киргизов..., стр. 85.

¹⁶⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33341, л. 56.

Талдык к Иркештаму и далее в Кашгар было предпринято туркестанскими военными властями лишь в конце XIX в. Таким образом, основу хозяйственного уклада у киргизов составляло кочевое и полукочевое скотоводство, у оседлого узбекско-таджикского и частично киргизского населения — поливное земледелие. Промыслы и ремесленное производство, охота, торговля были неразвитыми и носили вспомогательный, подчиненный характер в натуральном хозяйстве. Все это способствовало живучести патриархально-родового уклада, хотя в целом общественные отношения были феодальными.

ГЛАВА II. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

ВЕРХОВНЫЙ СОБСТВЕННИК ЗЕМЛИ

Вся захваченная кокандскими ханами земля киргизов согласно мусульманскому праву, которым руководствовались среднеазиатские правители, становилась государственной собственностью, и единственным ее полновластным распорядителем делался хан.

У киргизов право собственности на землю, пишет один из первых исследователей поземельных отношений в Туркестане М. Н. Николаев, отсутствовало «в силу мусульманского права, по которому все земли стран, завоеванных силою оружия или подчинившихся добровольно, составляют собственность государства»¹.

В мусульманских странах право полной собственности юридически принадлежало лишь государству как представителю всего класса феодалов. Верховным собственником являлся хан, и только с его разрешения могло осуществляться юридически оформленное частное и общинное владение землей².

С установлением ханского господства, — подчеркивали исследователи поземельных отношений Ферганы, — «все земли были объявлены государственной собственностью, и желающие получить их в частное владение должны были покупать у казны... На имя уполномоченных были составлены особого рода купчие крепости, которые хранятся до сих пор»³.

Понятие государственной собственности на землю нашло свое отражение в обычном праве кочевников (*адат*) и в представлении оседлых жителей. «Согласно киргизскому обычаю, — отмечается в материалах комиссии А. И. Гомзина (1869 г.), — вода и земли есть собственность государства, ко-

торое в правах распоряжения ими не ограничено даже правом пользования подвластного народа. Правовоззрение оседлого населения, хотя кое-где слабо и отстаивало нерушимость прав пользования подданных, однако не отрицало и права государства, как вотчинников»⁴.

На вопрос, кому принадлежит земля, первые исследователи поземельных отношений Туркестанского края до его присоединения в России отвечали: «Земля есть собственность государственная». Это положение вытекало из мусульманского права, обычаев и практики земельных отношений. «Такой взгляд, — записано в докладе указанной комиссии Гомзина, — был не только мертвой буквой письменного права, но и живым, постоянно применявшимся правилом обычая»⁵. К нему апеллировали при спорах за землю.

Один из кокандских авторов упоминает, в частности, о таком факте. Когда казахские племена (подданные Коканда) перекочевали в глубь Чаткальских гор, используемых как летние пастбища животноводами Ферганы, то, по требованию последних Омар-хан направил для выдворения казахов войско⁶.

Право государства как верховного собственника земли подчеркивалось и в ханских документах. «Летние кочевья (*джайлау*), — говорится в документе маргеланского правителя (хакима) Султан Мурадбека, выданном алайским киргизам в 1204 (1867—1868) г., — составляют государственное имущество, но свободны для пользования без запрета для всех киргиз одинаково»⁷. В ханском документе, выданном в свое время одному из казахских родов, прямо указывалось: «Так как вся земля принадлежит хану, то он и дарит ее в пользование конградцам»⁸.

В ходе исследования способа производства в странах Азии, «восточных деспотий» К. Маркс пришел к выводу о феодальной по своему характеру государственной форме собственности: «Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 9-а, л. 22.

² Горнау. Особенности мусульманского права. СПб., 1892, стр. 51;

М. П. Ростиславов. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. Тр. третьего международного съезда ориенталистов, СПб., 1879—1880, стр. 5; Л. И. Дембо. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954, стр. 113.

³ Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область-Наманганский уезд. Ташкент, 1913, стр. 29.

⁴ А. П. Савицкий. Поземельный вопрос в Туркестане (в проектах и законе 1867—1886 гг.). Тр. ТашГУ, новая серия, вып. 216. Исторические науки, книга 44. Ташкент, 1963, стр. 33.

⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, д. 89—93.

⁶ См.: Р. Набиев. Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки. Ташкент, 1966, стр. 15.

⁷ Г. В. Покровский и Н. И. Стогов. Алайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 г. Стат. обзор Ферганской обл. за 1911 г. Скобелев, 1914, стр. 107—108.

⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 42, л. 269.

случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»⁹.

Право государства как верховного собственника земли определяет уплату государству ренты, совпадающей с налогом. «Если не частные земельные собственники, — пишет К. Маркс, — а государство непосредственно производит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты»¹⁰.

Государственное право на землю, пишет А. И. Гомзин, подтверждалось взиманием налогов, «ибо обоснование податей в мусульманском государстве не есть потребность государства, а — его права и преимущественно права на землю»¹¹.

Хан, будучи верховным собственником, распределял во владение и пользование как обрабатываемые пахотные территории оседлого населения, так и пастбищные районы кочевого населения. «Назначение зимовок и летовок со стороны ханов в ордах, — подчеркивается в материалах Гомзина о праве государства, как верховного земельного собственника, — указывает на существование этого же принципа и в киргизском населении»¹². Так, после захвата территории Киргизии Кокандским ханством отдельные киргизские феодалы и целые общинно-родовые объединения начали обращаться к хану с просьбой о закреплении за ними земель, прежде принадлежавших им. С такой просьбой в 1231 (1815—1816) г. обратился к хану Бекназар Раимбеков от имени своих «родственников» — киргизов рода Иса Мирза Гадаева. Эти родственники прежде владели на основании киргизского (родового) семейного начала данными землями. Из документа, выданного Омар-ханом, видно, что встречный иск на эти же земли был предъявлен другим родом во главе с Байбутом Токтомышевым. Документ, скрепленный печатями Кокандского хана Сеид Мухаммед Омар-хана, казиев и муфтиев определял, что «3/5 — частью описанной земли должен владеть Бекназар Раимбеков, со всем от него исходящим родством, а 2/5 — Байбута на тех же условиях»¹³.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 2, д. 3, л. 89—93.

¹² Там же.

¹³ Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 1—2, 29, 62 (32).

Интересен в этом отношении документ, выданный Малляханом после занятия им Кокандского престола киргизам рода кутлук-сеид в 1276 (1859—1960) г.: «Киргизы кутлук-сеид с своими родовичами занимали ур[очище] Кара-Тюбе. От разных притеснений кокандских властей вы разошлись по разным сторонам. В настоящее время, опять собравшись в место, желаете быть нашими подданными, потому вам предоставляется занимать местность Кара-Тюбе на прежнем основании, и никто препятствий делать вам не будет»¹⁴.

На правах верховного собственника хан монопольно распоряжался всеми землями. Он их дарил и конфисковывал, жертвовал в вакф и продавал независимо от того, были они в данный момент свободны или находились во владении частных лиц и общин. Из заявления ичкиликских киргизов рода кочкор видно, что они владели урочищем Кашка-Су еще до подчинения кокандцам. Несмотря на это, в 1283 (1866) г. по распоряжению хана часть их пастбищ (1/8 площади урочища) была передана во владение постороннему нойгутскому бию¹⁵. В 1291 (1874—1875) г. Худояр-хан пожертвовал в вакф мазару Хазрет-Аюпа в Джалал-Абаде около 6 тыс. танапов земли, принадлежавшей нескольким частным лицам и даже общинам¹⁶.

Таким образом, в Киргизии в период кокандского господства обрабатываемые земли оказались закрепленными за населением: а) на основе давности владения и пользования, б) ханскими пожалованиями, в) жертвованиями в вакф, г) купчими крепостями. Пастбища были оставлены в пользовании занимавших их родоплеменных групп. В результате, в верховной собственности государства оказались весьма разнообразные и сложные категории землевладения: казенные и лично ханские земли, частные владения феодалов и дехкан, земли общин и владения духовных учреждений.

Как подчеркивал В. И. Ленин, капитал застаёт «...средневековое и патриархальное землевладение самых различных видов: и феодальное и «надельно-крестьянское» (т. е. зависимо-крестьянское), и клановое, и общинное, и государственное и т. д.»¹⁷.

Выделение и характеристика земельных институтов в мусульманских странах, в том числе и в Средней Азии, представляют большую трудность в связи с тем, что ни нарратив-

¹⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 12800, л. 15.

¹⁵ Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 36161, л. 21—22.

¹⁶ Там же, д. 34325, л. 2—3(5), 25.

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 138.

ные, ни документальные источники их не перечисляют и специально не классифицируют, а учение мусульманского законоведения лишено исторической конкретности. Поэтому классификация современными исследователями форм землевладения в странах Ближнего и Среднего Востока, в государствах Средней Азии имеет довольно значительные расхождения¹⁸.

Схематично структуру землевладения в Южной Киргизии, как составной части Кокандского ханства, по нашему мнению, можно представить в следующем виде: а) государственные и ханские земли, б) частновладельческие земли, в) владения общин, г) земли духовных учреждений.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ

В период господства Кокандского ханства в Киргизии основную часть земельной площади составляли земли государственные (на правах владения).

Фонд государственных земель включал все обрабатываемые территории и пастбища, которые не были распределены между населением на правах владения и находились в полном и прямом ведении государства. Они назывались *мамлякат*, *амляк*, *замини-мамлака* и другими терминами. Будем называть их по общепринятой средне-азиатской терминологии — амляковые земли.

Обрабатываемые амляковые земли находились в пользовании непосредственных производителей. Их право основывалось исключительно на постоянном пользовании земель при выплате всех налогов и несения соответствующих государственных повинностей. «Все вообще земли: пустопорожние и неводелываемые как удобные, так и неудобные, принадлежали государству, — писал один из исследователей поземельного права Кокандского ханства, — землями этими согласно шариату имел полное право пользоваться каждый безразлично, с обязательством действительной обработки их и платы за них в казну подати (*харадж* и *танап*). Затем, перестав пользоваться этой землею, он тем самым, опять на

основании шариата, передавал ее в достояние государства»¹⁹.

Заброшенные пахотные земли обычно становились общими пастбищами, нередко даже не прежних, а новых землепользователей. Так, земельный участок около 140 дес., находящийся в конце Янги-Арыка в Ошском уезде, оказался спорным. На него претендовали киргизские роды Ардай, Тюлекен и Ходжи из Аюкчата. Сначала он был пахотным и, видимо, принадлежал кому-то на правах владения, но потом арык разрушился и землю забросили. Эта земля пошла под пастбище, и население стало считать ее казенной и свободно ею пользоваться²⁰.

Крестьяне амляковых земель юридически являлись как бы наследственными арендаторами. Их права землепользователей приравнивались либо к найму — *иджара*, либо к договору — *миזורиет*²¹ и могли в любое время быть прекращены волей государства. В то же время практически участки государственной земли переходили из поколения в поколение по наследству, от одного пользователя к другому, предпочтительно к сыну, но никак не к дочери, которая не могла наследовать прав отца²².

Переход по наследству документально не оформлялся. «Никаких актов на владение землями и садами ни у киргиз, ни у сартов нет. Переходит же все потомственно», доносил находящийся в Чимкенте помощник управляющего населением центральных областей в 1866 г.²³

Из фонда обрабатываемых земель ханы выделяли земли бо временное пользование (типа бухарского *танхо*) и в полное владение своим феодалам, а также конституировали духовным учреждениям в вакф. Так, в 1242 (1826—1827) г. Мадали-хан пожаловал в полное владение киргизским батырам Худайбердию, Джанышбаю, Байбута-Батыру и др. земли в местности Кара-Бура и Кафга²⁴.

Но такие акты носили преходящий характер и были не прочны. Например, землями кишлака Яр-Мазар в Маргеланском вилайете, по заявлению жителей, «пользовались то джигиты хана или бека, то доходы с них передавались в пользование какого-либо отдельного лица пожизненно». В последние годы Худояр-хан передал эти земли, т. е. право на

¹⁸ Ср.: Л. И. Дембо. Земельный строй Востока. Л., 1927, стр. 6; Б. Н. Заходер. История восточного средневековья. Курс лекций. М., 1344, стр. 75—76; История народов Узбекистана, т. 1. Ташкент, 1950, стр. 233—234; И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.-Л., 1960, стр. 233—283; А. Мухтаров. Очерки истории Ура-Тюбинского владения..., стр. 57—71; Н. Махмудов. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV—XV вв. Душанбе, 1966, стр. 33—68; История Узбекской ССР, т. 1, Ташкент, 1967, стр. 611—620.

¹⁹ «Туркестанские ведомости», 1885, № 20—21.

²⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22524, л. 3—8.

²¹ Там же, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 135.

²² Там же, л. 136.

²³ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, г. св. 892—а, л. 808.

²⁴ ЦГА Узб., ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 205, л. 31.

доход с них, одному карию, обязанному ежедневно читать ко-ран в честь «бывших и нынешних» ханов²⁵.

Как только истек срок временного пожалования, земли снова превращались в амляк. В связи с этим нередко были случаи, когда с кишлака, переданного ханом в пользование какому-либо сановнику, налог взимался дважды: ханским сборщиком и феодалом. Первый считал, что подати должны поступать в казну, второй же продолжал требовать их в свою пользу. О том, что так было, свидетельствуют жалобы дехкан и скотоводов на двойные поборы. Например, *амин* (староста) к. Кыргыз-Курган (Наманганский вилайет) жаловаться хану, что с его селения требуют сборы и ханский курукчи²⁶ Мухаммед Садик, и ханский военачальник (*бахадурбаши*) Мулла Турди Али, которому был пожалован тугай их селения²⁷. Второй пример. По свидетельству курукчи и жителей Мирза-Абада, кишлак прежде являлся государственным, и доходы с него собирались в казну. Позже он перешел во владение Насруллы-бека, и налог с жителей стали требовать, наряду с ханским, бекские сборщики²⁸.

Получавшие ханские пожалования не были частными собственниками земли, они являлись лишь ее условными владельцами и имели только право полностью или частично собирать в свою пользу подати с крестьян этих земель. Но за давностью такие условные владения тяготели к превращению в наследственные частные владения (*мильк*). Отчуждать непосредственным производителям государственные земли было нельзя²⁹.

Юридические отчуждения амляковых земель ограничивались волею хана и были условными, так как каждый последующий правитель вправе был подвергнуть ревизии документ, выданный его предшественником и даже аннулировать его.

В начале правления Худояр-хана 52 киргиза Маргеланского вилайета купили за 180 тилла³⁰ орошаемый массив го-

²⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 22770, л. 3.

²⁶ Курукчи—объездчик ханских «заповедных» земель—*курук*.

²⁷ А. Л. Троицкий. «Заповедники»—курук кокандского хана Худояра. Сб. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. III. Л., 1955, стр. 138.

²⁸ Там же, стр. 145.

²⁹ Шах-Уль-Феранд: «Амляк же частные лица не имеют права ни завещать в чью бы то ни было пользу, ни обращать в вакфы, ни отдавать в залог, ни заявлять на таковую иска». См.: М. П. Ростиславов. Очерки видов земельной собственности..., стр. 6.

³⁰ Тилла—кокандская золотая монета в 3 р. 64 к. по курсу 60-х годов XIX в. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 12740, л. 5—6.

сударственной земли. На нем основали селение Кызыл-Аяк. Тем не менее позже, использовав в качестве предлога их «ссору с араванским беком», хан приказал изгнать киргизов, «а земли провинившихся присоединить в казну»³¹.

Первоначально продажа доходных государственных земель была строго ограничена и осуществлялась только в общегосударственных интересах. Даже ханы при продаже амляковых земель должны были обосновывать ее необходимость в специальном актовом документе—*васике*³². Возьмем, к примеру, документ за 1260 (1844) г. Доверенный хана парваначи Каримкул Тагрикулибаев продал за 50 тилла два участка казенной земли киргизам Андижанского вилайета Юргасары Акюкбаеву, Ирناзарбию Карабутоярову и др. (всего 19 человек). Продажа была обоснована в васике тем, что деньги необходимы «для содержания и вооружения ханского войска»³³.

Впоследствии же не только ханы, но и их виднейшие сановники, более или менее свободно отчуждали государственные земли. Так, Алимкул, возведший на престол Султан Сеида, оформил «с разрешения хана» своему медресе в Кара-Су целый кишлак Кара-Шах, подати с которого прежде поступали в казну³⁴.

В 1292 (1875) г. андижанский бек Наср-Эддин (сын Худояр-хана) «изволил милостиво подарить своему многоважаемому родственнику мулле Мухаммед Квли-Ахунду Халмирзабаеву один участок казенной необработанной земли, который, как сказано в документе, «отныне будет принадлежать названному моему родственнику и сделался его собственностью по шариату»³⁵.

Непрочность прав владения усугублялась межфеодальными усобицами, дворцовыми переворотами. Даже продажа земли, оформленная купчей крепостью и скрепленная ханской печатью, при новом правителе могла быть нарушена. В 1281 (1864—1865) г. Сеид Султан-хан и Мулла Алимкул выдали жителям местности Уйлуку и Алайлуку (Андижанское бекство) документ, в котором сказано: «Наш дед (Шир-Алихан), имеющий место в раю, продал означенную землю (Бузак-Ульды и Каирманди-Мазар.—В. П.) жителям Уйлука и Алайлука для продовольствия и надобности войска ислама за триста тиллей». Документ был выдан в подтверждение

³¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22694, л. 2—3.

³² А. П. Савицкий. Поземельный вопрос в Туркестане, стр. 31.

³³ ЦГА Кыргыз. ССР, ф. и. 38, оп. 1, д. 37, л. 9.

³⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34336, л. 2(3).

³⁵ Там же, д. 22737, л. 2(3).

распоряжения прежнего хана и приказывал, «чтобы никто не стеснял (жителей.—В. П.) относительно упомянутой земли»³⁶. Однако после дворцового переворота в пользу Худояр-хана документ его предшественника и соперника Сеид-Султана был аннулирован. Как позже вспоминали жители, «луговая земля с камышами, называемая Булак Ульды, действительно была отобрана Худояр-ханом от жителей местности Уйлук и Алайык... документ же, выданный Шир-Али-ханом в продаже им этого луга, от них был отобран автобачием и им же уничтожен»³⁷. Наряду с непрочностью прав частного владения одновременно наблюдается картина все большего тяготения государственных амляковых земель к частновладельческому—мильковому. Амляковые земли давнего наследственного пользования постепенно приобретают права мельковых вплоть до того, что в отдельных случаях государственные земли стали отчуждаться и непосредственными производителями. Юридически продажа амляковой земли оформлялась как переуступка одного пользователя другому не самой земли, а лишь результатов затрат личного труда, вложенного в землю. В Бухарском ханстве в связи с этим «ввиду возникших недоразумений от смешения понятий о купле-продаже на земли с понятием переуступки прав пользования, казиям приказано было писать на документах не слово «земля», а «ускенази»—произрастания»³⁸. Поэтому в среднеазиатских актовых документах на куплю-продажу земель мы совсем не встречаем слово «амляк». Речь идет лишь о продаже произрастающих на ней продуктов — *ускенази* (*ускуне*)³⁹. Продавалась якобы не сама земля, а лишь «права на возделывание ее»⁴⁰.

Встречались даже факты передачи государственных земель в вафф непосредственными производителями, лишь юридически пользующихся ими. При составлении отчета Туркестанского генерал-губернатор П. Хомутов отмечал, что в среднеазиатских ханствах «право заповедания вакуфов под

³⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23024, л. 15.

³⁷ Там же, л. 9.

³⁸ Там же, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 136.

³⁹ Ср. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. 1. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович. Ташкент, 1954; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.—Л., 1954, стр. 38 и примеч. 1; К. М. Мирзаев. Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1956, стр. 5; А. П. Савицкий. Поземельный вопрос в Туркестане, стр. 41.

⁴⁰ М. П. Ростиславов. Очерк видов земельной собственности..., стр. 6—7.

влиянием духовенства распространилось на простых поселян, владевших землями казенными»⁴¹.

Как уже отмечалось выше, государственными землями считались и пастбища, если они не были переданы специальным указом в чье-либо владение. В частности, высокогорными отгонными пастбищами Алая пользовались как государственными свободными землями не только киргизы, постоянно там кочевавшие, но и скотоводы ближайших районов Ферганской долины.

«Места летовок никем не оспариваются и приходящие на летовку не ссорятся...,—сделал заключение в результате обследования Алая поземельно-податной комиссар Краснослободский. — Население не считает себя вправе именовать земли Алайской долины своею собственностью, но удостоверяет, что земли эти искони, фактически, потомственно состояли в пользовании Акбуриной, Булакбашинской, Кашгар-Кишлакской, Куршабской, Ошской, Наукатской волостей Ошского уезда, а также Кара-Суйской волости Андижанского уезда и Араванской волости Маргеланского уезда»⁴².

Однако практически регулирование пастбищепользованием было сосредоточено в руках феодально-родовой знати в лице баев, биев и аксакалов.

Наиболее ценные государственные земли не были в таком свободном пользовании населения. Они строго учитывались и, как правило, сдавались в краткосрочную наиболее прибыльную аренду. В Кокандском ханстве такими строго учитываемыми землями были ханские «заповедники» — *курук*, представлявшие собой ценные пастбищные земли, чаще удобные зимовки, сдаваемые за высокую арендную плату во временное пользование⁴³. Имелись специальные чиновники, которые следили за сохранностью государственных земель, стремились не допускать их незаконного использования.

⁴¹ Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. Фон-Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в области Туркестанского генерал-губернаторства, 7 ноября 1867 г. — 25 марта 1881 г. СПб., 1885, стр. 239.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 212.

⁴³ А. Л. Троицкая. «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра... По определению В. В. Бартольда, в монгольскую эпоху словом «курук» в Средней Азии обозначалось все заповедное и запрещенное, куда был закрыт доступ посторонним: участки земли, составляющие частную собственность или чаще собственность государя, дворец государя (В. В. Бартольд. Соч., т. IV, М., 1966, стр. 384). В отдельных бухарских документах государственная земля называлась термином *курук-кул*. (Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. 1, стр. 70—71)

Один из чиновников — *курукчи* Мулла Иш Мухаммед доносил в ханскую канцелярию о предотвращении им незаконного присвоения государственных земель: «В (кишлаке) Иштансалды, между кишлаками Ак-Тауком и Чимбаем, имеется около двадцати двух джуфта (176—198 га) государственной земли без хозяев (необрабатываемой). Пять-шесть человек фукара селения Ак-Таука хотели продать за тысячу танга (200 руб.) часть тех земель, находящихся в окрестностях (их кишлака), но испугались и не продали. Я с точностью установил, что земля та государственная (*замини мамлака*)»⁴⁴.

В непосредственном ведении казны осталась также сравнительно небольшая площадь обрабатываемых земель, которые правительство считало более выгодным сдавать в краткосрочную аренду — так называемые казенные земли. С ними тесно переплетались лично ханские владения.

Частные, или личные земли ханов, практически были трудно отделимы от владения казны, казенных имуществ. После ликвидации Кокандского ханства в ханской канцелярии не было обнаружено никаких списков, на основе которых можно было бы сделать разделение казенных и лично ханских земель, так как «при ханах право частного владения правителей ничем не отличалось от вотчинного их права, и все имущество, не исключая принадлежащих находившимся в ханстве обывателям, считалось собственностью хана», — дает ответ военный губернатор Ферганской области на запрос канцелярии туркестанского генерал-губернатора «о разыскании ханских имуществ и вакуфных документов»⁴⁵. Практически почти невозможно было отделить частные владения правителей от вотчины⁴⁶. Просто лучшая часть государственных земель находилась непосредственно во владении и пользовании ханов⁴⁷.

Источником образования казенных и ханских земель явились орошение (по указанию хана) земель *мевог* — «мертвых», конфискация земли у опальных лиц, получение таковой по наследству и т. д. Обозначались в документах они терминами *замини-подшохи*, *замини-амири*, у местных законов

⁴⁴ А. Л. Троицкая. «Заповедники» — курук кокандского хана... стр. 123.

⁴⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 327, л. 9.

⁴⁶ Там же, л. 7—13.

⁴⁷ Х. Ф. Чикаев. К аграрному вопросу и положению дехкан в Кокандском ханстве. Тр. Узб. Гос. ун-та, новая серия, № 39, Самарканд, 1947, стр. 1—11.

также — *замини-султони*⁴⁸. В документах Кокандского ханства «удельные» (коронные) земли хана назывались *хасс* или *мири*⁴⁹. Это были «царские», «эмирские» земли, которые, по определению А. А. Семенова, «были в нашем смысле слова казенными землями и в известной степени кабинетскими, применяя сюда терминологию поземельного устройства бывшей Российской империи»⁵⁰.

Изредка, например, среди перечня пожертвованных в вакф земель или продаваемых участков, встречается название «казенная земля». Так, в вакф-наме Худояр-хана, определявшего землю и лавки в пользу медресе своей матери Хаким-аим, среди границ вакфного земельного участка значится «казенная земля Хала-Кум» в районе г. Коканда⁵¹. Но таких земель было немного. После присоединения Кокандского ханства к России оказалось, что казенных земель во всем Маргеланском уезде, одном из крупнейших вилайетов ханства, насчитывалось лишь 2162 танапа⁵².

Отсутствие статистических данных затрудняет определение казенных и удельных земель ханов, которые были разбросаны по всей территории государства. Частичное представление о расположении ханских земель дают следующие материалы. После присоединения Коканда к России последний хан — Наср-Эддин обратился к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой, чтобы за ним оставили его личные земли, находящиеся в Андижанском, Кокандском, Исфаринском и других уездах. Эти земли, как писал Наср-Эддин, были куплены им или подарены ему его отцом Худоярханом и оформлены казиями документально⁵³. Часть земель *хасс*, доходы с которых шли непосредственно на нужды хана, находились в Маргеланском вилайете, в районе Ер-Масчит⁵⁴.

⁴⁸ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Тр. САГУ, сер. II, вып. I. Ташкент, 1929, стр. 7, 40.

⁴⁹ А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов XIX в. Предварительный обзор, Тр. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. II (V). Восточный сборник. Л., 1957, стр. 193.

⁵⁰ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 40.

⁵¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34533, л. 1.

⁵² Их разрозненные участки находились в различных кишлаках: в Сурх-тепе — 12 танапов земли, в Ак-тепе — около 20, в Курган-тепе — 200, в Рамадане — 50, в Калгаче — около 500, в Бек-Абаде — 15, в Арале и Ганьят-тепе — 1000, в Дариль-Амане — 120, в Аулиэ-Чеке — 10, в Мирза-Абаде — 6, в Кызыл-Аяке — 19 (ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22518, л. 17).

⁵³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22911, л. 2.

⁵⁴ А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 193.

Но на территории Киргизии таких земель, по всей вероятности было немного. В многочисленных просмотренных документах мы лишь однажды встретили упоминание, что в местности Мады, близ Оша, находились поля, принадлежащие хану⁵⁵. Известно, однако, что во многих местностях Худоярхан имел великолепные сады, где проводил все свое время⁵⁶. В Киргизии, в районе Джалал-Абада (ныне курортные места), было три таких фруктовых сада, один из которых (6 дес. 592 саж.) принадлежал лично Худояр-хану, второй (3 дес. 1019 саж.)—его сыну Наср-Эддину и третий (6 дес. 1998 саж.)—брату хана, Мурадбеку⁵⁷.

МИЛЬК

В Южной Киргизии, главным образом в оседло-земледельческих районах, значительное место имело частное землевладение (*мильк, мюльк, мамлюк*).

Юридическое право на частное землевладение могло быть получено только от верховного собственника — государства орошением с согласия правителя пустошей, если земля была необрабатываемой, и куплей у государства уже обработанного участка. Право на мильк всегда (и при купле и при орошении) должно было быть закреплено документально ханской грамотой, скрепленной государственной (ханской) печатью. Мильк являлся бессрочным владением, действительным на все время пользования землей, но в то же время он не был вечным, так как уничтожался с фактическим прекращением земледельческого использования, с завоеванием земель другим государством и даже просто по воле хана как верховного собственника.

Владелец милька обязан был платить налоги и нести соответствующие государственные повинности. Но при известных обстоятельствах мильк мог быть полностью или частично освобожден от налогов—«обелен» (специальным распоряжением хана).

Мильки свободно отчуждались и передавались по наследству. В первом случае это документально удостоверялось, во втором — проходило механически. Деление земель на государственные (мамлякат, амляк) и частновладельческие (мильк, мамлюк) по мусульманскому законодательству и местной практике, как сообщается в материалах комиссии Гомзина,

⁵⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22524, л. 78—79.

⁵⁶ А. Диваев. Последние дни Худояр-хана. Отдельный оттиск из «Туркестанских ведомостей», 1916, № 20, стр. 3.

⁵⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 73.

«касается лишь фактического владения государством или лица, а не права собственности того или другого»⁵⁸.

В зависимости от того, кому принадлежит земля и каковы формы ее эксплуатации мильки подразделялись на феодальные, обрабатываемые зависимыми крестьянами — земледельцами, и дехканские — владения непосредственных производителей.

Рассмотрим подробнее источники образования частновладельческих земель. Еще в начале XIX в. наманганский хаким Саидкул-бек по распоряжению Омар-хана распродал все искусственно орошаемые, надо полагать, вновь завоеванные земли. В результате этого, у кочевников остались лишь горные пастбища⁵⁹. Факты купли киргизскими феодалами земель у ханов отмечаются уже после подчинения их Кокандом. В 1210 (1785) г. кокандский правитель (судя по дате, Нарбута-бий) продал четырем братьям Дживибаяевым из племени багыш «в потомственное их владение» обширный земельный массив Джергетал⁶⁰.

Узгенские киргизы рода кара-тейит Каландар-бий, Софил-Батыр, Ханджар-Куват-батыр, Бури-бий, Арзу Мухаммед Али-бий, Миңбаткул бий Кутды-батыр и др. имели документ—васику на куплю у Алим-хана земель в окрестностях узбекского кишлака Паламан (Маргеланский вилайет)⁶¹.

Одним из основных источников образования мильков являлось также орошение необрабатываемых государственных земель, для чего первоначально необходимо было получить согласие властей. По мусульманскому праву полагалось: «Кто возделывает пустые поля с разрешения начальника — получает право собственности на них»⁶².

Орошение новых земель, как правило, требует больших затрат труда или средств. Строительство ирригационных сооружений было под силу лишь феодалам, общинам и государству. Они и были инициаторами орошения новых земель, поэтому естественно, что за ними закреплялись эти земли. Таким путем образовалось обширное земельное владение известного киргизского феодала (в это время хакима Анлижанского вилайета) Алымбека-дадхи. Пять тысяч кошей (около 1600 дес.) земли, орошенной по его приказу в

⁵⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 133—135.

⁵⁹ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 37.

⁶⁰ М. Т. Айтбаев. Социально-экономические отношения в киргизском айле в XIX и начале XX веков. Фрунзе, 1962, стр. 60.

⁶¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 205, л. 8.

⁶² Хидая. Комментарии мусульманского права, т. IV. Ташкент, 1893, стр. 103.

местности Чин-Абад, перешли после этого из разряда государственных земель в частновладельческие⁶³.

В одном из заявлений киргизов рода басыз указывается, что они потомственно владели землями в Яссакинской волости Андижанского уезда, причем на правах орошения прежде богарных земель. С 30-х годов XIX в. «благодаря Чичкан-бию, проводившему арык за свой счет, она стала поливной», — пишут заявители, — и перешла на основании этого во владение Чичкан-бию и его «родственников»⁶⁴.

Орошенная по приказанию Худояр-хана киргизами рода Муллы Мухаммед-Шариф-Ахунда местность Поканачаб в Араванском бекстве, была затем оформлена в вакф медресе Утамбая Минбаши⁶⁵, который и стал фактическим землевладельцем вновь орошенного массива. Киргизы, сделавшие все оросительные работы, остались лишь наследственными землепользователями, хотя во время поземельно-податных исследований они показали, что «земли все в даче (новая поземельно-податная единица.—В. П.) составляют мильк», их владение, а право медресе основывается лишь на взимании с них налога-хераджа, что подтвердил и управляющий вакфом—*мутавалий*⁶⁶.

В условиях орошаемого земледелия вода приобретала большую ценность и земля была главным средством производства только в соединении с оросительной водой. Поэтому в понятие частного владения—мильк входило как право на землю, так и право на воду. Большая ценность воды вела к тому, что она могла быть отчуждаема и даже отделена от земли (очередность полива). В различных частях Туркестанского края имелись такие местности, как Ходжентский уезд в Самаркандской области и Шахимарданская оросительная система в Фергане, где торговля водой отдельно от земли составляла широко распространенное явление⁶⁷.

Документы из Ура-Тюбе фиксируют мильк и вакф не на землю, а на воду, причем, имеются записи как общих, так и частных владений. В журнале регистрации документов ханского времени под № 8 зарегистрирован документ частного владения водой многими лицами: «Махмет Шериф-бай 1 вода, Наамет-Бай—1 3/4 воды, Нур Мухамет—1/2 воды, Мамырбай—3/4 воды Исмаат-бай—1/4 воды, Намаз Караулбеги—1/4 в., Абдул-

ла — 1/4 в., Махмет Алибек — 1 1/4 в., Умурбай — 1/4 в., Махмет-Кулбай—1/2 воды и Халь Назарбай — 1/2 воды»⁶⁸.

Интересна запись документа от 1248 (1832—1833) г., оригинал которого был выбит на камне: «Мильк на 1 1/4 воды на камне в Басманды, 1-й сарай в городе и мельница»⁶⁹.

Отличительную черту мильковых земель составляло то, что они могли являться предметом гражданских правоотношений, быть отчуждаемыми. Купля-продажа, аренда производились обычно в денежной форме. Однако в ранние периоды ханства, а на окраинах государства и позднее имела место и меновая торговля.

В архивах хранится целая серия документов на куплю-продажу и пожертвования в вакф земель киргизами. В 1249 (1833—1834) г. некий Нурмухаммед купил около 150 кошей у жителей кишлака Мамай. Позже 1/3 часть этой земли была продана киргизам рода багыш⁷⁰. Киргизы Борубаев, Куаткеев, Эшботоев и Байсентов в том же году продали участок земли около 150 кошей за 20 тилла Мулле Мир Мухаммеду Каримову⁷¹. В другом документе, о 30 кошах земли в местности Калтуг, багышские киргизы «Диван и Ташбек Кулыбековы, Бекпулат Ишимбеков в здравом состоянии и добровольно, согласно шариату, объявили, что они вышеописанное имущество со всеми угодьями продали окончательно за 5 тилла Ирыс Мухаммеду Бек Келдыбаеву. 1266 (1849—1850) г.»⁷².

В 1852 г. участок земель, засеваемый 20 чариками семян, был продан Казакбаем Буджиевым Курманбаю и Ашмамбаю Тубиевым, Наркузью и Арпабеку Конокбаевым «за 1 тилла и 8 тенег в полную собственность»⁷³.

Приобретение киргизами земель в частное владение было связано с отходом их от скотоводства и обращением к земледелию. Поверенные киргизов из Куршабской волости Ошского уезда писали в конце XIX в., что с куплей ими орошенных и неорошенных (кайрачных) земель, киргизы основали пять больших кишлаков с тремя мечетями и с этого времени «перестали кочевать, образуя постоянную оседлость». Та же картина, сообщали поверенные, наблюдалась и у киргизов Узгенской и Яссинской волостей Ошского уезда, с которыми они

⁶³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 12, д. 647, л. 3—6.

⁶⁴ Там же, ф. и. 25, оп. 1, д. 65, л. 295—296.

⁶⁵ Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 34736, л. 14.

⁶⁶ Там же, л. 40—41.

⁶⁷ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Орошение в Туркестане. СПб., 1911, стр. 54.

⁶⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 26, л. 12.

⁶⁹ Там же, л. 13.

⁷⁰ Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 15.

⁷¹ Там же, л. 26 (27).

⁷² Там же.

⁷³ Там же, ф. и. 1, оп. 11, д. 1003, л. 10—13.

имеют «некоторое дальней родство»⁷⁴. Здесь был представлен перевод шести купчих крепостей киргизов⁷⁵, причем по их заявлению «подобные документы имеются у нас у каждого и всех»⁷⁶. Как следует из донесений Мухаммеда Садика-курукчи Худояр-хану, все земли кишлака Мирза-Абад перешли по купчей крепости во владение Насруллы-бека⁷⁷. Об общем размере земельного владения жителя г. Оша Парманкула Агалука можно судить по тому, что он в начале XIX в. имел восемь арыков, лишь один из которых орошал более 1300 тапапов земли⁷⁸.

Крупными землевладельцами выступали и духовные феодалы, также приобретавшие земли в частное владение. В 1255 (1839—1840) г. Сейдали-хан Ишан Валихан-Тюринов купил за 50 тилла у Хаджира Токсабы Бекмырза-бекова участок земли близ Джалал-Абада⁷⁹. В 1281 (1864—1865) г. Сейдали-хан Тюря, Тюря-хан-Тюря и Валихан Тюринов за 45 тилла купили у нескольких обществ—Тани, кишлаков Тамаша-Кишлак, Минг и Чуча—земельный массив в Балыкчинском районе местности Файзы-Абад⁸⁰.

Приведем перевод одной из купчих крепостей-васики на продажу киргизом-земледельцем своего пахотного участка.

«Одна вода земли находится в местности Джай-Терек Ренджитского общества Наманганского уезда. С запада прилегает к большой дороге, с востока — частью к недвижимости Мулла Худояр Ахуна, часть к недвижимости Маш Киргиза и частью Бек Киргиза, с юга—к недвижимости Исен-Пула Бай Киргизова и с севера — к саю.

1296 год в месяц сафар (1878 г). Киргиз Курманбай Тохтаров согласно шарияту объявил, что он вышеописанное имущество со всеми угодьями продал окончательно за 9 1/2 тилла Раимбай Аксакалу Хасанбаеву, и деньги получил сполна. Печать казия Мулла Абдурахмана. Свидетели: Умар-Узак, Мамбетали-бий, Аланбай-би, Мамабай и др. Печать Мулла Абдурахмана казия»⁸¹.

Существование купли-продажи вело, с одной стороны к концентрации больших земельных площадей в руках феодалов,

с другой — к разорению непосредственных производителей дехкан-землевладельцев.

О наличии у киргизских феодалов крупных земельных владений свидетельствуют также сохранившиеся в XX в. наименования кишлаков и урочищ, которые были сделаны в честь прежних феодалов-землевладельцев. Так, кишлак, основанный на орошенных землях Алымбека-дадхи назывался Алымбек-чек, кишлак Бадалбай-чек получил название по имени феодала Бадалбая, кишлак Яркинбай-чек—феодала Яркинбая (Джаркинбая).

По признакам налогообложения частновладельческие земли делились на «обеленные», пользовавшиеся налоговым иммунитетом—*мильки хурр*, или *мильки халис* (а также *мильки хурри-халис*) и облагаемые государственными налогами—*мильки херадж* и *мильки ушр*.

Частновладельческие земли *мильки хурр* представляли категорию временно привилегированных земель, с которых правительство «сняло свое право передачею его через продажу какому-либо лицу»⁸². Налоговые привилегии могли иметь и земельные ханские пожалования, которые закреплялись специальной грамотой с печатью хана, освобождающей от всех податей.

В 1282 (1865—1866) г. кокандским ханом (судя по дате, Сеид-Султаном) было пожаловано по «линии тамлик», т. е. в *мильк*, наследственное владение, придворному киргизскому феодалу Шах-Мирзо-Дадхе пастбище. Пожалование пастбища определялось в частное владение феодала, причем владение обеленное: «дадхи, би и фукара племени должна считать это пастбище вне товарищества (считать) частью других *мильки халис* упомянутого дадхи»⁸³.

Приведем пример одной из ханских жалованных грамот—*иноят-наме* на освобождение от налогов земли *мильки хурр*.

«Слово отца воителей за веру Саид Мухаммед Али Богадур-хана ...Так как древние мольщики и истинные благодетели, благородные и знатные Ишан-Мирза Даниял и дети его: Мирза Аюб, Мирза Масрул, Мирза Абдулла, Мирза Шакир, Мирза Исраил, Мирза Каландар и Мирза Якуб, имея грамоты хана, с давних пор по настоящее время были свободны от уплаты податей, то мы со своей стороны, придерживаясь прежнего порядка, упомянутых лиц вместе с чайрикерами их освободили от уплаты хераджа и танапных сборов. Почему начальники и сборщики податей с. Чар-кус и

⁷⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36763, л. 4—6.

⁷⁵ Там же, л. 10—11.

⁷⁶ Там же, л. 6.

⁷⁷ А. Л. Троицкая. «Заповедники» — курук кокандского хана... стр. 145.

⁷⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33590, л. 6.

⁷⁹ Там же, д. 34227, л. 4 (12—13).

⁸⁰ Там же, л. 16 (22—23).

⁸¹ Там же, д. 33517, л. 74(51).

⁸² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, л. 3, л. 93.

⁸³ Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 1057, л. 7(9), 11.

др. должны считать их свободными от всех повинностей, не требовать с них ни гроша денег или зерна, хлеба и не обходить их хирманы. 1242 (1826—1827 г.)»⁸⁴.

Шир-Али-хан признал за неким Мауляно Мир Абди Рахимом орошенные им около 1500 дес. земли в районе кишлака Кара-Бута как мильк хурр, освободив его с наследниками от всех податей и повинностей⁸⁵.

Из прошения Магомет Омар Нияз-Батырова губернатору Ферганской области от 27 августа 1884 г. видно, что его отец — Нияз Магомет Багадуров еще при Мадали-хане (1822—1842 гг.) оросил в местности Акбаш пустопорожнее пространство, на котором позднее был основан кишлак Нияз-Батыр, а заслуги на государственной службе Нияз-Батыр, как указывал его потомок, «пользовался той землей на праве мильк хурр»⁸⁶.

Обеление, как правило, являлось своего рода ханским пожалованием. Оно ревизировалось со сменой правителя и обязательно должно было быть подтверждено каждым новым ханом, который всегда мог ликвидировать привилегии, данные предшественником. Поэтому имели силу лишь грамоты, скрепленные печатью правящего хана. Так, обеление частного владения (*замини мильки хурр*) Нияз-Батыра, к примеру, было подтверждено целым рядом кокандских ханов: Мадали-ханом, Худояр-ханом, Малля-ханом и Сеид-Султан-ханом.

Наряду с временным и преходящим правом на освобождение от налогов имелись и более прочные права на обеленные владения. Они основывались не на ханских пожалованиях, а на купле у государства уже обеленных земель — *мильк хурр*, когда государство как бы вперед взимало все подати с земли и выдавало «свидетельство на полную беспощинную собственность означенными землями»⁸⁷. В этом случае государство как бы оставляло за собой от 2/3 до 3/4 проданной земли, зато переходящая к землевладельцу 1/3 или 1/4 участка становилась землей, свободной от налогов — *замини мильк хурр*.

Местные законоведы следующим образом объясняли членам комиссии Гомзина процесс образования обеленных частновладельческих земель. Когда ханы, посылая большие отряды на войну, расходовали все деньги, и им не на что было содержать свои войска, они казенную землю в соответствии с

⁸⁴ ЦГА Узб. ССР, д. 34994, л. 2(1).

⁸⁵ Там же, д. 33542, л. 2, 26.

⁸⁶ Там же, д. 23483, л. 1—2.

⁸⁷ Там же, ф. и. 17, оп. 1, д. 13242, л. 1—2; Ср. М. П. Ростиславов. Очерк видов земельной собственности..., стр. 7—8.

шариатом делили на три части: одну часть оставляли хозяину, а две отбирали в казну для продажи. Оставшаяся у владельца 1/3 часть земли становилась необлагаемой и называлась *мильк хурр*⁸⁸. Для обеления же земель, которыми землевладелец уже владел (на правах облагаемого милька), требовалось возратить в казну такую часть земли, которая соответствовала в процентном отношении налогу с урожая (хераджу в 1/5 часть)⁸⁹, потому что приобретение права мильк уже требовало определенных затрат. Так, из документов архива кокандских ханов видно, например, что дехкане кишлака Гуре-гепе в течение 90 лет пользовались амляковой землей, выплачивая в пользу государства 1/3 урожая. Затем за 58 тилла «откупили вышеупомянутую землю», которая, следовательно, превратилась уже в мильк и подлежала с этого времени обложению налогом в размере 1/5 урожая⁹⁰.

За последние годы Кокандского ханства заметно сокращается количество освобожденных от налогов земель — мильк хурр. «Ханы, вообще нуждающиеся в увеличении своей казны, особенно в позднейшее время, — писал П. Хомутов, — не были, по-видимому, щедры на раздел казенных доходов со своими сановниками посредством мильковых пожалований»⁹¹. Уже при последнем правителе Кокандского ханства Худояр-хане мильковые привилегии фактически потеряли всякое значение и большинство земель мильки хурр или мильки халис было обложено податями. У потомков прежних мильковладельцев осталось лишь множество документов, действительных и подложных (установлено комиссией Ф. Гирса), на основании которых они предъявляли свои претензии⁹².

Определяя общее количество мильков, П. Хомутов исходил из следующего: в двух южных уездах Сыр-Дарьинской области и в двух отделах Зеравшанского округа насчитывалось более 52 тыс. дес. орошенной земли, на которую простирались мильковые претензии, что составляло не менее 1/8 части всех обрабатываемых земель. Следовательно, примерно такое же соотношение распространялось и на всю оседлую территорию края⁹³. Большинство представленных документов

⁸⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 86—88.

⁸⁹ Там же, л. 136.

⁹⁰ А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 205.

⁹¹ Проект всеподданнейшего отчета Туркестанского генерал-губернатора..., стр. 233.

⁹² См.: А. П. Савицкий. Поземельный вопрос в Туркестане..., стр. 121.

⁹³ Проект всеподданнейшего отчета Туркестанского генерал-губернатора..., стр. 233.

по мильковым землям основывалось на праве оживления—орошения новых земель, пустошей, частично на купле у государства и лишь немногие мильки основывались на ханских пожалованиях.

ОБЩИННЫЕ ЗЕМЛИ

Вопрос об общинных землях в Средней Азии изучен далеко недостаточно, хотя к нему постоянно возвращаются исследователи аграрных отношений оседло-земледельческого и кочевого скотоводческого населения⁹⁴.

Большинство исследователей рассматривает общинные земли как государственные или частнофеодальные, находящиеся лишь в пользовании общин. В основном к таким землям относят пастбищные территории, выгоны и т. п. Однако, в середине XIX в. в Кокандском ханстве и, в частности, на территории Южной Киргизии существовали общины-землевладельцы, чье право на земли было аналогично мильку и источником владения которых являлись орошаемые общинами силами пустоши, купля земель у государства и всевозможные ханские раздачи земли целым обществам. Такое общинное землевладение закреплялось документально и имело право на отчуждение, но только с согласия всех общинников.

На основании косвенных данных Е. А. Давидович пришла к выводу, что неразделяемость земель деревни является свидетельством существования общины или хотя бы ее стойких пережитков даже на территории самого развитого поливного земледелия. «На это намекает, — пишет она, — в первую очередь специфика юридических сделок по продаже или другим видам отчуждения «карья». Термином этим называлась деревня с относящейся к ней землей»⁹⁵.

Материалы, выявленные нами в архиве, главным образом актового характера, позволяют убедиться, что у кирги-

⁹⁴ А. П. Петрушевский. Земельные и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.-Л., 1960, стр. 274—277; Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX начале XX века. Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. LXXIV. М.-Л., 1962, стр. 120—161; Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены в XIX в. М., 1961, стр. 31—117; А. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961, стр. 102—118; С. И. Ильясов. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX—начале XX вв. Фрунзе, 1963, стр. 19—61, 340—354; В. Ф. Шахматов. Казахская кочевая пастбищная община. Алма-Ата, 1963.

⁹⁵ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в. Изв. АН Тадж. ССР, отд. обществ. наук, 1961, № 1, стр. 37—38.

зов имели место не только отголоски старых общинных отношений, но и сами землевладельческие общины (*джамоат*).

В одном из источников читаем: «Земли родовые приобретались преимущественно кочевниками завоеванием и отданы ханами целым родам за заслуги. Земли эти обложены были десятиной урожая в пользу государства и закреплялись за родами ханскими документами (васиками) с показаниями в них границ владений надела, количества арыков и проч. На документах этих каждый новый хан должен был ставить свою печать». Земли отдавались также «на правах общинного владения с целью заселить пустынные для проездов места», или же покупались обществами для расширения своего хозяйства⁹⁶. Местное население так, в частности, сообщало о землевладении общин: «Земли, где сеется сухой хлеб обработаны обществом, проведена обществом вода, которые владелись по жребию, — владеются обществом»⁹⁷.

В общинное владение оформлялись не только обрабатываемые пахотные земли, но и пастбища. Один из путешественников по Фергане, Е. Марков, писал, что ханы считали себя обязанными выдавать ярлыки на арыки, летовки и зимовки киргизов, причем и летовка и зимовка непременно обозначались в одном и том же ярлыке, так как одна без другой они теряли всякое значение⁹⁸.

В 1287 (1870—1871) г. три общины — Казиляр, Таз, Инаят купили у Султан-Мурадбека (правителя Маргеланского вилайета) за 500 танга «несколько участков земли: пахотные поля, кайраки, летовки, зимовки и ключи, находящиеся в Верхнем Наукате»⁹⁹.

Подобные акты закреплялись документально, продажа земли оформлялась васикой, скрепленной ханской печатью.

На такие грамоты ссылались, например, киргизы рода мундуз, отстаивая свое право владения местностью Юлбарс¹⁰⁰. В прошении киргизов рода мамыт о сохранении за ними прежних владений—150 кошей земли в местности Марал-Кул (близ Аравана)—сказано, что они имеют «от хана на эту землю документ (*иноят-наме*), по которому земля представлена всем в полное владение»¹⁰¹.

До конца XIX в. Иса Гадай Мирзаев имел «вместе с родственниками, киргизами Багышевской волости, васику на все

⁹⁶ «Туркестанские ведомости», 1885, № 20—21.

⁹⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 88.

⁹⁸ Е. Марков. Фергана. «Русский вестник», 1893, № 11, стр. 18—19.

⁹⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33647, л. 1.

¹⁰⁰ Там же, д. 23297, л. 5.

¹⁰¹ Там же, д. 23070, л. 27—28, ф. и. 23, оп. 1, д. 248, л. 5.

земли, орошаемые из Беш-батман-арыка на 20 тыс. танапов, выданную Магомед Омар-ханом в 1231 (1815—1816) г.»¹⁰²

Ханы награждали землями целые общины из своих приверженцев, поддерживавших их в периоды смут и междоусобиц. Владение такими наделами было непрочным. Смена хана, захват власти его противником могли стать причиной ликвидации таких владений. Например, Малля-хан, которого вместо Худояр-хана возвели на престол киргизы и кипчаки¹⁰³, подарил в 1277 (1860—1861) г. одной из кипчакских общин урочище Арал в Чустском уезде¹⁰⁴. Однако кипчаки владели урочищем самое непродолжительное время, лишь в годы правления Малля-хана. Возвратившийся на престол Худояр-хан приказал снова отобрать урочище в казну¹⁰⁵.

Общинное землевладение носило подворно-участковый характер пользования пахотными участками и коллективный — пастбищами и выгонами. В одном из официальных документов 1869 г. отмечалось, что «у киргизов бывшей Туркестанской области общинное начало на земли пахотные, орошенные не распространяется после первого раздела»¹⁰⁶. В рассматриваемый период общины существенно отличались от общин первобытного строя. Они все еще носили в себе черты патриархальности, но были пронизаны уже и классовыми отношениями. По словам С. М. Абрамова, «если патриархальные установления, нормы, обычаи и традиции пронизывали едва ли не все стороны социально-экономической и семейной жизни, то, в свою очередь, и классовые отношения проникали во все поры патриархального уклада, приспособлявая, видоизменяя и используя присущие ему отношения и воззрения в интересах господствующей феодальной верхушки»¹⁰⁷.

Наследственное землепользование, без периодических переделов вело ко все большему обособлению участков в частные владения. Мы наблюдаем картину постепенного обособ-

¹⁰² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 1—2, 29.

¹⁰³ В 1858 г. Малля-хан с помощью кочевников: киргизов, кипчаков, тюрков, кара-калпаков—сверг своего брата Худояр-хана и правил до 1862 г., пока не был убит бывшими своими сторонниками—киргизом Алымбеком и кипчаком Алимкулом. См. В. В. Бартольд. Извлечение из «Тарихи-Шахрохи». Зап. Вост. Отд. Русск. археолог. об-ва, т. XI, 1897—1898, стр. 107, 109; В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 169, 193 и др.

¹⁰⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22566, л. 8(9).

¹⁰⁵ Там же, л. 12—13.

¹⁰⁶ Там же, ф. и. 1, оп. 14, д. 9-а, л. 31.

¹⁰⁷ С. М. Абрамов. Патриархально-общинный уклад и пути его изживания у народов среднеазиатских республик и Казахской ССР. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август, 1964). М., 1964, стр. 3.

ления частного владения и закрепления его уже документально как милька. Идет закономерный процесс разложения общин.

Обратимся к вышеприведенному документу о переходе прежде государственных земель кишлака Гург-Тепе в частновладельческие—мильк.

Первоначально земля была куплена у хана за 58 тилла всем обществом. В течение последующих 30 лет участки общей земли, находившейся в частном пользовании, а фактически уже во владении отдельных лиц, неоднократно перепродавались.

Рассмотренный документ является прошением жителей к хану о выдаче им взамен общей купчей грамоты нескольких васик для каждого землевладельца в отдельности на его участок¹⁰⁸. Это наглядный пример того, как происходил переход от общинного землевладения (в результате его разложения) к частному. Та же тенденция заметна и в другом документе—заявлении киргизов волости Куля, Маргеланского уезда. «В бытность правления Худояр-хана киргизами в количестве 52 человек была приобретена от него пахотная земля за 180 тилла, — писали заявители, — в чем имеется у нас у каждого документ, выданный худоярханским помощником»¹⁰⁹. Земли, купленные общиной, затем были разделены на частные владения согласно внесенным паям и закреплены составленными на основании общей купчей казийскими документами.

Возьмем к примеру владение киргизами рода тейит урочищем Кур-Чавай в Ичкиликской волости. По документу от 1258 (1842—1843) г. «киргизам рода тейит, перечисленным в документе родоначальника, принадлежит земля Чавай в границах: с запада отчасти степями Кара-Кишлак, отчасти общественными землями рода юлмаш, отчасти пустопорожними землями Сары-Бель, с юга — Кара-Кум и Ходжа-бильмес, с востока — Бильнимча и уроч. Таркуль, с севера—всецело хребтом Гаузань». У киргизов кроме общего документа имелись грамоты по купле и продаже участков в пределах урочища Чавай. Права же владения, пользования и распоряжения нормировались «местным обычаем»¹¹⁰.

Процесс разложения общинного и обособление частного землевладения шел, видимо, поэтапно. Первой выделялась из общины феодально-родовая знать, захватывая лучшие об-

¹⁰⁸ А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 205.

¹⁰⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 2, д. 22964, л. 3.

¹¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 243.

щинные земли в частное владение. Юридически это оформлялось как добровольное обособление с согласия членов общины, на что составлялись соответствующие грамоты, заверяемые свидетелями и казнями. Приведем характерный документ за 1254 (1838) г. о закреплении большого массива прежде общинной земли в районе г. Оша во владение некоему Муллабаю Ахун-Нарботобаеву.

«В местности Мады — часть земли, орошаемая из ключей Карасу, граничит с запада — полями хана, с востока часть прилегает к полям, принадлежащим отделению бакал, часть прилегает к полям, принадлежащим отделению юваш, с севера — к арыку Мады, с юга — арыком Юваш. Месяца Махаррама 1254 г. Мы, нижеподписавшиеся киргизы Мулла Тойчи Курбанбиев, Таракчи и Конгур Ниязбековы (всего 44 человека. — В. П.)... удостоверяем, что из вышеупомянутой в границах земли часть таковой с поливами из арыка Юваш с 11 очередными поливами из арыка этого же имени принадлежит Нарбото Абдаазимбаеву, Самулу Хусаинову, Муллабаю Нарботобаеву, Гайит-биби Балдышанховой, Мулла Кыргыз Али Абдраманбаеву, Маат Кариму, Мулла Шаназарову, Юсуп Али Суванкулову и Мирзе Алиму Абдушукурову, а мы в свою очередь удостоверяем, что из числа принадлежащей нам земли половинная часть таковой с пятью очередными поливами принадлежит Муллабаю Ахуну Нарботобаеву, против чего мы никаких претензий не имеем. В чем и дали сей документ в присутствии казиев, приложивших на оном печати»¹¹¹.

Общинное землевладение, носящее на себе следы патриархальности, уже исторически отживало, уступая место частному землевладению.

Наблюдается картина и отчуждения общинных земель — продажа их частным лицам и обществам, сдача в аренду, конституирование в вакф. Однако, продажа была стеснена правом соседа и необходимостью согласия общества. «У киргизов этот прием — писал Гомзин, — стеснен более, чем у сартов»¹¹². Когда киргизский феодал Куватбек в первые годы после присоединения Ферганы к России попытался закрепить за своим медресе в Узгене 150 танапов земли, администрация отказала ему, мотивируя тем, что «земля, на которой построено медресе, состоит в нераздельном пользовании многих

¹¹¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22534, л. 78—79.

¹¹² Там же, ф. и. 1, оп. 22, д. 31, л. 93.

лиц 2-го общества, причем пай Куватбека... пока из общего числа земли Джангир-Арыка не выделен»¹¹³.

Отчуждение общинных земель не членам общины обычно оформлялось лишь с согласия всех общинников. Документом от 1281 (1864—1865) г. доверенные от нескольких общин (Тани, Таш-Кишлак, Минг, Чучан) «по доверенности со стороны остальных лиц их обществ» продали за 45 тилла принадлежавший им в Балыкчинском районе земельный массив — потомкам Валихан-Тюри¹¹⁴. После тяжбы в 1273 (1856—1857) г. за землю (в местности Мады), которая прилегала «к полям Бабахана Мула Кыргыз Алиева..., к полям Алымбека дадхи Хасанбиева..., к полям отделения Бакал..., к полям отделения Каляр..., к полям отделения Тонгуз-баши» киргизы общины (идет перечисление более 70 фамилий), получив со спорящей стороны 48 кирпичей черного чая, «решением остались довольны и, — как сказано в документе, — земля осталась за сартами»¹¹⁵. В 1278 (1861—1862) г. община (*джамоат*) киргизов рода бостон в местности Куршаб (Андижанский вилайет) двумя вакфными документами передала все свои земли (около 50 дес.) в вакф обители (*ханаке*) Ша Рахматуллы-Ишана¹¹⁶. Киргизы рода карабагыш в 40-годах XIX в. продали часть своих земель в районе Джалал-Абада обедневшим киргизам рода тейит, переселившимся из Ичкиликской волости¹¹⁷.

В начале 70-х годов один из ханских чиновников — Закирья Серкер — по поручению Маргеланского бека Султан-Мурада купил для его медресе «у ошских сартов отделения Шейхляр, Ишасчи и Худжа Даггуз-баш и у киргиз родов Бакал, Юваш и Джури-всего 4 тыс. танапов пахотной земли»¹¹⁸. Обедневшие кочевые киргизы родов монгол и найман купили в 50-х годах XIX в. у сузакцев полузаброшенные земли, восстановили запущенные и провели новые арыки, перестали кочевать и перешли к оседлости. Поселившись на этих местах, «они начали заниматься почти исключительно земледелием, из года в год все более и более приобретая навыки и умения»¹¹⁹.

Наряду с куплей-дарением земли существовала и аренд-

¹¹³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23876, л. 2, 5, 6.

¹¹⁴ Там же, д. 34227, л. 16.

¹¹⁵ Там же, д. 22524, л. 73—74.

¹¹⁶ Там же, д. 34764, л. 35—36 (15—16).

¹¹⁷ Там же, д. 33355, л. 74.

¹¹⁸ Там же, д. 23088, л. 23.

¹¹⁹ Там же, л. 76—77.

ная форма сделок. По поводу спора в 1865—1866 гг. из-за пастбищ в местности Исан-Арча между киргизским родом орвин и феодалом Шах-Мирзой эшик-агаси правитель Маргеланского вилайета писал: «Вы (род орвин.—В. П.) на протяжении 20 лет на эти места не заступали и не сдавали в аренду — (поэтому) ничего не предпринимайте зря»¹²⁰. Как видно из этого документа, сдача в аренду приравнивалась к непосредственному землепользованию, и если владельцы долгое время не пользовались землей и не сдавали ее в аренду, то лишались права владения.

Возможность гражданско-правовых сделок на общинную землю, выделение частных владений и отчуждение земельных участков общинниками вели к разложению общинного землевладения, появлению частных землевладельцев, хотя землепользование пастбищами еще долгое время продолжало оставаться коллективным.

ВАКФ

Вакф (киргиз. — *вакып*) — по мусульманскому праву есть неотчуждаемое движимое и недвижимое имущество, завещанное в пользу какого-либо религиозного заведения или духовного лица. Учреждаемый, по определению шариата, с благотворительной целью, на развитие образования, в пользу бедных, вакф рано отошел от своей начальной основы и превратился в источник дохода и богатства духовенства. Главными предметами обращения в вакф служили: земля, торговые лавки, мельницы, деньги, скот и пр. имущество. Вакф оформлялся заверенным казием документом — *вакф-наме*, в котором указывались предмет и условие завещания, распорядитель вакфа-мутавалий и порядок распределения доходов¹²¹.

По мнению населения, записанному членами поземельной комиссии Гомзина, обращение земли в вакф влекло за собой передачу права сбора податей от правительства к учреждению, в пользу которого совершается жертвование. Поэтому конституировать в вакф могли лишь государство («всякие земли») и частные лица, владельцы мельков как обеленных (мельк-хурр), так и облагаемых налогами (мельки хаир хурр), но после утверждения правительства. По мнению комиссии, «общества своих земель не жертвуют»¹²². Однако последнее положение распространялось лишь на общины, являющиеся пользователями государственных, амляковых зе-

мель. Общины-землевладельцы могли свободно отчуждать свои земли и определять их в вакф.

Многочисленные вакфные документы ханского времени, хранящиеся в оригинале и переводах туркестанских чиновников в фондах Ферганского областного правления, довольно подробно характеризуют этот весьма распространенный в Средней Азии институт феодального землевладения.

О количестве вакфов в Кокандском ханстве говорит следующий факт. К 1 июля 1887 г.¹²³ в Ферганское областное правление было предъявлено свыше 5,5 тыс. вакфных документов на выделение более 9 тыс. отдельных имуществ¹²⁴.

Туркестанской администрацией, державшей курс на ликвидацию вакфов, были отобраны для проверки и исследованы лишь «достаточно авторитетные» документы — с ханской печатью или с обелительными, освобождающими от налогов, ханскими грамотами (*ярлык, иноят-наме*)¹²⁵. Таковых оказалось около 600 документов (т. е. 1/9 часть). По ним было выделено 561 вакфное владение, что составило в общей сложности более 80 тыс. дес. в основном орошаемых земель. Из них на территории, впоследствии вошедшей в состав Киргизской ССР, было выделено около ста вакфов с общей площадью примерно в 16 тыс. дес. обрабатываемой земли¹²⁶. Если принять во внимание число непризнанных документов (почти 90% *вакф-наме*), то общее количество вакфной земли было несравненно большим.

¹²³ Крайний срок, установленный Российским Государственным Советом для признания представленных документов действительными.

¹²⁴ Материалы для статистического описания Ферганской области, вып. I, стр. 25.

¹²⁵ Для исследования документы, написанные в большинстве по-таджикски, переводили на русский язык, протоколировали результаты опроса населения и мутавалий, земельные участки наносили на планы, и все это рассматривалось общим присутствием поземельно-податного отделения Ферганского областного правления.

Сомнения в подлинности ряда ханских документов высказали еще первые туркестанские чиновники после присоединения Кокандского ханства к России. В 1877 г. начальник Ошского уезда представляет в Ферганское областное правление оттиски поддельных печатей, «найденных будто бы сыном Сарымсака-хаджи». Среди них малая печать Худояр-хана 1279 (1862—1863) г., Ходжи бека Казы 1242 (1826—1827) г. Муллы Азымдат-казы 1285 (1868—1869) г. и др. (ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22507, л. 25—26).

Для нас подложность отдельных грамот не снижает их ценности, поскольку составлялись они по подобию и образцу подлинных и отражали существовавшую в то время систему поземельных отношений.

¹²⁶ Выборка произведена по кн.: Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ, Вып. I—V.

¹²⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 1057, л. (8).

¹²¹ Хидая, т. II, кн. XV. «О вакуфах».

¹²² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 93.

Распространенность вакфов в Кокандском ханстве объясняется тем, что фонд вакфных земель пополнялся в результате пожертвования всех сословий, от ханов до мелких феодалов, а также за счет крестьян-землевладельцев.

Определение земель в вакф ханами и феодалами обуславливалось стремлением привлечь к себе влиятельные слои духовенства¹²⁷, в связи с чем особенно крупные пожертвования выделялись в ханстве в период смут и междоусобиц¹²⁸.

Хан, как верховный распорядитель всех земель государства, передавал в вакф наряду с землями личного удела (*хасс* или *мири*) государственные земли, равно как владения отдельных частных лиц—мильки или общинные земли. Так, Омар-хан отвел в вакф обители (*ханаке*) Хазрет Ишана Халифы неорошенный массив государственной земли, определив, что из р. Сох должен быть выведен арык и указал размеры этого арыка¹²⁹.

Худояр-хан передал в вакф медресе Утамбая Минбаши всю местность Паканачаб в Араванском бекстве. По ханскому приказу, киргизы «рода» Мухаммед Шариф Ахунда «оживили» неорошенную часть местности и получили за это право пользования отведенной в вакф землей¹³⁰.

Но в основном жертвовались уже обрабатываемые и нередко заселенные земли.

Во время своего регентства Алимкул с «разрешения» Сеид Мухаммед-хана оформил в вакф своему медресе, построенному в кишлаке Кара-Су, государственные земли кишлака Кара-Шах с обрабатываемой площадью в 600 дес.¹³¹

Наряду с общегосударственными землями, но в меньшей степени, кокандские правители обращали в вакф и

¹²⁷ А. Н. Куропаткин, посетивший Кашгар в 70-х годах, одной из причин ослабления власти и влияния Якуб-бека считал то, что его перестало поддерживать мусульманское духовенство, так как «вакуфные земли, некогда прежде не платившие никаких податей, при Якуб-беке были обложены хераджем и танапом наравне со всеми другими». А. Н. Куропаткин, Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб, 1870, стр. 45.

¹²⁸ Худояр-хан при вторичном занятии престола, в 1862 г., пожертвовал в вакф медресе и ханаке Моргуф-хан-Тюря Шейх-уль Ислама, кишлак Таш-Булак в Наманганском вилайете. (ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34868, л. 2—4(5)). Пулат-хан, являясь лишь претендентом на ханский престол (1876), раздавал своим сторонникам грамоты, освобождающие их от налогов. Вакф медресе Алимкула, облагавшийся при Худояр-хане налогами, был освобожден им от податей в казну (ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34336, л. 2—3, 6).

¹²⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34694, л. 160.

¹³⁰ Там же, д. 34736, л. 14, 40—41.

¹³¹ Там же, д. 34336, л. 2—3, 6.

земли своего личного «удела». Омар-хан выделил в вакф построенному по его инициативе медресе Джами в Коканде из государственных земель два кишлака Султан-Абад и 4/5 своих личных земель в вилайете Шарихан, местности Таш-Тепе¹³². Мадали-хан даже специально приобрел участок земли в 250 кошей на арыке Найман, чтобы пожертвовать его в вакф¹³³.

Однако основным источником пополнения вакфного фонда были частновладельческие земли (мильк), принадлежащие как феодалам, так и непосредственно производителям—крестьянам.

Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что из 5,5 тыс. вакфных документов, представленных в Ферганское областное правление, ханской печатью было скреплено (т. е. вакфных завещаний, составленных с ведома или по желанию хана) лишь 600. Следовательно, остальные документы указывали на частный или общинный характер пожалований в вакф.

Во время частых в Средней Азии конфискаций вакфное имущество являлось по сравнению с частным владением более устойчивым¹³⁴, и некоторые феодалы, договорившись с духовными лицами, «превращали свои владения в вакуфы»¹³⁵, оговаривая в грамоте за собой и наследниками право на заведывание вакуфом, т. е. фактическое распоряжение доходами с него. Это так называемый семейный наследственный вакф—*вакф-авлод*. Уступкой части доходов в пользу религиозного учреждения феодал стремился избежать ханских налогов и

¹³² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34533, л. 3.

¹³³ Там же, д. 34756, л. 1—2.

¹³⁴ Правда, неприкосновенность вакфа, определенная шариадом, также была относительной, и вакфы, и ханские налоговые льготы были в силе только после утверждения ханом. Так, в ходе массового избиения по распоряжению Худояр-хана кипчаков в октябре 1851 г., их лидер Мусульманкул был казнен, все имущество кипчаков конфисковано. Пострадал также вакф Мусульманкула, в частности в местностях Чуртанлык и Байсакал, хотя он и имел прежде ханскую грамоту «иноят-наме». И только впоследствии сын Мусульманкула Абдурахман, когда стал приближенным хана, «в 1283 г. возобновил документ на участок земли в даче Байсакал». (ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34221, л. 15 (16), 18 (19), 22 (23), 34—36).

Худояр-хан отобрал также заброшенные земли у ходжентского медресе Шахибека-парваначи и, зачислив их в разряд государственных, раздал для обработки населению (в *чеки*). Когда же мутавалии пробовали возражать, Худояр-хан пригрозил им повешением. (ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34979, л. 12—13).

¹³⁵ С. И. Ильясов. К вопросу о вакуфах на территории Южной Киргизии. Изв. АН Киргиз. ССР, вып. 1, 1955, стр. 149.

сохранить за собой основную часть ренты¹³⁶. Такими вакфами-авлодами выступают владения влиятельных кокандских сановников кипчака Хотамкула (окрестности кишлака Сузак)¹³⁷, киргиз-кипчака Алимкула (кишлак Кара-Су Андижанского вилайета)¹³⁸ и известного южнокиргизского феодала Алымбека-дадии (вакф Ошского медресе).

В 50-х годах XIX в. Алымбек-дадха построил в г. Оше медресе, соперничавшее с знаменитым медресе Джамии в Коканде. Ошское медресе не уступало по величине вакфа ханским. Оно пользовалось доходом почти двух тысяч десятин земли (основной массив составляли земли кишлака Алымбек-Чек с курганчами Юз и Турсумал) и более сотен торговых лавок, мельниц и пр. Как видно из журнала поземельно-податного отделения Ферганского областного правления¹³⁹, Алымбек, закрепив за собой в результате орошения массив государственной земли в 5 тыс. кошей, затем роздал их для обработки населению¹⁴⁰ и в 1276 (1859) г. оформил в *вакф-авлод* (наследственным вакфом) своему медресе в г. Ош¹⁴¹.

Потомки Алымбека согласно вакфному документу выступали его преемниками как мутавалии и неустанно увеличивали размеры земель своего вакфа. Так Абдулла-бек, сын Алымбека-дадхи, купил и пожертвовал в вакф Ошского медресе ряд торговых лавок и участок земли (около 14 танапов) в г. Ош¹⁴². В одном из вакф-наме сказано: «Медресе из жженого кирпича в г. Оше. Медресе состоит из дарс-ханы, ханаки и 28 келий... Два участка земли по Ошскому саю, один около другого... (идет описание границ земельных участков. — В. П.). В месяц Зиль Каада 1292 года Абдуллабек-дадха, сын

¹³⁶ В таких вакф-наме обычно указывалось, что «мутавалием вакфа-сам жертвователю, который распоряжается доходами вакфа по своему усмотрению, после жертвователя должность мутавалия переходит в род старшего, потомка его». ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34337, л. 2—3. Аналогичные документы см. д. 34364, л. 2; д. 34336, л. 2.

¹³⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34194, л. 3—4, 12, 15, 25.

¹³⁸ Там же, д. 34337, л. 2—3.

¹³⁹ Подлинник вакфного документа обнаружить не удалось, но известно, что он был зарегистрирован в делах канцелярии Ферганской области под № 449.

¹⁴⁰ Ко времени проведения работ поземельно-податной комиссии в кишлаке Алымбек-Чек значилось 62 хозяйства на 1307 дес. 40 саж. земли, из которой обрабатывалось лишь 931 дес. 190 саж. См.: Материалы для статистического описания Ферганской обл. вып. 1, приложение 1, стр. 18. По данным 1893 г. обрабатываемой вакфной земли за медресе Алымбека числилось — 819 дес. 1990 саж. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33337, л. 39.

¹⁴¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 12, д. 647, л. 3—6.

¹⁴² Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 34947, л. 2—5.

Алымбека Парваначи Хасанбиева, заявил, что упомянутые участки земли он жертвует в вакф в пользу медресе. Мутавалием вакфа—сам жертвователю, а после него—потомство. Доходы вакфа должны идти на ремонт медресе, а остаток делиться на 10 частей: 1 мутавалию, 3 мударису, 1 имаму, 1 муэдзину, сторожу и цирюльнику, 4 в пользу учащихся¹⁴³.

Но в вакф жертвовали свои земли не только крупные феодалы. Имеется достаточно примеров передачи в вакф земель более мелкими землевладельцами, непосредственно производителями-крестьянами. Архивные документы свидетельствуют о наличии отдельных вакфных участков среди земель киргизских кишлаков. В пределах одного кишлака Кара-Багыш (Андижанский вилайет), населенного киргизами родов тейит и карабагыш, было четыре таких вакфных участка. Два из них (5 дес.) закрепил в вакф за своей мечетью киргиз из рода карабагыш Бай Мухаммедбай, один участок (более 23 дес.) был определен Тюрю-хан Тюрюей в вакф андижанской мечети своего отца и один участок (3 дес.) был пожертвован киргизом Рахимкулом приходской киргизской мечети рода тейит¹⁴⁴. В селении Джигда-Могол, основанном киргизами родов могол и найман на купленной у жителей селения Сузак земле, из семи вакфных владений шесть (первоначально около 70 дес.) принадлежало узгенскому медресе Араббая, а один (около 2 дес.)—школе (мектеб-хана) соседнего кишлака Хан-Абад¹⁴⁵.

Оформление в вакф земель непосредственными производителями-дехканами объясняется наряду с религиозными мотивами их стремлением обеспечить покровительство более сильного сюзерена, способного оградить крестьян от произвола ханских налоговщиков. С передачей таким лицом своей земли в вакф право владения ею переходило к вакфному учреждению, а прежний землевладелец стремился лишь к закреплению за собой прав частичного распоряжения доходами вакфа, выступая в роли мутавалия, или прочного наследственного пользователя земель. В связи с этим при обследовании вакфов в Ферганской долине один из мутавалиев заявлял поземельно-податной комиссии: «Вакфному установлению принадлежит не только херадж со всех описанных вакфов, но и сами земли составляют собственность медресе, и населе-

¹⁴³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34947, л. 3 (2).

¹⁴⁴ Там же, д. 33355, л. 76—78; д. 34327, л. 35 (25).

¹⁴⁵ Там же, д. 33355, л. 78.

ние не имеет права их продавать; вакфное же установление может отобрать от населения земли и отдать их другим»¹⁴⁶.

В отдельных случаях можно предположить, что переход крестьянских мильков в вакф, хотя юридически и оформлялся добровольно, на самом деле был вынужденным¹⁴⁷. Этот вывод можно сделать даже из самой формы вакфных грамот. В вакф-наме иногда указывалось, что вакфоучредитель желал бы отказаться от пожертвования, но казиями отступление от прежнего заявления не признавалось, а учрежденный несколько ранее вакф считался законным. Такая форма документа встречается даже при оформлении ханских пожертвований. В одном ханском вакф-наме читаем: «Жертвователю пожелал отказаться от пожертвования, но казий, знавший различные толкования шариата о вакфах, сделал постановление, которым вакф признан чистым и законным»¹⁴⁸.

Непосредственные производители-дехкане передавали в вакф, как правило, не излишки земель, а обычно участок, доставляющий необходимое и единственное средство к существованию. В вакф-наме киргизской общины (*джамоат*) из рода бостон, передававшей все свои земли (около 500 дес.) в вакф ханаке Ша Рахматуллы Ишана, говорится: «Объяснение границ участка земли в местности Куршаб Карасуйского района: с запада—берег большого сая, с юга—арык общества Бостон, с востока — часть земли общества Бостон и земля общества Сакалак, с севера—земля общества Бостон.

В месяц Джумади-эль-Авваль 1278 (1861.— В. П.) г. Мулла Манас Сакландыев, Юлдаш Иноятов (и др. больше 30 чел.—В. П.)... с благотворительной целью и в здравом рассудке заявили, что означенную землю и земли, находящиеся в их владении, они жертвуют в вакф в пользу ханаке Ша Рахматуллы-Ишана. Доход с вакуфа употребить на довольствие проживающих в ханаке лиц. Мутавалием должен быть Ша Рахматулла-Ишан, а после смерти — его наследники». На полях документа позже был приписан еще один участок земли, «находящийся в местности Кукчулук, границы: с запада — Ак-Джар, с юга — Батой, с востока—степь, с севера — арык Джури»¹⁴⁹.

Вторым документом жители рода бостон той же общины

¹⁴⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34979, л. 13.

¹⁴⁷ Ср. Подобные факты из практики земельных отношений закавказских народов в кн.: И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949, стр. 245—246.

¹⁴⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34868, л. 4.

¹⁴⁹ Там же, д. 34764, л. 35 (15).

жертвовали в этом же году и остальную землю в вакф на вышеприведенных условиях¹⁵⁰.

Определение поземельно-податной комиссии в 1890 г. прав местного населения на земли киргизов рода бостон, оформивших двумя документами свои земли в 1278 (1861) г. в вакф ханаке Ша Рахматуллы, показано, что «все земли дачи Багиш-Бостон... (с) курганами есть вакфная земля», но «жертвователи сохранили за собой право собственности на эти земли», уплачивая вакфному учреждению 1/5 часть с собираемого урожая¹⁵¹. Это означает, что оформив свои земли в вакф, киргизы продолжали ими пользоваться, но налоги стали выплачивать не в ханскую казну, а духовному учреждению.

Таким образом, мелкие землевладельцы и даже целые общины попадали под власть мусульманских религиозных учреждений, крупных духовных феодалов, чтобы использовать их далеко не бескорыстное покровительство и оградить себя от ханских налоговосборщиков.

Одним из источников пополнения вакфного фонда следует признать и куплю земель вакфными учреждениями у частных лиц и общин. Когда один из жителей селения Кашгар-Кишлак пожертвовал в вакф 1/4 своего земельного участка, мутавалий купил у землевладельца оставшиеся 3/4 участка и зачислил их в вакф¹⁵². При пожертвовании духовному учреждению в вакф денег чаще всего ставили условие купить на эти деньги землю. Так, некий Мухаммед Юсуфбай передал в вакф сузакской мечети участок земли и 15 тилла деньгами, которые мутавалий должен был согласно условиям вакфного документа «давать надежным лицам на проценты»¹⁵³ и, если найдется хорошая земля, то он должен на эти деньги прикупить землю в вакф»¹⁵⁴.

В 1283 (1866—1867) г. некто Алимбиби Абдрахманова продала мутавалию в вакф одной из мечетей г. Ош участок земли на арыке Паст за 20 тилла¹⁵⁵. За год до этого Мухаммед

¹⁵⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19 оп. 1, д. 34764, л. 36(14).

¹⁵¹ Там же, л. 44, 45.

¹⁵² Там же, д. 34973, л. 15 (16—17).

¹⁵³ Несмотря на формальное запрещение шариатом взимать процент с сужаемых мусульманами денег, ростовщичеством, как видно, занимались даже духовные учреждения, что подтверждается многими вакфными документами. В 1289 (1872—1873) г., к примеру, некий ходженец Мулла Мир Камиль Мехтер пожертвовал на содержание своей мечети и медресе в вакф одну тысячу тилла с условием, что мутавалий «деньги эти должен отдавать благонадежным лицам на проценты». ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 3254, л. 3.

¹⁵⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34391, л. 2(3).

¹⁵⁵ Там же, д. 34937, л. 116 (117).

Азимбай Сатыбалдиев продал за 17 тилла в вакф «участок земли со всеми водами и дорогами»¹⁵⁶. В 1288 (1871—1872) г. «Байбек-Суфи и Урумтай Бек-Алиевы из рода койб-ка общества Ирке-Кашка» продали в вакф ошской мечети Алимбая за 64 тилла участок пахотной земли в местности Арча-Мазар¹⁵⁷.

Можно было привести и множество других примеров, все они подтверждают одно—стремление вакфных учреждений округлять и неустанно увеличивать свои владения. И если «благоверные мусульмане» не проявляли инициативы к добровольному пожертвованию своих владений, духовные учреждения могли эти земли покупать в вакф.

В районах орошаемого земледелия, где ценность земли определялась наличием оросительной системы, вода, как уже говорилось, нередко выступала самостоятельным предметом гражданско-правовых сделок, поэтому не случайно водопользование нашло свое отражение и в вакфных документах. Вакфу уже упоминавшегося Ша Рахматуллы Ишана принадлежали: «одна очередь воды в 1/16 часть..., протекающая из арыка кишлака Паулган от артели туземца Тоша Рахматулова, которой орошаются вакфные земли в течение одних суток; одна очередь воды из арыка кишлака Паласан с утра до полдня от артели Катоба; одна очередь воды из того же арыка от артели туземца Алим-Назарбая, считая очередь с утра до полдня; одна очередь из того же арыка от артели Баба Назар аксакала с рассвета до полдня; еще одна очередь воды из того же арыка от артели Мулла Халык Назара с рассвета до полдня и одна очередь воды из того же арыка от артели Мулла Рузыкулова — с рассвета до полдня»¹⁵⁸.

В стремлении к расширению вакфов духовенство использовало любые средства, не останавливаясь перед насилием и подлогами. Так, влиятельный Ша Рахматулла присоединил к одному своему вакфному участку в местности Ганда-Булак все окрестные земли, никогда не бывшие вакуфом, вписал их в документ, который был скреплен печатью Худояр-хана¹⁵⁹.

Насильственное присоединение к вакфам дехканских земель вызывало протесты непосредственных производителей и длительные тяжбы. Известно, например, что спор между дехка-

нами и медресе Сеид-Кулыбека за земли по Янги-арыку в районе Оша шел несколько лет¹⁶⁰.

В Кокандском ханстве не было централизованного органа управления духовенством. Вакфное имущество считалось владением отдельных религиозных учреждений и лиц и подлежало контролю только со стороны верховных казиев или специальных ханских уполномоченных. Акад. В. В. Бартольд называет некоего Ай-ходжу, которого Худояр-хан в 1862 г. назначил ташкентским шейх-уль-исламом, а «с должностью шейх-ал-ислама в Ташкенте было связано заведывание вакуфами, причём ему были подчинены все мутавалии»¹⁶¹.

На территории Южной Киргизии имел многочисленные вакфы (в частности, все земли кишлака Таш-Булак, в бывшей Киргиз-Курганской волости Наманганского уезда)¹⁶² Магруф-хан-Тюря, который будучи шейх-уль-исламом, вероятно, контролировал вакфы Южной Ферганы.

Контроль, главным образом, выражался в установлении прав владения и управления вакфным имуществом, определении подлинности вакфных завещаний и разрешении спорных вопросов, а иногда в регулировании размера ренты на вакфных землях¹⁶³.

В зависимости от категории земель, из которых образовывались вакфы, ставился вопрос и об обложении их податью.

Налоговыми льготами пользовались лишь феодалы, на дехкан вакфных земель они не распространялись. Почти весь прибавочный продукт вакфных крестьян шел на обогащение духовенства, которое нередко кроме доходов с вакфов пользовалось доходами с многочисленных частных владений.

Тяжелые условия издольщика, не заинтересованного в расширении производства, продуктами которого он все равно не в состоянии был воспользоваться, расточительство мусульманским духовенством дохода с вакфных земель¹⁶⁴ и полная

¹⁶⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23088, л. 4, 23, 24; В. Наливкин. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания. Ежегодник Ферганской области, т. III, 1905, стр. 16.

¹⁶¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. 1, стр. 351.

¹⁶² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34868, л. 2—4 (5).

¹⁶³ Улемы, казии, мутавалии бывшего Кокандского ханства писали губернатору Ферганской области: «...по шариату с давних пор 1/5 часть урожая вакфных земель подлежала мечетям и медресе — порядок, установленный и утвержденный по делам вакфов бывшими владельцами края». ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22891, л. 140.

¹⁶⁴ Не удовлетворяемые медленным поступлением доходов, служители мусульманского культа иногда даже продавали вакфные земли, несмотря на запрещение шариата. («Передача или продажа обращенного в вакф предмета незаконна» — Хидая, т. II, стр. 147). Мутавалий одного

¹⁵⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34801, л. 1—2 (4).

¹⁵⁷ Там же, д. 34937, л. 129 (130).

¹⁵⁸ Там же, д. 34764, л. 32.

¹⁵⁹ Там же, ф. и. 1, оп. 14, д. 231, л. 3—4.

их неспособность вести рентабельно хозяйство—вели к тому, что вакфные хозяйства приходили в упадок, оросительная система разрушалась и некогда цветущие оазисы становились землями *мевог*—«мертвыми».

Ко времени присоединения Туркестанского края к России, по некоторым данным, «вакфные земли более чем наполовину лежали впусе»¹⁶⁵.

Все вакфы Южной Киргизии находились в оседло-земледельческих районах и состояли, главным образом, из орошаемых земель. Из 3391 дес. 240 саж. вакфной земли, выделенной поземельно-податной комиссией во второй половине XIX в. в Ошском уезде, неорошенных пахотных земель — богары (но также расположенной в районах оседлого земледелия) было только 114 дес. 2000 саж.¹⁶⁶ Однако в исключительных случаях вакфом могли быть и наиболее ценные выгоны. Например, ходжентскому медресе Шахи-бека парвана-чи принадлежали пастбища около селения Тамаша-Кишлак¹⁶⁷.

В кочевых районах Южной Киргизии не было такой развитой и широко распространенной, как в оседло-земледельческих районах, формы частного землевладения — *мильк*, отсутствовали постоянные религиозные учреждения — мечети, не говоря уже о медресе, не было соответственно и условий для распространения здесь вакфного землевладения. Вакфы под влиянием духовенства возникают лишь с первыми признаками оседлости: появлением усадебных участков и жилых строений. Так, в урочище Алчали-Булак (в районе Джалал-Абада) киргизы рода *тейит* имели небольшие запашки, но к оседлости окончательно еще не перешли. Здесь вакф отсутствовал¹⁶⁸. А в соседнем кишлаке Кампыр-Рабат 21 хозяйство (18 из рода *тейит*, 2 — карабагыш и 1 — кипчак) занималось земледелием, причем два землевладельца имели жилые строения и усадьбы, три зимовали в юртах постоянно на одном месте, а шестнадцать откочевывали в ближайшие предгорья. На лето все хозяйства откочевывали со скотом на джайлоо, однако в кишлаке уже появился вакфный участок

андижанского медресе продал два вакфных участка земли, «как пришедшие в негодность и бездоходность» за 90 (!) тилла. См. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 341199, л. 6—8. Дело в том, что по шарияту вакфное имущество могло быть продано лишь в случае, если переставало давать доход.

¹⁶⁵ Проект всеподданнейшего отчета..., стр. 239.

¹⁶⁶ Материалы для статистического описания Ферганской области, вып. V, приложение № 1.

¹⁶⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34979, л. 12—13.

¹⁶⁸ Там же, д. 33355, л. 18.

более чем в 2 дес., закрепленный за приходской мечетью киргизов рода *тейит*¹⁶⁹.

Рассмотрение форм землевладения в Киргизии середины XIX в. показывает, что они носили, в основном, черты феодализма, с теми специфическими особенностями, которые были характерны для целого ряда стран Востока и которые отмечали еще К. Маркс и Ф. Энгельс. Во-первых, это государственная форма земельной собственности, во-вторых, различные категории феодального землевладения, и, в-третьих, наличие кочевых и земледельческих общин и сохранение общинного землевладения.

¹⁶⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 78—79.

ГЛАВА III. ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ

Пастбищные территории Южной Киргизии являлись государственной собственностью и находились в пользовании кочевников, выплачивавших налоги и несущих соответствующие повинности.

Киргизы кочевали общинно-родовыми подразделениями, «группами (тап тап) из большего и меньшего числа кибиток»¹. Кочевую ячейку В. Ф. Шахматов определяет как пастбищно-кочевую общину, члены которой «были объединены между собою родством и соседством и правом совместного владения и пользования одними и теми же пастбищами из сезона в сезон, из года в год, регулируемого обычным правом»².

В общественно-экономических отношениях кочевников довольно ярко проявлялись черты патриархально-родового уклада, выражавшиеся в наличии пастбищно-кочевой общины, сохранении родственных многосемейных общин, в остатках родоплеменной организации³. С идеологической стороны патриархально-родовая система воззрений освещала устой существовавшего социально-политического порядка⁴.

Южные киргизы составляли два крупных племенных объединения: отуз-уул и ичкилик, распадавшихся на целый ряд родов (*уруу*), которые в свою очередь делились на более мелкие подроды, называвшиеся *урук*, *бир-атанын балдары*.

Киргизские роды и более мелкие их деления по своему составу не были однородными, тем более обязательно родственными. Нельзя найти ни одного киргизского племени, рода и родового подразделения, пишет Б. Д. Джамгерчинов⁵, в со-

¹ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области..., стр. 110.

² В. Ф. Шахматов, Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964, стр. 45.

³ С. М. Абрамзон. Патриархально-общинный уклад и пути егоживания..., стр. 4.

⁴ Б. Аманалиев. Доисламские верования киргизов. В кн.: Религия, свободомыслие, атеизм. Фрунзе, 1967, стр. 29—30.

⁵ Б. Джамгерчинов. Присоединение Киргизии к России. М., 1959, стр. 27.

став которого не входили бы элементы иноплеменного происхождения, даже племен соседних народов — узбеков, казахов, алтайцев и др. Достаточно было представителю одного рода перекочевать к другому, как он становился членом этого нового рода⁶. Если в род вливалась более или менее крупная единица, то, сохраняя свое прежнее название как коренное, она в то же время принимала название того рода, в который вошла. Отдельные хозяйства, переходящие в другой род, постепенно утрачивали свое прежнее родовое название. Постоянно образовывались новые роды, отпочковываясь от основного и группируясь вокруг известного батыра или бия⁷.

Родоплеменные объединения в рассматриваемое время имели ярко выраженное классовое содержание и являлись в руках феодализирующей верхушки органом подчинения и управления народом. В то же время продолжали сохраняться такие признаки родовой общности, как общий боевой клич — *ураан*, боевое знамя — *туу*, общеродовая тамга, кровная месть, выкуп — и др.

Патриархальность общественных отношений скрепляла и старое обычное право, провозглашавшее: «*Эрдин бир журту — өз эли, бир журту — кайыны. бир журту таекеси — у молодца первая родня — его племя, вторая родня — родня его жены, третья родня — родня матери*»⁸.

Каждый киргиз должен был знать семь своих предков по мужской линии — «*жети ата*», если он их не знал, его презрительно называли *күл* — раб⁹.

Пастбищно-кочевая община, аил состояли примерно из 5—15 хозяйств, в редких случаях — больше¹⁰. На данной стадии развития община уже являлась преимущественно соседской, сельской, основанной на территориально-экономической общности. В то же время имели еще место и основанные на родственной связи патриархальные семейные общины, состоящие из нескольких десятков человек¹¹. У феодально-родовой знати аилу принадлежали слуги, невольники и их по-

⁶ Г. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости». 1873, № 10.

⁷ К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов..., стр. 107.

⁸ Киргизско-русский словарь, стр. 270.

⁹ Там же, стр. 77.

¹⁰ ЦГА Узб ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 56, л. 33.

¹¹ Ср.: С. И. Ильясов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Киргизии. В кн.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 47.

томки¹². К. К. Юдахин определяет аил как группу юрт близких родственников и их припущенников и приводит пример из киргизского фольклора, говорящий о патриархальности и однородности аила: «*Арпа чыкнайт таи жерге, айыл болбойт башка элге — ячмень не родится на каменном месте, не станет (пришелец) соаульцем в чужом роду*»¹³.

Хозяйство общин было почти целиком натуральным, в него только начинали проникать элементы товарности, связанные с товарообменом.

Члены пастбищно-кочевой общины были объединены общностью пастбищ, общими производственными интересами, связанными с цикличностью сельскохозяйственного процесса, общностью быта, традиций. Каждый член общины считал своей обязанностью охранять стада своей группы, оказывать соседу материальную помощь в организации больших торжеств и трудовую — во время сельхозработ, нести ответ за поступки любого из членов общины. Несоблюдение этих норм рассматривалось как нарушение обычаев и строго осуждалось.

Обычаи и традиции, в частности совместная охрана стад и территорий, оказание материальной, трудовой помощи и другие отношения, поддерживаемые силой патриархальности пастбищно-кочевой общины использовались феодалами в условиях постоянных междоусобиц как фактор эксплуатации трудящихся масс. Внутри общины имелся уже известный «дуализм»: при коллективном освоении пастбищ каждый член аильной общины вел индивидуальное хозяйство, основанное на частной собственности на скот.

Общинный характер пользования пастбищами у южных киргизов подтверждается материалами первых исследований земельных отношений в Туркестане, многочисленными свидетельствами современников, этнографическими материалами и результатами поземельно-податных статистических обследований, проведенных в конце XIX — начале XX вв.¹⁴

¹² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 56, л. 33.

¹³ Киргизско-русский словарь, стр. 36.

¹⁴ Целью статистического обследования было определение территории, занимаемой местным населением под кочевое скотоводство, выявление земельных излишков и закрепление ранее существовавшей формы землепользования. Поэтому данные конца XIX — начала XX вв. при отсутствии статистических материалов за кокандский период с известной оговоркой могут быть привлечены для характеристики земельных отношений и более раннего периода, тем более в кочевых районах. Сами члены статистических партий, проводившие работу, отмечали, что «в порядке землепользования пастбищами до сих пор почти в чистом виде царят прежние общин-

М. Н. Николаев в записке о землевладении оседлого и кочевое населения Туркестанского края писал: «Киргизы пользуются для пастбы на летних и зимних кочевках по родам и подразделениям совокупно, следовательно — порядком общинного пользования»¹⁵. И как бы в подтверждение этого находим в фольклоре: «*Жайыты малдын бир болуп, жамаалаи айыл консун деп — пусть пастбище будет общим, пусть расположится аулом рядом*»¹⁶. К выводу, что у местного населения «самая распространенная форма пользования есть общинная», — пришла и комиссия Гомзина, считавшая, что «у киргизов она представляется самой чистой, у сартов, живущих в больших городах, — наиболее видоизмененную интересам богачей, ограниченной и стесненной участковым видом»¹⁷. Статистики Ферганской области зафиксировали двойственный характер землепользования у киргизов: «с одной стороны, остатки скотоводческого родового быта, сохранившиеся в наиболее чистом виде в пользовании пастбищами, с другой — почти полная индивидуализация культурных угодий»¹⁸.

В зависимости от характера землепользования у кочевников можно выделить три вида земель: летние пастбища, зимние пастбища и культурные угодья. Общее соотношение летних и зимних пастбищ на юге Киргизии было примерно одинаковым. По данным статистических обследований, на кочевые районы Ферганской области приходилось 560 тыс. квадратных верст летних и 551 зимних пастбищ, на которых располагалось около 28 тыс. хозяйств, главным образом киргизских. Под культурными угодьями было занято всего лишь около 9% призимовочной площади¹⁹.

Наиболее общими и свободными являлись летние пастбища, особенно отдаленных высокогорных районов, таких как Алай, Памир.

Алайскими кочевьями как летними пастбищами пользовались в основном киргизы Ферганы²⁰. В отношении земле-

но-родовые традиции». (Подчеркнуто нами. — В. П.) См.: Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области, стр. 113.

¹⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 9-а, л. 31.

¹⁶ Киргизско-русский словарь, стр. 224.

¹⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 93.

¹⁸ Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область Наманганский уезд. Ташкент, 1913, стр. 29.

¹⁹ Данные взяты из стат. сборников и суммированы: материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области; материалы по киргизскому землепользованию, Андижанский уезд; то же, Наманганский уезд.

²⁰ Архив ГО СССР, р. 65, оп. 1, л. 43. Сообщение Д. Л. Иванова.

пользования пастбищами Алая земельно-податный комиссар Краснослободский писал, что какие-либо границы тут трудно определить, так как «приходящие в июне месяце занимают места в долине, дней через 7—10 переходят на новые места в той же долине, потом поднимаются к перевалам, числа с 10 июля начинают спускаться вниз, делая остановку на 4—6 дней, направляясь к выходу с летовок. Таким образом, каждый из прибывших в течение лета со своими стадами обойдет долину Алая и ее окрестности»²¹.

Однако, несмотря на такие массовые и, казалось бы, совершенно свободные перекочевки, местность, на которой кочует род одно поколение или даже несколько лет, подчеркивал Н. Аристов, считается уже принадлежностью этого рода²². В верхнюю часть Алая прикочевывали, например, киргизы подразделений монгуш и адигине, зимовки которых располагались в окрестностях Гульчи и Оша, в нижней части кочевали ичкилики, зимовавшие в Маргеланском вилайете. Из всех киргизов только частично найманы и тейиты зимовали в Центральном Алае (Баш-Алай) в окрестностях Дараут-Курган и ущельях Кок-Су²³. Если летом на Алае собиралось до 15 тыс. хозяйств со скотом в полмиллиона голов, то на зимовках их оставалось совсем немного; так, в окрестностях Дараут-Кургана зимовало лишь до 150 семей киргизов рода найман²⁴.

О свободном использовании пастбищных территорий прогоняемым торговым скотом есть сообщение в опросных материалах, собранных в 1866 г. управляющим населением левого фланга Туркестанской области: «Проходящие караваны пользуются пастбищными местами бесплатно и для своего выюжного и для прогоняемых гуртов скота»²⁵.

Исследователи алайских киргизов писали в отношении землепользования: «...пастбища находились в общем и полюбовном пользовании всех киргиз на Алае и между отдельными зимовками и частями их, далее между тубами, коленами и родами, право пасти скот на тех или иных пастбищах в известное время года распределялось и устанавливалось естественным путем»²⁶.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 206.

²² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 56, л. 29.

²³ И. Миннаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879, стр. 199—200.

²⁴ А. Волконский. От Нового Маргелана до границы Бухары. Путевые заметки. Вестник Европы, 1894, № 7, стр. 133.

²⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 775—776.

²⁶ Г. В. Покровский и Н. И. Стогов. Алайские аульные общества..., стр. 111.

Однако наиболее ценные летние пастбища были более четко разграничены, что нашло отражение и в обычном праве кочевников. Именно поэтому Н. И. Гродеков писал: «У кара-киргизов никто не может занять летовку, где издавна кочует известный род.—Можно просить: «у меня нет летовки, позвольте быть вашим соседом (*конгсылыш*). Но при отказе нельзя ничего сделать, ибо какое право можно иметь на чужую летовку? (*браунинг яйлауинда несе бар*)»²⁷.

Это же подтверждается и другими исследователями. А. К. Гейнс указывал, что у киргизов «при недостатке земель в одном роде, нуждающиеся в ней обращаются об отводе земель в другой род и обыкновенно получают отвод»²⁸.

Земельные споры разрешались между киргизами на основании существующих обычаев.

При решении спора, например, за зимовку (кыштоо) основным доказательством ее принадлежности кому-либо было наличие на ней кургана или арыка. Если же таких сооружений на зимовке не имелось, то спор решался довольно архаичным методом: представлением присяжных свидетелей «из числа почетных людей» в доказательство своей правоты. «И какою стороною будет более свидетелей представлено, той предоставляется право на зимовку», — отмечали туркестанские чиновники²⁹.

В случае недостатка зимовок, например, при выпадении глубокого снега, хозяйства или роды могли свободно перекочевывать на другие свободные места, или делиться пастбищами между собою. Капитан Медынский писал: «Случается, что киргизы Большой Орды заходят на зимовки кара-киргиз, и наоборот, и споров не возникает, а во время суровой зимы киргизы и кара-киргизы делятся между собой удобными местами, насколько это бывает возможно»³⁰.

Отдельные родовые группы, составляющие общины, в свое время распределили между собой наиболее ценные пастбища, и это распределение, освещенное давностью, получило признание со стороны других общин. «Чужаки» могли перекочевывать на обособленные земли лишь с разрешения данной общины и на ею поставленных условиях³¹. Размер обособлен-

²⁷ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области..., стр. 111.

²⁸ А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. II, СПб., 1898, стр. 420—421.

²⁹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31, д. 6, т. 5, 1865, св. 892-а, л. 776.

³⁰ Там же.

³¹ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области, стр. 212.

ных территорий не зависел от количества хозяйств или величины стада, а «определялся в свое время случайно, при захвате земель различными родовыми и хозяйственными группами населения», — писали статистики³².

С середины XIX в. стала укрепляться обособленная форма пользования землями и частью летними пастбищами отдельными общинами. Однако, даже в конце XIX — начале XX вв. землепользование все еще не было упорядочено, что, исходя из объяснений дореволюционных исследователей поземельных отношений, происходило, во-первых, под влиянием родовых связей населения, во-вторых, по необходимости, вытекающей из самого местонахождения этих земель (через которые пролегал единственно доступная дорога на другие площади), в-третьих, в виде компенсации за использование одной общиной земель другой общины³³.

Несмотря на то, что внутри родов поземельные отношения как бы определялись родовым и кочевым бытом киргизов, когда «земля,—по словам Аристова, — почитается принадлежностью рода, который ею пользуется»³⁴, неизменно растет внутренняя дифференциация пастбищно-кочевых общин, возрастает роль богатой верхушки в земельных отношениях. К тому же феодальная родо-племенная знать выступала и в качестве административных чиновников Кокандского ханства — начальниками киргизских родов, аксакалами айылов, кыштак-ков³⁵. Киргизы, как отмечал Г. Е. Грум-Гржимайло, «как-то само собой группировались вокруг богатейших, которые в конце концов третировали их как слуг и управляли ими вполне бесконтрольно, хотя наружно такие отношения и не проявились резко. Эти же богачи всегда занимали должности аксакала, минбаши и др.»³⁶ Так как руководителями пастбищепользования были управители родов — бии, то и лучшие места занимали, естественно, феодалы. Они захватывали большие земельные площади в соответствии с наличием больших табунов и гуртов скота. По сведениям киргизского бия Курпетая Даулеткулова, информатора собирателей материалов правовых отношений кочевников, у киргизов время и маршруты кочевков указывались богатыми³⁷. Это же под-

тверждается и более поздними этнографическими данными, собранными, А. Убукеевым: «Ар бир айылдын өзүнчө жайыттары жана жайлоолору бар болучу. Аларды айылдын баш кишилери башкаруучу эле. — Каждый айыл имел свои выгоны и пастбища. Ими распоряжались главы айылов»³⁸.

На большую роль биев в пользовании пастбищами, в частности, указывают и фольклорные материалы, к примеру: «Айылды жамаат кондурбай, кербенди жолго жүрдүрбөй — аулам рядом селиться не позволял, караваны по дороге не пропускал»³⁹.

В 1866 г. управляющий населением левого фланга Туркестанской области капитан Медынский сообщал в комиссию по составлению проекта «Положения об управлении в киргизских степях и Туркестанском крае», что при занятии зимовок родом или отделением, места для айлов распределялись управителем рода — бием, исходя из численности скота в айле. Для тех айлов, которые прежде имели много скота и занимали большую зимовку, но по каким-либо причинам обеднели, бий отводил на зимовке уже меньше места. Освободившиеся при таком наделе пастбища передавались айлам, у которых скота прибавилось, причем во всех случаях при занятии зимовки прежде всего устанавливалась на лучшее место юрта управляющего айлом аксакала и бия, а потом уже распределялись места для остальных юрт⁴⁰.

Такая система регулирования пастбищепользования, распределения земельных площадей, устраивала феодалов, поскольку создавала условия для безграничного увеличения собственного поголовья скота. Численность скота феодала возрастала в связи с усилением эксплуатации рядового кочевника и уменьшением скота у последнего. Соответственно, за счет этого сокращения пастбищепользования рядового кочевника увеличивалось количество пастбищ в пользовании феодала. Общинная форма землепользования не ограничивала возможности обогащения феодала и вполне соответствовала его интересам.

Производственное значение зимовок с течением времени возрастает. Более состоятельные хозяйства, в первую очередь феодальная родо-племенная знать, устраивают примитивные сооружения для зимнего загона скота — короо, заготавливают сено, обрабатывают отдельные участки под пахоту. Застройка феодалами (а они имели большую хозяйственную возмож-

³⁸ К. Усенбаев. Общественно-экономическое отношение киргизов..., стр. 93.

³⁹ Киргизско-русский словарь, стр. 224.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 776.

³² Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области, стр. 221.

³³ Там же, стр. 212.

³⁴ ЦГА, Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 56, л. 29.

³⁵ См., например, А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, стр. 70.

³⁶ Г. Е. Грум-Гржимайло. Очерк припамирских стран..., стр. 100.

³⁷ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области..., стр. 110.

ность) зимовок помещениями, распашка полей и постоянность пользования ими способствовали более прочному закреплению территории за этими феодалами. По обычному праву кочевников давность пользования одной и той же зимовкой давала феодалам преимущество в поземельных спорах⁴¹. Путешественники и исследователи быта местного населения неоднократно отмечали постоянность пользования зимовками. В частности, А. К. Гейнс писал, что киргизы «летуют в различных местах, а зимуют постоянно на одних и тех же»⁴². Супруги Наливкины, хорошо знавшие жизнь и быт местного населения Наманганского уезда, подчеркивали, что у киргизов зимовки с находящимися на них запашками, всегда постоянные⁴³.

Зимние пастбища были предметом довольно четкого разграниченного пользования. Как сообщал начальник Маргеланского уезда, зимние пастбища были разделены между отдельными киргизскими хозяйствами или небольшими аилами (5—20 хозяйств), и такое владение закреплено обычаями и документами много лет назад⁴⁴. Киргизы кишлака Чавай (Ичкиликская волость) во время проведения ревизии Туркестанского края заявляли, что у них пастбищных полей немного, и поэтому окрестные урочища «имеют каждое своих владельцев»⁴⁵. В доказательство прав на владение землей у чавайцев был ханский документ от 1258 (1842—1843) г. Имеются факты (правда, исключительные в своем роде) закрепления отдельных пастбищ за частными лицами. Так, приводившийся выше документ ханского пожалования пастбищ в районе Науката киргизскому феодалу Шах-Мирза-дадхе свидетельствует о существовавшем закреплении пастбищ в частном владении⁴⁶. Однако подобные примеры единичны и не повсеместны. Как правило, зимовками и пашнями, которые находились в общественном владении, пользовались самые мелкие хозяйственные единицы. У киргизов, писал Аристов о поземельных отношениях Семиреченской области, это—«аулы (естественные, а не административные), состоящие из близких родственников, ведущих общее хозяйство, т. е. пасущие свой скот в одних общих стадах и имеющих общие пашни»⁴⁷.

⁴¹ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 213.

⁴² А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов..., стр. 420—421.

⁴³ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения в Фергане. Казань, 1886, стр. 78.

⁴⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 5984, л. 5.

⁴⁵ ЦГИА, СССР ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 243.

⁴⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 1057, л. (9).

⁴⁷ Там же, ф. и. 1, оп. 14, д. 56, л. 33.

Пользование киргизов пахотными землями первоначально носило неурегулированный характер («пашет, кто где хочет») — форма, которая сохранилась в некоторых отдаленных волостях Киргизии, например, в Ляйлякской и Найманской, до XX в.⁴⁸

Пригодные для земледелия общинные участки могли быть свободно заняты под пашню или сад любым членом общины. «Пахотные земли считаются общим достоянием рода, и пользование открыто для всех родовичей, занимающихся хлебопашеством», — писал П. И. Хомутов⁴⁹. Но право на раздачу необработанных земель под пахоту оставалось за общинами.

А. Миддендорф, посетивший Фергану в конце 70-х годов XIX в., считал, что у кочевников хозяйство начинается на общинных землях, на которых они занимаются и пахотой, «захватывая участки земли в личное пользование на тот срок, пока продолжается возделывание на них хлебов», а с проведением оросительных сооружений, устроенных целым обществом, «тотчас же начинается разделение общества устроенной оросительной области на частные, интенсивно обрабатываемые участки, которые, следовательно, поступают в личное владение»⁵⁰.

Проведение арыков и создание оросительной сети, как правило, было непосильно для отдельных хозяйств и являлось делом коллективным. От каждой юрты выставлялся рабочий. Между кибитками делалась раскладка на необходимое количество баранов, собирались деньги для покупки кетменей и прочего инвентаря⁵¹. Орошенный массив делился соразмерно затраченному труду на участки, которые переходили в наследственное подворно-участковое пользование⁵². Это нашло отражение в правительственном документе туркестанской администрации: «Право пользования землей приобретает характер частный или личный только по соразмер-

⁴⁸ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области, стр. 112.

⁴⁹ Проект всеподданнейшего отчета Туркестанского генерал-губернатора..., стр. 224.

⁵⁰ А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882, стр. 466.

⁵¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865., св. 892-а, л. 775—776.

⁵² «Поселенцы, явившиеся впервые на известное место или киргизы-кочевники, садящиеся на пашню, сперва приступают к проведению арыков, на что каждым из поселенцев затрачивается известная рабочая сила, соразмерно которой земля делится на части, кои и разделяются по жребию». ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 33, л. 93. См. также ф. и. 1, оп. 14, д. 56, л. 35. «Право на землю имеют только лица, принимавшие участие в проведении арыков и пропорционально силам каждого». А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов..., стр. 420—421.

ности с силою труда, приложенного к земле, устройством необходимого орошения, расчисткой и обработкой под хлебопашество или же занятия почвы под засадку деревьями⁵³. Подкрепляло его и обычное право, согласно которому проведенный арык и оросивший им определенную площадь земли, получает возможность пользоваться этою землею⁵⁴.

Несмотря на общие работы по проведению арыков и созданию ирригационной сети, баи имели преимущество в пользовании водой, арыки назывались их именами и т. д. Уже первые исследователи земельных отношений местного населения подчеркивали, что у киргизов «пахотные земли совершенно неправильно захвачены родами биев, манапов и прочих, имевших власть издавна, а бедный класс, действительно обрабатывавший земли, не пользуется ими»⁵⁵. Не имея скота и сельскохозяйственных орудий для обработки полей, бедняки вынуждены были идти в услужение к баям и обрабатывать на издольных началах (*ортюк*) их пахотные участки. В результате оказывалось, что «многие члены аульных обществ не имеют ни скота, ни пользуются землею самостоятельно, а обрабатывают часто ее из доли у своих одноаульцев»⁵⁶. Подтверждение этому мы находим во многих источниках. «Хлебопашеством занимаются почти все черные киргизы..., — писал один из исследователей середины XIX в. — Бедные люди не имеют своих пашен, но, нанимаясь в услужение к богатым, получают в лето за работу зернового хлеба от 4 до 6 мешков»⁵⁷. Киргизские пашни, хотя и обрабатываются самыми горькими бедняками, сообщал Н. А. Северцов, но принадлежат не им, а родоправителям, манапам⁵⁸.

Наряду с орошаемыми землями, распределявшимися в подворно-участковое пользование, киргизы накануне вхождения в состав России распахивали и богарные земли, которые на первом этапе находились в общинном владении и пользовании, что подтверждается рядом купчих крепостей (васик) и вакфных документов. По васике за 1268 (1851—1852) г., одна киргизская община в Узгенской волости продала киргизскому феодалу Алимбек-бию Саидбиеву общий участок кайрачной земли, который «с запада граничит Чокуртом, с

⁵³ Проект всеподданнейшего отчета Туркестанского генерал-губернатора..., стр. 227.

⁵⁴ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области..., стр. 104.

⁵⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 9-а, л. 31.

⁵⁶ Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 1.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551 (2), л. 15.

⁵⁸ Н. А. Северцов. О русских поселениях к югу и западу от Иссык-Куля, стр. 105.

юга Кошбозом, с востока пашнею, с севера большой дорогой»⁵⁹. Упоминание о богарных землях можно встретить среди описываемых границ вакфных документов. По вакф-наме от 1279 (1862—1863) г. на границе пожертвованного в вакф участка была «общая земля, засеваемая под дождь (*ляльми-кайрак*) обществами Букара, Даукарт-бий, Аруин, Юкти и Сарыбаба»⁶⁰. По вакфному документу 1287 (1870—1871) г., среди границ пахотного участка в местности Кутарма, близ Науката в Ошском уезде значились с севера «поля ляльми, засеваемые отделением Атка»⁶¹.

Таким образом, пользование богарными пашнями носило преимущественно общинный характер, лишь постепенно уступая подворно-участковой форме. Даже к концу XIX—началу XX вв. пользование богарой не было столь однообразно, как, например, на поливных землях, и все еще носило известную долю неурегулированности⁶².

Юридически каждый член киргизской аильной общины мог свободно поднять любой участок неорошенной общинной земли, который в связи с этим поступал в его личное пользование. Но тут-то, подчеркивали авторы статистических материалов, у бедняков-землевладельцев и происходили столкновения с интересами богатых скотоводов⁶³. Статистическое обследование киргизских хозяйств конца XIX — начала XX вв. (его данные могут быть приняты и для более раннего времени в связи со стабильностью форм землепользования) показало, что земледелие более развито именно в тех группах хозяйств, которые «скотоводчески более зажиточны». Пользуясь помощью издольщиков, крупные скотоводы обычно создавали довольно большие, хотя и носящие экстенсивный характер, земледельческие хозяйства. Увеличение байской запашки росло также за счет богарных земель, которые стали постепенно закрепляться в подворно-участковое пользование. «Каждый хозяин может поднимать целинные земли по адырам и увалам, не испрашивая чьего-либо разрешения; правом этим пользуются, разумеется, только наиболее сильные, обеспеченные рабочей силой и инвентарем хозяйства, беднота же довольствуется небольшими посевами на поливных землях», — писали статистики⁶⁴.

⁵⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36763, л. 10.

⁶⁰ Там же, д. 34965, л. 3(1).

⁶¹ Там же, д. 34961, л. 5.

⁶² Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область, Наманганский уезд, стр. 30.

⁶³ Там же, Андижанский уезд, стр. 40.

⁶⁴ Там же, Наманганский уезд, стр. 30.

Итак, переход киргизов от скотоводства к земледелию шел в байско-феодалных хозяйствах за счет привлечения рабочей силы бедноты, а в бедняцких — в результате разорения скотоводческих хозяйств и вынужденного занятия земледелием.

С процессом оседания кочевников образуются отдельные группы хозяйств, связанные между собой лишь чисто экономическими интересами. О развивающихся территориальных связях свидетельствует замена широко распространенной «родовой помощи» помощью соседей с последующей компенсацией за работу (угощение, ответная помощь или какое-либо вознаграждение), возрастающая практика аренды, купли и продажи земли и другие институты феодальных отношений.

В заключение следует подчеркнуть, что дробление и смешение родов при пастбищном пользовании, обращение к земледелию вели к ослаблению кровнородственных связей и развитию территориальных. В чисто кочевых же хозяйствах еще долгое время продолжали сохраняться наряду с развивающимися феодальными патриархально-родовые или общинные взаимоотношения.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ

¹ В долинных районах Южной Киргизии земледелие издавна являлось основным занятием оседлого узбекско-киргизского населения. Дехкане выступали пользователями государственных, частнофеодалных, вакфных земель, обрабатывали находящиеся в их владении мельковые и общинные земли.

Общинное землевладение и землепользование, свидетельствующее о патриархальном укладе в Южной Киргизии, в середине XIX в. было еще довольно распространено. Оседло-земледельческой общине, как и кочевой айильной, но гораздо в большей степени, был присущ «внутренний дуализм»: общинное земле- и водопользование сопровождалось парцеллярной обработкой земли и частным присвоением результатов труда⁶⁵.

Обрабатываемые пахотные земли повсеместно находились в индивидуальном пользовании дехкан; арыки, выгоны, леса — в общинном.

В период Кокандского ханства и вплоть до 80-х годов XIX в., т. е. до начала деятельности поземельно-податных учреждений Туркестанского края, все необрабатываемые территории, в частности земли Ташкентского уезда, находились

⁶⁵ С. М. Абрамзон, Патриархально-общинный уклад и пути егоживания..., стр. 4.

«в общинном пользовании в самом широком значении этого слова». Их эксплуатировали не только жители одного какого-либо кишлака, «а все жители известного рода или колена, сидящие в разных пунктах оседлости» и находящиеся в самых различных районах⁶⁶. Пастбищами коллективного пользования самых различных общин служила например, высокогорная долина Алая, которой «с искони, потомственно фактически» пользовалось оседлое население Ферганы⁶⁷.

Землепользование более ценными и близлежащими выгонами, как правило, было более упорядоченным. Такими выгонами обычно владели отдельные кишлаки, и пастбища, принадлежащий другим кишлакам, на них обычно не разрешалось. Однако и здесь можно было встретить примеры общего пользования выгонами жителей не только одного селения, но даже нескольких кишлаков. Так, еще в конце XIX в. в Исфаринской волости урочищами Ганзак, Саары-Саад и Хауз-Хана владели и пользовались население кишлаков Куррук, Лянгар и Гузак⁶⁸; в Джанджольской волости более 200 дес. выгона сообща использовали жители Науката-Верхнего, Науката-Среднего и Науката-Нижнего⁶⁹; в Куршабской волости 3028 дес. 70 саж. выгона принадлежало населению кишлака Джуры-Чек⁷⁰.

Поземельно-податное обследование Хан-Абадской дачи Джалал-Абадской волости показало, что жители соседних кишлаков, в частности кишлака Джигда-Могол⁷¹, пользовались не только выгонами этой дачи, но даже землями, на которых был снят урожай.

¹ Накануне вхождения Киргизии в состав России коллективное пользование и владение не только пастбищными, но и богарными землями было широко распространенным явлением.

На общность владения и пользования богарными пашнями указывает, например, определение границ жертвуемого в вакф в 1279 (1862—1863) г. участка: «С юга (граничит) общей землей, засеваемой под дождь (*ляльми-кар*), обществ Букара, Даукатбий, Аруни (?), Юкти и Сарабаба»⁷².

⁶⁶ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края... Поземельно-податное дело. СПб., 1910, стр. 51.

⁶⁷ ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 251, л. 204.

⁶⁸ Материалы для статистического описания Ферганской области, вып. IV. Кокандский уезд, стр. 196—197.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, вып. V. Ошский уезд, стр. 70—71.

⁷¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 70—80.

⁷² Там же, д. 34965, л. 3 (1).

Среди пограничных участков земли кишлака Булак-Баши по вакфному документу 1284 (1867—1868) г. значится «общее имение Мухаммед Садыка Мухаммед Тагирова, Мухаммед-Шариф Турсунбаева»⁷³.

Частный и общинный характер землевладения и землепользования рассматриваемого периода подтверждается определением границ в документе от 1273 (1857—1858) г., разрешающем земельный спор между киргизами и узбеками местности Мады. В документе называются поля, принадлежащие «отделениям Бакай, Каляр, Хожаляр, Тогуз-Баш»⁷⁴.

Киргизы кишлаков Харасан-Хамля, Ахтачи и Кармачи разъясняли в одном из своих писем, что они более полувека засеивали кайрачные земли, находившиеся на границах Маргеланского и Андижанского уездов (бывших вилайетов). Земли эти, писали они, «засеивались исключительно только тремя вышеупомянутыми сельскими обществами». И хотя половина этих земель принадлежала жителям другого селения — Хакента, спора с ними не возникало, потому что сами они земли эти «за дальностью расстояния обрабатывать не могли»⁷⁵.

На общинный характер землепользования указывало и почти полное отсутствие поземельных исков между частными лицами и, напротив, наличие множества таких исков между обществами⁷⁶.

Общинное землепользование богарными пашнями начиналось со свободного захвата необрабатываемых земель на срок их пользования и последующего раздела между индивидуальными хозяйствами с учетом их производственной мощности и количества тяглого скота.

Эксплуатация орошаемых земель требовала в первую очередь коллективного устройства оросительной системы и основывалось на совместном поддержании ее в рабочем состоянии.

После проведения магистрального арыка обычно производился раздел пахотных участков, которые поступали в прочное личное пользование. Раздел происходил в соответствии с количеством заложенного труда и в зависимости от представленного тяглого скота в упряже — *кошей*. В большинстве источников указывается, что с этого времени передел земли уже не практиковался. Однако в отдельных районах

он все-таки имел место. Переделы могли производиться ежегодно или через 3, 5, 10 лет, или по мере надобности⁷⁷. В таком случае основанием при переделах земли служило наличие упряжки волов с сохой и мотыгой.

С наступлением весны в год передела каждое хозяйство выставляло в зависимости от своей производственной мощности один или несколько кошей для проведения сельскохозяйственных работ. Чем богаче было хозяйство, тем больше кошей оно выставляло, а значит больше получало земли. Бедняки нередко вскладчину содержали один кош на два и более хозяйства и, соответственно, меньше получали земли. Раздел происходил при помощи жеребьевки. Владельцы кошей бросали в полу халата доверенного свои метки (*чек, чак*), которые тот раскладывал по участкам. Каждому хозяину доставался участок земли, на который выпала его метка (*чек*) и который также назывался чеком⁷⁸. Случалось так, что земли одного хозяйства оказывались в двух-трех и даже более местах.

Такая форма землепользования требовала одновременной организации и проведения сельскохозяйственных работ, единства севооборота. Если на богарных полях кочевники и даже оседлые жители сеяли до полного истощения почвы, а затем пахоту забрасывали на несколько лет и выбирали новый участок, орошаемые земли они делили обычно на три части. Одну из них обрабатывали, а две другие оставляли под пар, устраивали там общее пастбище.

Государство, мельковладелец или духовное учреждение раздавали свои земли для обработки и в пользование крестьянам, прибегая к системе чеков. Происходило это обычно следующим образом.

Феодал или хан, орошая определенную земельную площадь, как правило, ограничивался проведением магистрального арыка. Но, чтобы сделать землю пригодной для обработки, необходимо было приложить много труда по выравниванию участков и созданию оросительной системы, проведению полевых (*шахов*) и отводных (*кулаков*) арыков и т. д. Для эксплуатации земли весь массив делился на пацелляр-

⁷⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 93.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908. Азиатская часть, 1868, св. 460, д. 6-а, л. 242; Л. Костенко, Земледельческая производительность Средней Азии. «Туркестанские ведомости», 1870, № 17; Н. Маев. Азиатский Ташкент. Мат-лы для статист. Туркестанского края. Ежегодник, 1876, вып. 4, стр. 271; Г. К вопросу о землепользовании в Туркестанском крае. «Туркестанские ведомости», 1885, № 26—29; А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 199—200.

⁷³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34974, л. 8 (9).

⁷⁴ Там же, д. 22524, л. 73—74.

⁷⁵ Там же, ф. и. 23, оп. 1, д. 2280, л. 1.

⁷⁶ Там же, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 93.

ные наделы — чеки—и раздавался дехканам для обработки. Видимо, земли таким образом могли раздаваться и целым обществам, например, оседающим киргизам, что нашло свое отражение в топонимике. Так, в Ассакинской волости был кишлак Янги-Чек Кызыл-Аяк⁷⁹. В одной из васик на продажу участка земли в местности Караван продавцом выступает киргиз Курбан Калыкбеков из рода (общины) тубан-чек⁸⁰, а другой — киргиз Халимбек Муралбеков из рода темен-чек⁸¹.

Приведение надела-чека в пригодное к обработке поле было сопряжено с большими трудностями, о которых дает представление письмо жителей кишлака Гулихан-Чек. Как видно из письма, в 70-х годах XIX в. Мулла Иса Аулие по приказанию хана раздал крестьянам «пустолежащие земли, над которыми они трудились в течение многих лет, стараясь сделать их годными к обработке, что и было достигнуто немощными усилиями, и таким образом, они обзавелись хозяйством, насадив деревья, построив дома и т. п.»⁸²

Для поощрения крестьян, чеки которых требовали больших затрат труда, применялись некоторые льготы⁸³. Кыпчакский феодал Хотамкул, скупив за бесценок полузаброшенные земли в кишлаке Сузак, оросил их с «помощью» сузакцев и «раздал даром в чеки населению с одним лишь условием: платить херадж и танап»⁸⁴ в пользу его медресе, освобожденного ввиду высокого служебного положения Хотамкула (он был андижанским батыр-башей) от государственных налогов. Несмотря на «дарову» раздачу земель, некоторые чеки Хотамкула, ввиду трудности их обработки, остались даже неразобранными⁸⁵.

Чтобы чеки не пустовали, феодалы шли на предоставленные дехканам на первых порах небольших льгот, вплоть до освобождения их от податей. Так, на каждый чек вакфных земель Ошского медресе Алымбека-дадхи (кишлак Алымбек-Чек) приходилось по два танапа земель, необлагаемых по-

⁷⁹Материалы для статистического описания Ферганской области, вып. II, приложение № 1, стр. 10—11. Кызыл-аяк, как известно, одно из семи основных подразделений киргизов группы кесек, входящей в состав ичкиликов. См.: Я. Р. Винников. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. Тр. Киргиз. археолог.-этнограф. экспедиции, т. I, М., 1956, стр. 168.

⁸⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 94.

⁸¹ Там же, л. 68.

⁸² Там же, д. 3460, л. 2.

⁸³ В. Наливкин. Положение вакуфного дела..., стр. 13.

⁸⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34134, л. 11—12.

⁸⁵ Там же.

дателью⁸⁶. По-видимому, эти два танапа и были своеобразной компенсацией за труд непосредственных производителей.

Земли Чуртанлык и Байсакал, являвшиеся вакфом медресе Мусульманкула (кишлак Чуама Андижанского вилайета), были розданы в чеки крестьянам с условием выплаты ими лишь хераджных и танапных податей в пользу медресе⁸⁷, которое имело следующую обелительную ханскую грамоту: «Мусульманкул-минбаша построил на собственные средства медресе в местности Минтут и для благоустройства его пожертвовал в вакф ему арык с землями в местности Куркурау и еще один арык в местности Байсакал, почему и поставляются все в известность, что подати танапные, хераджные, за венчание (*никахана*) и сборы за разделы наследства (*тариране*) оставляются в пользу вакфа, и никто не должен с этого вакфа ничего требовать. 1269 (1852—1853) г.»⁸⁸.

Лучшие чеки раздавались ханами в виде земельных пожалований за службу. В одном из документов, адресованном из ханской канцелярии к курукчию Мухаммеду Садику читаем о пожаловании ханом своим кавалеристам - телохранителям (*махрамам*) «всего 30 чак, каждый на 5 семей»⁸⁹.

Размеры чеков были различны в каждом отдельном случае и иногда зависели, вероятно, от количества имевшихся в хозяйстве пар волов (кошей), но определялись и распоряжениями хана или феодалов, раздающих земли в чеки для обработки. В 1875 г. маргеланским беком было издано следующее распоряжение: «Начальствующим лицам да будет известно: в Акбар-Абаде проведены нами семь арыков. Каждому лицу, выстроившему на земле, орошаемой семью арыками, дом или курганчу, даю в пользование по четыре танапа земли. 1292 г.»⁹⁰

Иногда чеки достигали нескольких десятков танапов. В кишлаке Алымбек-Чек к концу XIX в. на одно хозяйство приходилось в среднем около 15 дес. орошаемой земли⁹¹, в кишлаке Акбар-Абад-Чек по 3,5 дес.⁹² В двух кишлаках под одним названием Иса-Аулие-Чек (один в Шариханской, другой в Кулинской волостях Маргеланского уезда) на хозяйство —

⁸⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 12, д. 647, л. 3—6.

⁸⁷ Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 34291, л. 34—35.

⁸⁸ Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 34221, л. 18(19).

⁸⁹ А. Л. Троицкая. «Заповедники»,— курук кокандского хана..., стр. 146.

⁹⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 231, л. 11.

⁹¹ Материалы для статистического описания Ферганской области, вып. I, приложение I, стр. 18—19.

⁹² Там же, вып. II, приложение I, стр. 22—23.

чек приходилось в первом: около 10 дес.⁹³, во втором — 1,6 дес. орошаемой и 1,2 дес. богарной земли⁹⁴.

Как уже отмечалось, первоначально чековые дехкане пользовались кое-какими льготами, с течением же времени, по мере улучшения условий обработки участка, землевладелец начинал взимать с них плату за право пользования землей — феодальную ренту, которая называлась *ир-хаки*, иногда *замин-хаки*⁹⁵. Уже к 1877 г. дехкане кишлака Алымбек-Чек платили за земли Ошскому медресе Алымбека 437 руб. К 1894 г. — последнему году пользования медресе доходом с вакфных земель кишлака — эта сумма возросла до 1500 руб. в год при сумме государственного налога 3139 руб. 72 коп.⁹⁶

Таким образом, чековая форма землепользования давала возможность феодалу, обеспеченному постоянной рентой, не обзаводиться собственным, господским хозяйством.

В кокандский период уже можно обнаружить первые следы организации товарного сельскохозяйственного производства. Отдельные наиболее предприимчивые дельцы организуют торговые предприятия, основанные на реализации продуктов земледелия. Ю. Соколов приводит пример хозяйства ташкентского купца Мирзы Хасана. Он пишет, что земельные угодья квартала (*махалли*) города ежегодно подлежали переделу между его жителями, причем каждый получал равные участки пахотной земли в зависимости от числа кош.

Мирза Хасан, представив на время раздела достаточное количество своевременно закупленных воловых упряжек, получил участок общинной земли, достаточный для разбивки сада в 500 фруктовых деревьев и закрепил его за собой так как земля, засаженная фруктовыми деревьями, длительное время не изымалась и не подлежала переделу. Но в этом случае землевладелец лишился права на получение другого участка.

Садовник-перс Мирзы и два его работника ухаживали за садом, собирали и сушили урожай (вместе с семьей Мирзы Хасана). Полученные сухофрукты становились товаром, который хозяин, являясь караван-башой, продавал в российских городах⁹⁷.

⁹³ Материалы для статистического описания Ферганской области, вып. II, приложение I, стр. 48—49.

⁹⁴ Там же, стр. 30—31.

⁹⁵ А. Л. Гроицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 199.

⁹⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22507, л. 54, д. 33514, л. 14; Материалы для статистического описания Ферганской области, вып. I, приложение I, стр. 19.

⁹⁷ Ю. Соколов. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965. стр. 118—119.

Такие хозяйства были единичны, не характерны для среднеазиатских ханств, но они уже появлялись как первые ласточки товарно-производственного земледельческого хозяйства и, вероятно, организовывались также в Южной Киргизии.

Подворно-участковый характер пользования орошенными участками в кокандский период был повсеместно выявлен позже поземельно-податной комиссией. Его подтверждают и архивные источники. Приведем один из документов о поземельно-податном обложении урочища Улан-Булак с курганцами в Багишевской волости Наманганского уезда: «Земли, вошедшие в границы плана этой дачи, находятся в подворно-участковом владении 67 семейств киргиз родов кытай и туман-чыкты (отделение этого рода, носящее также самостоятельное название «тушка-готар»), имеющих здесь в пределах плана свои зимовки. Эти 67 семейств — потомки тех трех киргизских семейств (из них одной семьи рода туман-чыкты и двух семейств рода кытай), которым издавна принадлежали все эти земли. Много лет тому назад все эти земли были поделены между тремя семействами киргиз, а затем земли, принадлежащие каждой из этих трех семей, делились и наследовались потомками первоначальных их владельцев»⁹⁸.

Подводно-участковое землепользование и индивидуальное землевладение создавали возможность не только для наследования, но и для перепродажи отдельных участков, сдачи их в аренду жителям как данных кишлаков, так и других селений. Сведения, приводимые К. К. Паленом, говорят о том, что в среднем до 50% земель каждого кишлака находилось во владениях жителей других селений⁹⁹.

Такое положение укоренилось издавна и сохранялось после присоединения Туркестанского края к России.

Житель дачи Бай-Махалла Урмат-бай Субанкулов имел, например, землю во многих кишлаках по 74 купчим документам (васикам)¹⁰⁰.

В районах становления интенсивного земледелия общность пользования пахотными землями все больше уступает место подворно-участковому землепользованию и индивидуальному землевладению. Однако общины продолжали оставаться территориальными объединениями, тем более, что некоторые виды земель, в частности пастбища и выгоны, все еще находились в коллективном пользовании. Территори-

⁹⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34053, л. 4.

⁹⁹ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края.. Поземельно-податное дело, стр. 32.

¹⁰⁰ Там же.

альная и экономическая общность обуславливалась возможностью проведения и поддержания оросительной системы, а также водопользованием лишь на общинном принципе. И если община в густонаселенных и многоводных районах в отношении собственно землепользования нередко теряет свое значение, то в отношении водопользования она еще долго его сохраняет. Один из представителей местного населения заявлял в связи с этим членам ревизии Туркестанского края: «Не ищите вашей поземельной общины в здешних селениях. Вы найдете ее не в земле, а в воде»¹⁰¹.

Поскольку вопросы земле-и водопользования в районах орошаемого земледелия неразрывны, остановимся на характере водопользования.

До XIX в. Фергана представляла собой разбросанные клочки оазисов, не связанные между собой ни экономической, ни политической общностью¹⁰². Только с образованием Кокандского ханства ирригационное строительство стало государственным делом. В это время здесь проводятся основные магистральные каналы. Первое крупное сооружение — канал Янги-арык — был прорыт в 1819—1822 гг.¹⁰³

В ханском архиве сохранилось несколько однотипных списков с перечнем арыков Кокандского ханства и именами обслуживающих их мирабов, которые назначались ханами обычно из воинских частей, находившихся в данных районах¹⁰⁴.

В Маргеланском уезде числилось 7 мираб-башей с тремя помощниками, которые распределяли воду по главным арыкам¹⁰⁵. Кроме того, в каждом селении был специальный человек, распределяющий воду по полям, устанавливающий очередность полива и поддерживающий арыки в рабочем состоянии. Назывались они арык-аксакалами или кок-башами¹⁰⁶.

Право водопользования, так же как и землевладения, закреплялось ханской властью, специальными документами, на что имеются указания и в киргизском обычном праве¹⁰⁷.

¹⁰¹ Ф. Гирс. Отчет ревизирующего по высочайшему повелению Туркестанский край... СПб., 1884, стр. 373.

¹⁰² В. С. Батраков. Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины..., стр. 118.

¹⁰³ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 30.

¹⁰⁴ А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 205.

¹⁰⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 262, л. 62.

¹⁰⁶ А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, стр. 168—169.

¹⁰⁷ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области..., стр. 105.

Об этом же свидетельствуют и документы царской администрации Туркестана в первые годы после ликвидации Кокандского ханства. «Главная система арыков, — писал в объяснительной записке о состоянии Маргеланского уезда в 1882 г. его начальник, — распределяет свою воду на поля по очередям, установившимся или ханскими грамотами, или обычаем, или же, наконец, правами известного общества, вытекающими из затрат, употребленных на устройство арыков»¹⁰⁸. При распределении поливов не обходилось и без столкновений. Как видно из спора между двумя киргизскими родами бутан и чулай (в районе Ляйляка), обе стороны в доказательство своих прав пользования водой предъявили документы ханских времен на один и тот же арык¹⁰⁹. Из документов по водопользованию архива кокандских ханов сохранилось несколько указов Худояр-хана в отношении очередности полива в районах Кара-Курпа и местности Ер-Масчит. Например, документ от 1291 (1874—1875) г. был выдан мас-терам, изготовлявшим клей и жившим на землях Мухаммед Алимбека (сына Худояр-хана). Им разрешалось один раз в 11 дней делать запруды и пользоваться водой для полива своих посевов и наполнения бассейнов питьевой водой¹¹⁰.

Город Ош, страдавший в маловодье от недостатка воды, имел специальную ханскую грамоту, на основании которой ему предоставлялось право при необходимости потреблять всю воду р. Ак-Буры. Когда это случалось, нижележащие по течению реки кишлаки бедствовали без воды¹¹¹. В архиве кокандских ханов имеется ряд челобитных с жалобами на недостаток воды для питья и поливов, например, от жителей окрестностей Хуканд-Кишлака Маргеланского бекства и др.¹¹²

Особая ценность оросительной воды в условиях поливного земледелия нашла свое отражение как в практике отчуждения воды независимо от земли, ею орошаемой¹¹³, так и в указанном праве отчуждения даже отдельных очередей полива¹¹⁴.

¹⁰⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 262, л. 62.

¹⁰⁹ Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 14034, л. 2, 5, 12.

¹¹⁰ А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 205.

¹¹¹ А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, стр. 173.

¹¹² А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 205.

¹¹³ «По благоприятному толкованию закона, право на воду может существовать независимо от права на землю. Право это может быть приобретено независимо от земли, по наследству или путем отказа, иногда бывает, что кто-либо, продавая землю, оставляет за собой право на воду». Хидая, т. IV, стр. 116.

¹¹⁴ Некий Султан-Саид Ходжа Ишанов, владелец земли в кишлаке Искарбат, «половину очереди из 12 очередей воды означенной выше земли

В некоторых районах, где особенно остро чувствовался недостаток в воде, право мильк выступало даже не как право владения землей, а выражало лишь право владения известным количеством воды, от которого зависела площадь обрабатываемой земли¹¹⁵.

Согласно мусульманскому законоведению — *шариату* — обычному праву кочевников — *адату*, арыки принадлежали тем, кто их провел¹¹⁶. Это право давало возможность феодалам, организовавшим работы по проведению оросительных систем, считать вновь орошенные земли своими владениями, оно закрепляло за ними преимущество в распределении поливов.

Киргизские феодалы, захватывая земли в верховьях арыков, прорытых силами общин, сосредоточивали в своих руках распоряжение очередностью поливов, что ставило в зависимое положение бедняков-земледельцев (*джатаков*), участки которых располагались ниже земель феодалов.

Рассмотренные формы землепользования оседлого населения показывают, что наряду с феодальными чертами в них имелся и элемент патриархальности. Парцеллярное подворно-участковое пользование орошаемыми пахотными землями сочеталось с коллективным, в рамках одной или даже нескольких общин, использованием выгонов и пастбищных территорий. В Южной Киргизии отсутствовали крупные феодальные, барщинного типа, земледельческие хозяйства, но чекочная и другие формы землепользования позволяли феодалам присваивать прибавочный продукт крестьян иным путем, используя как экономическое, так и внеэкономическое принуждение.

вместе с относящейся к ней землей со всеми ее угодьями... пожертвовал в посмертный вакф для чтения корана». ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 35003, л. 1 (2); См. также д. 34764, л. 32.

¹¹⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 13245, л. 22.

¹¹⁶ Хидая, т. IV, стр. 103; Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области..., стр. 104.

ГЛАВА IV. ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ

СИСТЕМА НАЛОГОВОГО ГНЕТА

Одна из основных задач феодального государства заключалась в организации системы налогового гнета, эксплуатации трудящихся. Свообразием управления и налоговой системы в ханстве являлось предоставление местным органам власти особой самостоятельности и независимости от центральной администрации и хана. Правители местных округов, писал в середине XIX в. В. В. Вельяминов-Зернов, «пользуясь титулом кушбека в значительных пунктах и хакима—в местах менее важных, получают право брать себе доход и распоряжаться почти неограниченно во вверенных им землях, за то обязаны посылать ежегодно известную сумму денег в казну»¹. Объем власти каждого из сановников определялся степенью его личного влияния при ханском дворе².

В административном отношении южнокиргизские племена после завоевания их Кокандским ханством были приписаны к ближайшим Маргеланскому, Андижанскому, Наманганскому вилайетам и г. Коканду. Алайские и памирские киргизы подчинялись андижанскому наместнику.

В податном отношении территория ханства делилась на участки, во главе которых стояли серкеры. В различные периоды их было разное количество. А. Дмоховский называет более 20 поземельно-податных участков³. Серкер контролировал деятельность сборщиков поземельных налогов—*амлякдаров*, которые были ему подотчетны. Сам он отчитывался перед беком или ханом в зависимости от местоположения поземельно-податных единиц. Помимо налоговых функций, серкеры несли и административно-управленческие обязанности. Некоторые из них, несмотря на то, что находились на терри-

¹ В. В. Вельяминов-Зернов. Торговое значение Кокандского ханства..., стр. 11—12.

² П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX вв.). М., 1958, стр. 195.

³ А. Дмоховский. О реорганизации общественного, поземельного и податного устройства Ферганской области. «Туркестанские ведомости», 1884, № 43—46.

тории бекств, ставились непосредственно ханом и были подотчетны лично ему⁴.

Обособленными поземельно-податными единицами, расположенными на территории Киргизии и подчинявшимися непосредственно Коканду, являлись: серкерство в Сохском бекстве — районы Кызыл-Кия и Сох, где кочевали киргизы родов бостон, думар, нойгут и др.; серкерство в районе Узген и пр.⁵

Налоги, поступавшие в государственную казну, носили название *хасаги*; налоги, взимаемые беком в местную казну, — *бийлык*⁶.

В период междоусобиц зависимость беков от центральной власти ограничивалась обычно содержанием ханской свиты и преподнесением подарков хану во время посещения им бекств⁷. Один из кокандских сановников рассказывал Н. Северцову о жизни феодалов при Худояр-хане: «...бекам и датхам вольготно, делают при нем, что хотят, что хотят хану и из податей вносят, а то себе берут»⁸.

Правители крупных округов раздавали небольшие города и селения своим ставленникам, которых в зависимости от пожалованного владения величали титулом бека, дадхи и акакала⁹. Чтобы выделить сыну или приближенному определенный доход, беки образовывали даже новые территориально-административные единицы. Так, из Маргеланского бекства, управляемого Султан-Мурадбеком, братом хана, было выделено селение Араван с несколькими близлежащими кишлаками для малолетнего сына бека, который становился его самостоятельным правителем¹⁰.

Почти полная независимость от центральной власти в вопросах поземельно-податного обложения в отдельных административных единицах вела к тому, что, несмотря на существующую регламентацию размеров феодальной ренты — налога государством, взывание налогов практически осуществлялось в каждом районе по усмотрению местных властей¹¹. Характеризуя налоговую систему в Бухаре, которая

была аналогичной с системой податного обложения в соседнем Кокандском ханстве, А. П. Семенов писал, что, несмотря на предписания шариата, придерживание определенных размеров поземельных и поимущественных налогов, полнейшее отсутствие какой бы то ни было шкалы жалования или заработной платы налоговсборщикам сводило на нет шариатские нормы и вносило полнейший произвол в сбор налогов и «кормление» чиновничества за счет трудящихся¹².

Анархичности сборов способствовала и широко развитая откупная система — *иджара*, о которой говорят как многочисленные архивные, так и нарративные источники¹³.

С середины XIX в. кокандские ханы стремятся как-то урегулировать сборы в государстве и точнее определить свой доход. Они вводят податные росписи по каждой области — так называемые *дефтеры*, которые сосредоточивались у чиновников, занимающихся финансовыми делами хана.

Налоговые дефтеры в Кокандском ханстве переправлялись из серкерств в бекские правления, а из отдельных бекств поступали непосредственно в Коканд. В частности, все дефтеры из бывшего Ошского серкерства сдавались в Маргелан, а из Булакбашинского бекства — в Коканд¹⁴. Часть дефтеров Ошского серкерства была позже собрана надворным советником А. Куном¹⁵, и сведения из них использованы им в «Очерке Кокандского ханства»¹⁶. Дефтеры, сосредоточенные в Коканде, были просмотрены туркестанским чиновником Н. Н. Пантусовым¹⁷, который на их основе написал ценные своими фактическими сведениями статьи о податях и повинностях последних лет Кокандского ханства¹⁸.

Из описей дефтеров Чимионского бекства, например, видно, что дефтеры велись ежегодно и по отраслям хозяйства. Здесь имелись сведения о количестве танапов в Чимионском бекстве, о размерах хераджа с хлопка Вуадильского и Кеп-

¹² А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Тр. САГУ, сер. II. Ташкент, 1929, стр. 10—11.

¹³ См.: ЦГА Узб. ССР, ф. и. 300, оп. 1, д. 1, л. 9; ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 14; А. Урунбаев. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства. Изв. АН Узб. ССР, серия обществ. наук, 1957, № 3, стр. 38; А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 196.

¹⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 18.

¹⁵ Там же, л. 20.

¹⁶ Изв. РГО, т. 12, отд. 1. СПб., 1876.

¹⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 12.

¹⁸ Н. Н. Пантусов. О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокандском ханстве в последнее время Худояр-хана. «Туркестанские ведомости», 1876, № 16; его же. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. Там же, 1876, № 17.

⁴ А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине. «Военный сборник», 1876, № 4, стр. 438.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7008. Карта Ферганской области, составленная в 1876 г.

⁶ А. Кун. Очерк Кокандского ханства. Изв. РГО, т. 12, отд. 1. СПб., 1876, стр. 65.

⁷ Там же.

⁸ Н. Северцов. Месяц плена у кокандцев. СПб., 1860, стр. 80.

⁹ В. В. Вельяминов-Зернов. Торговое значение Кокандского ханства..., стр. 12.

¹⁰ Архив ЛО ИНА, ф. 33, оп. 1, д. 22, л. 33.

¹¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 11, д. 774, л. 274—280.

тер-Ханинского серкерств, список лиц, освобожденных от танапной подати¹⁹.

Ханская система налогообложения была принята турецко-танской администрацией в первые годы после присоединения Коканда к России. «При составлении танапных записей во вверенном мне уезде за 1876 г., — рапортовал начальник Кокандского уезда военному губернатору Ферганской области, — я руководствуюсь тем способом, который практиковался при мусульманском владычестве»²⁰. В связи с этим данные на конец 70-х — начало 80-х годов XIX в. вполне могут служить определенным показателем размеров налогообложения в Киргизии накануне ее вхождения в состав России и широко нами использовались.

В Кокандском ханстве при государственной собственности на землю рента и налог, как правило, совпадали. Ведущей формой ренты являлась рента продуктами. В статье о Кокандском ханстве, написанной на основании расспросных сведений 40-х годов XIX в., говорится, что ханские доходы состоят преимущественно из сбора продуктов в натуре, часть которых хакимы области расходуют на продовольствие войскам, а остальное поступает в распоряжение *саркар-и инака* — хранителя ханских запасов²¹.

Продуктовая рента, по словам К. Маркса, благодаря натуральному характеру хозяйства, «как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом в застойных общественных отношениях, как это наблюдается, например, в Азии»²². Но, являясь основной, рента продуктами не была единственной. С середины XIX в. практикуется денежная рента, как превращенная форма натуральной ренты. Однако следует отметить, что если для земледельческих районов Ферганы постепенный переход от натуральной ренты к денежной был признаком определенных социально-экономических сдвигов, свидетельством зарождающихся товарно-денежных отношений, то у кочевников это пока не оказывало существенного влияния на экономику и вело лишь к усилению налогового гнета. К тому же следует учитывать, что официальное определение ренты-налога в деньгах²³ в большинстве случаев означало

¹⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 33—35.

²⁰ Там же, д. 22513, л. 4.

²¹ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. Зап. РГО, 1849, кн. III, стр. 208.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 359—360.

²³ См. напр.: ЦГА Узб. ССР, ф. и. 329, оп. 1, л. 2-а, л. 1—2. Танапные записи по Наманганскому уезду за 1876 г.; ф. и. 329, оп. 1, д. 4-а, л. 9—12. Хераджные записи по Наманганскому уезду за 1879 г.; ф. и. 300, оп. 1, д. 268, л. 101, 103; Хераджная запись кокандского уездного управления за 1876 г. и др.

лишь исчисленную в деньгах на основании официальной таксы²⁴ стоимость взимаемых натурой продуктов.

Величина ренты определялась не столько размерами дохода крестьянина, сколько условиями внеэкономического принуждения в данной, конкретной обстановке. И чем примитивнее форма земельной ренты, тем в более грубой форме это принуждение выступает. Размер феодальной ренты определялся социальной политикой феодального государства, степенью произвола отдельных феодалов, местными патриархально-феодальными традициями, большое значение которых подчеркивал К. Маркс²⁵.

Как уже отмечалось, в оседло-земледельческих и кочевых скотоводческих районах в основе феодальных отношений лежала собственность на землю. Владевший землей имел экономическое и политическое господство. Экономической формой реализации права собственности являлись обложение трудящихся налогами и всевозможными повинностями, а также земельная рента. Владение землей было главным средством эксплуатации, а земельная рента — основной формой присвоения прибавочного продукта непосредственного производителя. Централизованной формой выражения земельной ренты служил налог.

В Южной Киргизии, как составной части Кокандского ханства, существовало большое количество налогов и повинностей²⁶, самыми тяжелыми из которых были налоги со скота и поземельные.

ЗЯКЕТ

Основным видом эксплуатации киргизского населения и в скотоводческих, и в оседло-земледельческих районах являлось взимание верховным собственником налога — централизованного выражения земельной ренты. Анонимный автор «Изложения преданий о происхождении киргизского народа» (записанных между 1854—1860 гг.) сообщал, что с южных киргизов Каратегина, Турфана, Кашгара власти собирают «дань за право пользования землями», киргизы к западу от Иссык-Куля, хотя и считаются кокандскими подданными, «готовы ныне же сделаться независимыми... — одна только

²⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 28112. Справочные цены по Ошскому уезду за 1876 г.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 356.

²⁶ Их перечень см.: А. Джуванмардиев. К земельно-водным отношениям в Фергане в XVI—XIX вв. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1963, стр. 8—14; А. Хасанов. Взаимоотношение киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х гг. XIX века. Фрунзе, 1961, стр. 9—10.

причина — кочевые места этого рода (сарыбагыш. — В. П.) привязывают их к местности»²⁷.

Наиболее обременительным сбором с кочевников был *зьякет* — налог за право пасти скот на государственной территории. Мусульманским законодательством он был строго определен в размере 1/40 части скота²⁸, на практике его сбор отличался полной бесконтрольностью и произволом чиновников. Современники отмечали, что сбор этой подати «сопряжен в Кокании с столь большими злоупотреблениями, что едва ли тамошние киргизы не отдадут ежегодно двадцатой части стад своих»²⁹.

Официальная регламентация *зьякета* в Кокандском ханстве была следующая: за каждую сотню баранов полагалось 1/40 часть, рогатого скота — 1/30, лошадей — 1/40 (если же было более 40 лошадей, то за каждую лишнюю лошадь брали по 40 коп.), за 5 верблюдов — одного барана³⁰.

Ханские сборщики налогов никогда строго не придерживались инструкций и вносили сборы произвольно, к тому же занижая размеры фактически собранного налога в отчетах вышестоящим органам.

Зьякет вносили в натуральной форме, обычно баранами. Но во второй половине XIX в. все чаще стали практиковать сбор *зьякета* деньгами. «Мусульманским правительством между жителями Ошского уезда, — доносил в одном из рапортов начальник Ошского уезда, — для взимания *саваим-зьякета* с лошадей и верблюдов около 10 лет тому назад введен был порядок, что за каждую лошадь и верблюда хозяин обязан платить по 40 коп.»³¹

По принятой Худояр-ханом расценке, *зьякет* с баранов взывскивался по расчету с каждого причитающегося казне взрослого барана 4 руб.³², малого и среднего барана — 3 руб., большого козла — 1 руб., малого козла — 1 руб. 20 коп., с 5 верблюдов — один двухлетний верблюд или большой баран, т. е. 4 руб.³³

Оценка скота обычно завышалась, приравнивалась к базарным ценам крупных городов. В то же время практически с

любой отары в казну всегда брали только больших баранов³⁴.

Непомерные поборы вызывали протесты, выразившиеся в откочевке киргизов в неприступные горы и в вооруженном отпоре кокандцам. Кокандский автор рукописи «Холасат ул-ахвал» был свидетелем, как после очередного сбора *зьякета* посланцы ташкентского правителя Мирзы Ахмеда решили произвести дополнительный сбор, «стали бесчинствовать и силой отбирать у населения имущество». Это возмутило жителей. «Тогда отряд кочевников, — пишет кокандский историк Абу Убейдулла Мухаммед, — численностью 200 всадников со своим старшиной Худайбергенем во главе напал на сборщиков *зьякета*. Сборщиков захватили, раздели догола и по одному развели по аулам»³⁵. Когда однажды, вспоминает автор, отряд кокандцев вышел для сбора *зьякета* с киргизов Чуйской долины «старшины илатие (племени. — В. П.) и плательщики *зьякета* подняли восстание, уничтожили весь отряд и убили самого Худайберды Диванбеги» — начальника налогового отряда³⁶.

В то же время покорение восставших сопровождалось новым произволом и насилиями. В виде контрибуции с покоренного населения вносили дополнительные сборы, которые назывались *аманпули* — буквально «деньги за пощаду»³⁷.

Так, после подавления кокандцами очага восстания в 1874 г. на юге Киргизии, хан обложил особым сбором тех, кто принимал участие в восстании, что послужило новым толчком к массовым откочевкам киргизов в неприступные горы³⁸.

Русские современники отмечали, что в районах, которые недавно оказали сопротивление ханским войскам, и у родов и племен, возвращенных из бегов, победители брали все, что им нравилось³⁹.

Однако в отдельных случаях киргизы отстаивали свои интересы. Например, управляющий местным населением левого фланга Туркестанской области сообщал в своей записке в 60-х годах, что кокандцы первоначально наложили на киргизов и казахов *зьякет* по 3 барана с сотни. Киргизы объявили, что этого количества они не дадут. Тогда налог был сбавлен

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1101, оп. 1, д. 586, л. 9—10.

²⁸ См.: Хидая, т. 1, кн. 1. О *зьякете*, стр. 69—84.

²⁹ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии... стр. 209.

³⁰ Н. Пантусов. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

³¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 59.

³² В г. Ош 4 руб. стоил в середине 70-х годов самый крупный курдючный баран. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 28112, л. 130—134.

³³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 47—48.

³⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 47—48.

³⁵ А. Урунбаев. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства, стр. 36.

³⁶ Там же, стр. 35.

³⁷ Мирза Абдалазим Сами. Тарих-и салатин-и Мангитийа, стр. 110 и примеч. Л. М. Епифановой, стр. 156.

³⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 61, док. 306, л. 270.

³⁹ Обзорение Кокандского ханства, стр. 209.

до 2,5 барана с сотни, но киргизы и в данном случае не согласились. Кокандцы стали было настаивать, но «последовало общее возмущение киргиз, окончившееся тем, что ханское правительство ограничилось двумя баранами со ста»⁴⁰.

Если при откочевке на джайлоо киргизы иногда могли отстаивать свои интересы, то при возвращении на зимовки и к пашням они вновь попадали в район, контролируемый войсками, и вынуждены были выплачивать налоги в еще больших размерах. Объясняя, к примеру, свою покорность ханским сборщикам, бугинские киргизы писали Колпаковскому: «Наши готовы дать им по барану со двора, лишь бы прозимовать благополучно и иметь весной возможность приступить к пашням»⁴¹.

Зякет взимался обычно весной, со второй половины апреля, когда выгнанный на пастбища скот прибавлял в весе и начинался приплод⁴². Для сбора налога зякетчи выезжали с вооруженными отрядами, иногда довольно значительными, как было, например, в 1845 г., когда Мусульманкул пошел собирать зякет во главе целого войска⁴³.

Войско разбивалось на небольшие отряды — от 50 до 300 человек⁴⁴. Отряды направлялись непосредственно в кочевья. Собранные ими бараны перегонялись в города, и там беками продавались торговцам⁴⁵. Для укрепления своего непрочного положения кокандцы восстанавливают и усиливают пополнением гарнизона крепости, разбросанные в киргизских кочевьях А. П. Федченко, посетивший Кокандское ханство в 1871 г., в своей корреспонденции сообщал, что в последние годы кокандцы сочли за нужное маленький заброшенный курган на Алае значительно расширить и поселить в качестве начальника кочевавших там киргизов Исмаила Токсобу со значительным числом джигитов, «тогда как прежде все ограничивалось приездом людей от Ошского и др. секерств для сбора зякета»⁴⁶.

Чтобы привлечь на свою сторону киргизских феодалов и тем самым обеспечить более спокойный сбор налогов, коканд-

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 780.

⁴¹ ЦГА Казах. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 516, св. 25, л. 28.

⁴² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 23.

⁴³ В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммед-Али до Худояр-хана. Тр. Вост. Отд. русск. археол. о-ва, ч. II, вып. 1, 1856, стр. 345.

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 7, год. 1858, д. 180, л. 8; А. Урунбаев. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства, стр. 35—36.

⁴⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, св. 892-а, л. 780.

⁴⁶ А. П. Федченко. Из Кокана. «Туркестанские ведомости», 1871, № 3.

ское правительство в последние годы своего существования стало изменять методы взыскания зякета, в отдельных случаях перепоручая его сбор представителям местной феодально-родовой знати. Система распределения налогов при новом методе, например, видна из рапорта заведующего кочевым населением Чимкентского уезда от 1865 г.: «Старший бий распределял на подведомственных биев, би на тугачей, тугачи на старших джигитов и таким образом последнее ответственное лицо управляло только 20—30 кибитками, т. е. тремя и четырьмя аулами, в которых также были старшины, отплачивавшиеся за аул, распределяя требуемое с них количество денег не по кибиткам, а по количеству скота и кошней»⁴⁷. При новой практике налогообложения киргизские феодалы иногда вносили подать сразу за всю подвластную группу, а затем произвольно взыскивали ее в двух- и трехкратном размере с подчиненной букары. Таким образом, налог-рента государству поступал не непосредственно от производителей, а через феодалов, которые присваивали немалую часть собранного.

На кочевников Маргеланского бекства обычно налагался зякет размером в 8—10 тыс. руб. «Эти цифры, — доносил начальник Маргеланского уезда в 1877 г., — вошли в норму (*ульпан*), которую роды должны были вносить»⁴⁸.

Всего зякета с кочевого населения Маргеланского и Ошского бекств, по сведениям А. Л. Куна, поступало в казну 3500 тилла, из района Науката—800, Шарихана, Ассаке и Узгена — 800 тилла. В общей сложности в Кокандском ханстве с кочевого населения собиралось зякета в казну 47350 тилла⁴⁹.

ХЕРАДЖ

С урожая земледельческих культур взыскивались налоги, иногда обозначаемые общим термином *мал-у джихат*⁵⁰. Основная тяжесть поземельного налога *херадж* ложилась на плечи оседлого населения южной территории Киргизии. Но херадж взимался и с зерновых культур, высеваемых кочевниками. Только алайские киргизы, кочевавшие по р. Кызыл-Су, отделений кыдырша, кипчак, частично найман и тейит ежегодно выплачивали, помимо налога со скота, еще 600 руб. (российского исчисления 70-х гг. XIX в.) хераджа⁵¹.

⁴⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 1, л. 78.

⁴⁸ Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 63.

⁴⁹ А. Л. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине..., стр. 441.

⁵⁰ А. Джуванмардиев. К земельно-водным отношениям в Фергане..., стр. 9.

⁵¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 63—64.

Размер хераджа определялся в 1/5 валового сбора зерновых⁵². В прежнее, мусульманское время, доносил начальник Маргеланского уезда в Ферганское областное правление, с хлебов собирался херадж в размере 1/5 части урожая⁵³.

А. Миддендорф сообщал, что государственные подати в Кокандском ханстве взимались натурой, в зависимости от урожая, и «эта доля большей частью составляла 1/5 сбора»⁵⁴.

В таком же размере херадж собирался и с вакфных земель: «Почтительнейше докладываем вашему превосходительству, — писали представители кокандского духовенства военному губернатору Ферганской области, — что в прежние времена с вакфных земель мулл взималась 1/5 часть (*херадж*) на основании нашего шариата. Прежние наши ханы и хакимы также делали распоряжения по шариату о взимании с вакфных земель 1/5 части (*херадж*)»⁵⁵. О таких размерах хераджа (1/5 часть собранного урожая) свидетельствуют и многие русские путешественники и востоковеды⁵⁶.

Однако величина хераджа не была постоянной и колебалась от 1/10 до 1/2 доли с урожая. В связи с этим в документальных источниках слово «херадж» можно встретить в сочетании с терминами «сулс» (одна треть), «руб» (одна четверть), «хумс» (одна пятая), «дахе ду» (две десятых), «нимни» (половина) и т. д.⁵⁷ Одна десятая часть взыскивалась обычно с богарных посевов, так называемых земель «ляльми»⁵⁸. Иногда минимальный натуральный налог в размере 1/10 части взимался со вновь орошаемых участков еще не окрепших хозяйств, видимо в целях их поощрения или в результате каких-либо особых заслуг землевладельца.

Так, херадж с земель, орошенных киргизами «рода Мухаммед Шафир Ахунда» в 1268 (1851—1852) г., первоначально взыскивался лишь в размере десятой части дохода, который по распоряжению хана составил вакф медресе Утамбая

Минбаши в Маргеланском вилайете⁵⁹. Во время кокандского господства оседлое население Таласской долины платило подать в размере десятой части с урожая хлебов. Сбор налога производился серкером, который обязан был иметь список хлебопашцев и наблюдать как за сеном, так и за уборкой хлеба, чтобы правильнее определить размер урожая, с которого должен был взиматься херадж⁶⁰.

Поземельный налог, взыскивавшийся в размере 1/10 валового дохода урожая назывался также налогом *ушр* (буквально — «десятина») ⁶¹.

Размер хераджа целиком зависел от воли и желания правителей. Так, Ибрахим-парваначи, ставленник бухарского эмира, после взятия им Коканда в 1258 (1842—1843) г., увеличил размер хераджа до 50% с урожая сельскохозяйственных культур⁶².

Абу Убейдулла, автор рукописи по истории Кокандского ханства, говоря о притеснениях ташкентского правителя Мирзы Ахмеда, указывал, что он налог с пашен увеличил в 2,5 раза, а в некоторых местах — в 3 и 4 раза⁶³.

При сборе налогов строго не придерживались никаких правил. На практике сборщики творили произвол, поборы в пользу администрации иногда превышали размеры самого налога. Злоупотреблениям способствовали и архаичность налогового сбора.

Херадж взимался с полевых культур: пшеницы, риса, джугары, ячменя, гороха, кунджута, моркови, лука, проса, табака, конопли, хлопка⁶⁴. Сбор этот производился следующим образом. Каждый землевладелец после уборки урожая ссыпал в кучу на хирмане зерно и не имел права притрагиваться к нему, пока не будет определен херадж. Серкер являлся на хирман в сопровождении мирзы, ведущего хераджную запись, и асакала. В первую очередь отделялся один гальбур (*калбыр* — мера, равна 25 фунтам) в пользу имама

⁵² Наманганский округ Кокандского ханства (из показаний одного выходца в 1871 г.). «Туркестанские ведомости», 1871, № 29; А. Урунбаев. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства, стр. 38.

⁵³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 10.

⁵⁴ А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, стр. 352.

⁵⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22891, л. 22; л. 140.

⁵⁶ См.: А. П. Хорошхин. Заметки о Кокане. Ж. «Русский инвалид», 1869, № 75—76; Н. Пантусов. О податях и повинностях..., «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

⁵⁷ А. Джуванмардиев. К земельно-водным отношениям в Фергане..., стр. 9.

⁵⁸ Н. Пантусов. О податях и повинностях... «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

⁵⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36694, л. 90; д. 34736, л. 14.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 780.

⁶¹ Хидая, т. 1, стр. 107; А. Л. Троицкая. «Заповедники» — курук кокандского хана..., стр. 133; А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства..., стр. 22; И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений... стр. 267—268. Следует оговориться, что А. Л. Кун ошибочно называет налог в 1/5 часть налогом ушри. См. А. Л. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, стр. 439.

⁶² А. Джуванмардиев. К земельно-водным отношениям в Фергане..., стр. 9.

⁶³ А. Урунбаев. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства, стр. 36.

⁶⁴ Н. Пантусов. О податях и повинностях... «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

приходской мечети. Затем решетом, мерою, называемой *фараг*⁶⁵ (иногда большими плетеными корзинами — *сабад*), серкер делил урожай на 5 равных частей. Одна из пяти куч перемерялась той мерой, которой определялся херадж, и это число записывалось в дефтеры. Из оставшихся 4/5 определенная доля шла в пользу сборщиков налогов, это так называемая *кипсень*⁶⁶, — по одному фарагу серкеру, мирабу, аксакалу, общественному кузнецу и один *гальбур* — мирзе. Иногда кипсень мираба отдавался в пользу военных лиц, стражников, которые сразу же и собирали его на хирмане⁶⁷. Если хозяин не выдерживал и прикасался к хлебу до выделения хераджа, то подвергался наказанию, а весь урожай мог быть конфискован и поступал в казну⁶⁸.

В отдельных случаях сбор хераджа производился старостами, аксакалами, биями, баями, что, конечно, не уменьшало, а, напротив, увеличивало бремя налогового гнета. Новые посредники не забывали и себя. Так, жители кишлака Ичкан, населенного киргизами и узбеками, в письме военному губернатору Сыр-Дарьинской области в 60-х годах жаловались на избранного ими в ханское время налогосборщика бия Ниямина Сукмуллу. После сбора податей и повинностей он обычно пересылал их по назначению в Коканд. Эта же система сохранилась и в первые годы после присоединения к России — «бий Ниямин сбор податей производил в том же порядке и в том же количестве, как и прежде», в получении податей расписок не выдавал и повинности эти не сдавал, «а обращал тоже в собственность»⁶⁹.

Тяготы основного налога усугублялись практикой сдачи хераджа на откуп (*иджара*), который совершался с торгов за суммы, нередко превышающие размеры налога. Начальник Маргеланского уезда в 1876 г. писал, что «при отдаче с торгов в мусульманское время хераджа, арендная сумма с известного района возвышалась даже от 1/3 против действительной цифры ожидаемого сбора»⁷⁰. При несоответствии размеров налогового обложения и арендной платы, даже при кажущемся убытке для откупщика, арендаторы выигрывали за

⁶⁵ *Фараг* (*параг*) — мера зерна в 2 гальбура — несколько пудов зерна. А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 194.

⁶⁶ *Кипсень* — подать в пользу сборщиков налогов. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 1—3, 10—13.

⁶⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 1—3—10—13. Рапорты начальников Кокандского и Маргеланского уездов военному губернатору Ферганской области, 1876 г.

⁶⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 300, оп. 1, д. 2, л. 47—48.

⁶⁹ Там же, ф. и. 17, оп. 1, д. 12791, л. 121.

⁷⁰ Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 10—14.

счет произвольного увеличения размеров хераджа, в результате долговых опутываний беков или придворных, поскольку они же являлись поставщиками товаров для бекских и ханских дворов⁷¹.

Откупщики сбора налогов, главным образом хераджа, назывались амлякдарами⁷².

Абу Убейдулла Мухаммед (Ишан-Ходжа Кары Ташканды) упоминает некоего Мухаммеда Карим-калла из Маргелана: «Это был человек, который брал на откуп (*иджара*) хлебные сборы (*галла*) и хераджи кишлаков»⁷³.

Для получения на откуп сбора хераджа обычно подавали прошение хану или беку, которые затем выдавали соответствующее удостоверение. Население данного района оповещалось особым указом с перечислением количества зерновых, сданных в аренду или на откуп. В архиве кокандских ханов сохранился ряд списков со сведениями об откупах по Маргеланскому и Араванскому бекствам. Так, в списке от 1290 (1873—1874) г. приводятся данные по Аравану, Мунка-Таю, Тепе-Кургану, Кара-Кургану с указанием имен откупщиков, количества собранного зерна, сколько и кому зерна отпущено и с отметками задолженности каждого откупщика⁷⁴.

Для примера приведем документ от 1288 (1871—1872) г., которым маргеланский правитель Султан Мурадбек объявляет о сдаче в аренду сбора хераджа в местности Авваль.

«Достойному доверия Бахти Мухаммеду курбаши. Да будет объявлено, что, сделав арендой (*инджара*) зерновые (продукты земли) урожая местности Авваль в 1250 чарьяков⁷⁵ пшеницы, 200 чарьяков риса, 850 чарьяков джугары, 150 чарьяков моркови, 220 чарьяков головок (джугары), 44 чарьяка льна, 10 чарьяков маша, всего 2724 чарьяка зерновых (продуктов земли) отдали нам. Согласно аренды спрощу с вас. Вы же, поставив амлякдаром Ахун-бека Амина, спро-

⁷¹ Бахти Мухаммед Курбаши, например, был одновременно и откупщиком правительственных обложений по городу Маргелану и управителем хозяйства маргеланского бека Султана Мурадбека. А. Л. Троицкая. Сагира в Кокандском ханстве (XIX в.). В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели. М.-Л., 1960, стр. 278.

⁷² А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 195; ее же, «Заповедники»—курук..., стр. 149.

⁷³ А. Урунбаев. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства, стр. 38.

⁷⁴ А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 195.

⁷⁵ *Чарьяк* (*чайрек*) мера веса около 4,5 пуда. См.: Н. Пантусов. Веса и меры в Средней Азии. «Туркестанские ведомости», 1874, № 33.

сите с него. Постановив таким образом, вручили нам. Считайте (эту аренду) утвержденной и установленной обязательно»⁷⁶.

Как видно из документов архива кокандских ханов, сбор хераджа являлся предметом неоднократных торговых сделок, и его аренда в ряде случаев перепродавалась по несколько раз.

Определенное представление о налоговом обложении в Киргизии накануне вхождения в состав России дают сведения за 1876—1877 гг., когда херадж собирался еще по старой ханской системе и в прежнем количестве.

Выборка из ведомостей начальников уездов Ферганской области о хераджном сборе за 1876 год⁷⁷.

Продукты	Урожай, пудов	Херадж, пудов
Шалы	76987	15397
Пшеница	187162	37432
Зыгыр (лен)	27675	5535
Ячмень	24900	4980
Просо и конок	—	—
Кукуруза (макке джугөрү)	272200	54440
Джугара	—	—
Гуза (неочищенный хлопок)	5000	1000
Кокнар (мак неочищенный)	2212	442
Морковь и лук	8387	1677

Хераджные записи велись ежегодно. Налог собирался с каждого хозяйства, т. е. поземельно-податной единицей был отдельный двор, однако в общих хераджных дефтерах отражалась обычно сумма налога со всего кишлака.

Если хозяин становился неплатежеспособным, за него обязано было вносить то общество, к которому он принадлежал. Так, Абу Убейдулла пишет, что после введения Мирзой Ахмедом повышенных податей казахи и киргизы, чтобы выплатить налоги, вынуждены были продавать целиком урожай, весь рабочий скот. Если же и этого не хватало, то долги, записанные в налоговых списках-дефтерах, взыскивались с общины, к которой относился недоимщик⁷⁸.

Именно в связи с тем, что к круговой поруке при ханах прибегали лишь в крайних случаях, введение ее после присоединения края к России вызывало недовольство местного

⁷⁶ А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 195.

⁷⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22512, л. 1—3, 10—13, л. 37—40.

⁷⁸ А. Урунбаев. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства, стр. 36.

населения. Комиссия Гирса, ревизировавшая край, поэтому сочла главным недостатком проводившихся поземельно-податных работ в Фергане именно то, что податной единицей было сделано сельское общество, а не отдельный двор⁷⁹.

С заменой натурального хераджа денежным налогом последний определялся по наиболее высоким базарным ценам. В этом отношении интересно письмо маргеланского бека Султан Мурада к сборщику податей Мухаммед Алим Саркару с приказанием собрать аминов и аксакалов Джубара и установить цену на пшеницу. В письме упоминалось, что аксакалы обращались уже к нему с просьбой установить цену в размере 11 танга, но он им не дал на то согласия. Видимо, цена показалась недостаточной высокой, и бек приказывал вновь обсудить этот вопрос⁸⁰.

В хераджных дефтерах Кокандского уездного правления за 1876 г. наряду с количеством налога в натуре представлена справочная, «тарифная», цена и сумма причитающегося налога, уже исчисленная в деньгах. Приведем для иллюстрации фрагмент из хераджного дефтера⁸¹.

Сельхозпродукты	1/5 часть урожая, подлежащая сдаче в казну, пуд.	Базарная справочная цена за пуд, руб.	Деньги, подлежащие сдаче в казну, руб.
Пшеница	182	0,65	118
Ячмень	55	0,40	22
Зыгыр	13	0,85	11
Просо	46	0,30	13
Табак нюхательный	16	1,35	21
Табак курительный	24	0,90	21

С Ошского бекства (г. Ош и 20 приписанных к нему селений) собиралось 24 тыс. батманов зерна, с Аравана и 8 приписанных селений — 13 тыс., Науката и 4 селений — 18 тыс.⁸² Всего по Кокандскому ханству в последние годы собиралось 707,5 тыс. батманов, что в переводе на деньги при средней стоимости батмана от 1 р. 50 коп. до 2 руб. составля-

⁷⁹ А. П. Савицкий. Закон 1886 года и поземельно-податное устройство Ташкентского уезда. Тр. Ташк. ГУ, новая серия, вып. 194, историч. науки, кн. 13, 1962, стр. 36.

⁸⁰ А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 197.

⁸¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 300, оп. 1, д. 268, л. 101.

⁸² А. Л. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, стр. 441. Архив ЛО ИНА, ф. 33, оп. 1, д. 22, л. 37.

ло примерно 1,5 млн руб.⁸³ Однако, указывал собравший эти сведения А. Л. Кун, особенно полагаться на приводимые данные не следует, потому что сборщики налогов «доставляют подати своим бекам и хан не имеет с них подробных сведений. Вычисленные данные доставлены ханскими мирзами, которые, конечно, не показали всего сполна»⁸⁴.

По официальным данным, хераджный сбор в Ферганской области в 1876 г. составил 1020333 руб., в 1877 г. — 937986, в 1878 г. — 1074460 руб.⁸⁵

Время и размер хераджного сбора в Кокандском ханстве не были строго определены. При сдаче хераджа на откуп деньги нередко брали вперед, в связи с чем и откупщики могли потребовать плату налога с непосредственных производителей в любое время. Управляющий местным населением Туркестанской области сообщал в 1865г.: «Во время владычества кокандцев при взимании подати не соблюдалось ни время, ни срок и нередко даже и количество самой подати»⁸⁶. Беки и ханы могли произвольно определять размер налога и «зьякетчи или саркар во что бы то ни стало обязаны были доставить требовавшуюся сумму»⁸⁷.

Все это вело к развитию ростовщичества. В архиве сохранился ряд долговых расписок, свидетельствующих о передаче права сбора налогов в руки ростовщиков. Все они однотипны и примерно следующей формы: «Подписка о том, что вместо отданных ими кокандскому начальству за общества денег — 800 тиллей, ныне они с согласия общества (пользуются) следующими хераджами с жителей»⁸⁸.

Поэтому с присоединением края к России несколько ростовщиков обратились к управляющему местным населением с просьбой о предоставлении им возможности собрать с населения долги. «Сборщики подати и хераджа с жителей деревень Курбан, Багустан, Сиджан-Наней, Бурчушала, Уч-Курган, Ушллау, Чинабат, Кош-Кызыл, квартала Сибзара г. Ташкента и Газалкина: Халмухаммед, Мухаммед-Керим, Мирзабий, Атажан, Мухаммед-Рауф, Куза, Ниязмухаммед и Мусагалий жалуются, что они при кокандском управлении кокандскому начальству внесли за общества впредь подати: 1-й Халмухаммед и Мухаммед-Керим 126 тиллей, 2-й Мирзабий 150 тиллей, 3-й Атажан 60 тиллей, 4-й Мухаммед-

Рауф 36 тиллей, 5-й Куза—21 1/2 тиллей, 6-й Ниязмухаммед—50 тиллей и 7-й Мусагалий—38 тиллей, а потому просят распоряжения его превосходительства о взыскании им с упомянутых жителей удовлетворения»⁸⁹.

С кочевых киргизов, которые наряду со скотоводством занимались и земледелием, херадж мог взыскиваться также скотом. По словам Радлова, кокандцы собирали у киргизов херадж по 3 овцы с гумна⁹⁰. Это подтверждает и Ч. Валиханов: «Херадж есть сбор хлеба, с десятины (*кирман*) берут по 3 барана»⁹¹. Налог с земледельческих культур — от каждого гумна по 3 барана, пишет М. Венюков, назывался также *харреля*⁹².

ТАНАП И ДРУГИЕ ВИДЫ НАЛОГОВ

С огородных и садовых культур налог брался в зависимости от занятой площади и назывался *танабана* (танап)⁹³. Первоначально он взимался натурой, но уже в последние годы ханства — в денежной форме и назывался поэтому еще *танап-пули*⁹⁴.

Танапные списки составлялись муфтиями один раз в три года. Заполнение танапных дефтеров проходило следующим образом. Предварительно бекство или серкерство делилось на участки, которые контролировали муфтии. В Маргеланском бекстве было 8 таких участков. На обязанности муфтия лежало определение в танапах земельной площади, занятой под сады и огороды. При муфтиях находились мирзы для записывания числа танапов по культурам⁹⁵ и несколько человек для содействия муфтию при измерении танапов. По представлении муфтиями записей копии с них, скрепленные бе-

⁸⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 14, л. 112.

⁹⁰ В. В. Бартольд. Соч., т. I, ч. 1, стр. 535.

⁹¹ Ч. Ч. Валиханов. Соч., т. 1, стр. 377.

⁹² М. Венюков. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868, стр. 158.

⁹³ Назван по единице измерения земельной площади, в Фергане равной 1/6 га.

⁹⁴ В. В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Кокандском ханстве, стр. 119; Н. Н. Пантусов. О податях и повинностях... «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

⁹⁵ В описи дефтеров Чимшонского бекства имеются отдельные записи «О количестве танапа с Чимшонского бекства» (1870), «О количестве земли под клевером в серкерствах Чимшона. Халь-Миана, Вуадиля и Кептер-хана» (1871); «Запись о количестве земли, засеянной дынями и табаком» (1873) и др. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 33—35.

⁸³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 14, л. 142; там же, л. 141, 144 и др.

⁸⁴ Архив ЛО ИНА, ф. 33, оп. 1, д. 22, л. 25.

⁸⁵ «Туркестанские ведомости», 1881, № 43.

⁸⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 14, л. 113.

⁸⁷ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 779.

⁸⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 14, л. 142; там же, л. 141, 144 и др.

ками, выдавались серкерам, которые и собирали по ним та-напную подать⁹⁶.

В архиве кокандских ханов сохранилось около 10 та-напных списков, большинство из которых относится к Маргеланскому бекству. В некоторых из них упоминаются лица, участвовавшие в составлении дефтеров. Так, в списке района Минг-Тепе-Ош Маргеланского бекства на обороте свитка написано: «Мулла Хаким Ходжа муфти, Исам аддин юзбаша, Юсуф юзбаша и Ахунд Баба сделали обмен та-напам»⁹⁷. Ряд та-напных дефтеров первых лет деятельности русской администрации хранится в фонде Ферганского областного правления. Они с достаточным основанием могут быть привлечены для характеристики та-напного обложения накануне вхождения Киргизии в состав России, так как списки составлялись по принципу, перенятому у ханских сборщиков⁹⁸. Так, начальник Ошского уезда, представляя военному губернатору Ферганской области ведомость о количестве та-напов в уезде с показанием цифры денег, взимаемых с каждого та-напа, доносил, что «подать эта в таком же размере взималась с населения при бывших ханах и осталась неизменно в настоящем году»⁹⁹.

Для наглядности формы подобных списков приведем вы-

Кишлак	Виноград		Клевер	
	количество та-напов	подагь, руб.	количество та-напов	подагь, руб.
Киргиз-Курган	26	52	41	41
Кичик-Таш-Булак	20	41	325	325
Катта-Таш-Булак	20	40	221	221
Наукент	24	48	69	69
Янги-Курган	56	112	132	132
Яр-Тепе	76	152	59	59
Курома	6	12	42	42
Хан-Абад	79	158	515	515
Кипчакские курганчи	4	8	186	186
Кара-Тепе	14	28	85	85

⁹⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 36—37; См. также Н. Пантусов. О податях и повинностях... «Туркестанские ведомости», 1876, № 16; А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. II., приложение, стр. 53.

⁹⁷ А. Л. Троицкая. Архив кокандских ханов..., стр. 203.

⁹⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22513, л. 4.

⁹⁹ Там же, л. 42.

держку из свода та-напных записей по Наманганскому уезду за 1876 г.¹⁰⁰

Как видно из дефтеров, подать с винограда составляла 2 руб. с та-напа, с клевера — 1 руб., с фруктовых деревьев — 2 руб., с нефруктовых — 50 коп. Приведенные расценки полностью соответствуют сведениям Н. Н. Пантусова¹⁰¹.

Та-напный налог приносил довольно большой доход государству. В последние годы в ханскую казну поступало с Ошского бекства 6 тыс. тилла, с Аравана — 500, Науката — 800, всего по Кокандскому ханству — 131 672 тилла¹⁰², т. е. около 500000 руб. Цифру в «50000 червонцев» приводит и А. П. Хорошхин¹⁰³. По официальным данным туркестанской администрации, в Ферганской области та-напа собрали в 1876 г. 240679 руб., в 1877 г. — 257181, в 1878 г. — 238 509 руб.¹⁰⁴

Кроме рассмотренных основных налогов, в Кокандском ханстве существовало множество других, в той или иной мере связанных или не связанных с использованием земельными угодьями налогов и повинностей. «Собирали со всего, с чего было возможно, — писал А. Миддендорф. — Были обложены сбором: камыш, хворост, колючки. Наконец, установили налог на право пользования водой каналов, проведенных трудами того же населения, с которого взимали этот налог»¹⁰⁵.

Налогом на топливо — панджйак — облагались все земли как находящиеся в ведении казны, так и частновладельческие, на которых имелись заросли колючки — *янтака*. Панджйак взыскивался натурой или деньгами, иногда даже скотом, коврами и т. д.

Материалы архива кокандских ханов дают довольно подробный материал о налоге панджйак¹⁰⁶. Население могло собирать топливо лишь с разрешения и в присутствии ханских чиновников, устанавливающих размеры податей. Так, если размеры панджйака с местности Лаклак-хана выражались постоянно в 730 арбах топлива, то когда Мулла Иш Мухаммед увеличил этот налог еще на 500 арб, жители вынуждены были согласиться и с этим¹⁰⁷.

¹⁰⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 329, оп. 1, д. 2-а, л. 1—2, 5—7.

¹⁰¹ См.: Н. Пантусов. О податях и повинностях... «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

¹⁰² А. Л. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, стр. 441.

¹⁰³ А. П. Хорошхин. Заметки о Коканде. «Туркестанский сборник», № 23, стр. 187.

¹⁰⁴ «Туркестанские ведомости», 1881, № 42.

¹⁰⁵ А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, стр. 208.

¹⁰⁶ См.: А. Л. Троицкая. «Заповедники» — курук..., стр. 141—146.

¹⁰⁷ Там же, стр. 141—142.

Когда чиновник своевременно не являлся, то населению грозила участь остаться без топлива, и оно вынуждено было писать хану челобитные, кланяться серкеру или курукчи, давать взятки и всячески унижаться¹⁰⁸.

При обложении панджйаком определялось общее количество арб с данной местности, затем производилась раскладка по селениям, а внутри селений — по хозяйствам. Курукчи вели подробные записи, которые затем хранились в ханской канцелярии.

Панджйак приносил довольно большую прибыль ханской казне. Только в одном из ханских донесений приводятся, например, следующие сведения о собранных деньгах по панджйаку: «Иш Мухаммед — 6000 танга, Ата Назар — 2000 танга, Сахир Берди — 900 танга, Артук-бай — 4500 танга, Мухаммед Разин — 3000 танга, Мулла Мухаммед Али — 1600 танга, Таш Мухаммед — 800 танга»¹⁰⁹.

О существовании в отдельных районах особой платы за воду — *хаки-оби* (*суу-пулу*) говорят многочисленные архивные документы. Трудно судить о конкретных размерах этого налога, но уже одно то, что в документах он фигурирует под различными названиями — *галат*, *херадж*, *малуджахат*, *аваризат*, *ихраджат*¹¹⁰, говорит о его распространенности и неразрывной связи с другими поземельными налогами.

Налог *уляу-пули* взывался с каждого хозяйства на военные расходы¹¹¹. В период крупных военных действий кокандцев с каждого рода киргизов, смотря по его численности и богатству, взывалось сверх зякета от 500 до 1000 тилла¹¹².

После бегства Худояр-хана, сторонники возведения на престол нового хана Абду-Керима, видную роль у которых играли киргизские феодалы Омарбек-дадха, Абдуллабек, Хасанбек и др., направили киргизам родов сары-тейит, найман, кипчак послание, в котором повелевали «всем родам уплатить зякет согласно шарияту для расхода на газат (священную войну) и приказывали немедленно выслать «*кыл-куйрук*» (ополчение)»¹¹³.

¹⁰⁸ А. Л. Троицкая «Заповедники» — курук..., стр. 142.

¹⁰⁹ Там же, стр. 144.

¹¹⁰ Материалы по истории Ура-Тюбе. Сб. актов XVII—XIX вв. Составление, перевод, предисловие А. Мухтарова. М., 1963, стр. 9.

¹¹¹ Н. Пантусов. Сборы и пошлины... «Туркестанские ведомости», 1876, № 17.

¹¹² ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, л. 6, т. 5, св. 892-а, л. 780.

¹¹³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 8-е, л. 12. О терминах «кыл-куйрук» и «кый-куйрук» см.: А. Хасанов. Взаимоотношения киргизов..., стр. 104. Автор пишет, что первый термин известен как «народное ополче-

Бурдаки-зякет взывался с баранов, откармливаемых для зимнего убоя в размере 2,5% их оценочной стоимости¹¹⁴.

Хансалык — денежный сбор с каждого двора¹¹⁵. Иногда он назывался *тютун-пули*¹¹⁶, *хана-пули*¹¹⁷, *уй-пули*, *дудий*, *уййна*¹¹⁸. Хансалык взывался только в экстренных случаях, в зависимости от состояния хозяйства — от 20 коп. до 3 руб. 80 коп.¹¹⁹

Тарикана — сборы за разделы наследства в размере 1/40 стоимости имущества (если он проводился не по духовному завещанию)¹²⁰.

Неурегулированная феодальная повинность *никахана* в последние годы Кокандского ханства обрела форму государственного налога, берущегося с девушки, вступающей в брак, в размере 10 танга, а с вдовы — 5 танга¹²¹.

Специальными грамотами ханы могли жаловать отдельным лицам как налоги, так и подати. В 1284 (1867—1868) г. Худояр-хан выдал грамоту потомку Тюрю-ходжа Ишану Ходжа Каляну о праве на доход с земель по арыку Ябу в местности Асаке. И кроме того указал, что «все пользующиеся водой арыка Ябу должны уплачивать этим ходжам *никахану* и *тарикану*»¹²², т. е., помимо налогов с земель, ханы передавали этим потомкам сендов и право на сбор *никаханы* и *тариканы*.

Наряду с перечисленными было распространено множество других сборов и повинностей. Кроме основных, уже нами рассмотренных, современники называли еще следующие: *теги-джай* — сборы за торговое место, базарный доход; *лука-та* — вымороченное имущество; *таразы* — за весы; *кеми-пули* — за переправу; *тамеки-пули* — за табачные плантации; *намак-пули* — пошлина за вывоз солей с копеей. Нововведениями Худояр-хана были: *херадж-ати* — херадж с кочевни-

ние», а второй — «имеет значение отказа от предоставления хану народного ополчения».

¹¹⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 28—29, 43.

¹¹⁵ «Туркестанские ведомости», 1871, № 9.

¹¹⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 262, л. 72.

¹¹⁷ А. Джуванмардиев. К земельно-водным отношениям...

стр. 9.

¹¹⁸ Н. Пантусов. Сборы и пошлины... «Туркестанские ведомости», 1876, № 17; ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 262, л. 72.

¹¹⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 262, л. 72.

¹²⁰ Н. Пантусов. Сборы и пошлины... «Туркестанские ведомости», 1876, № 17; ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 162, л. 72.

¹²¹ Там же. Никахана и тарикана в Кокандском ханстве были в ведении не у казиев, как в других, среднеазиатских ханствах, а у государства. См.: А. Л. Троицкая. Сагира..., стр. 278.

¹²² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34710, л. 2(1).

ков; карагай-пули — за вывоз леса с гор на базар: дыляль-пули — маклерские за куплю и продажу на базаре; кок-пули — за луга; суу-пули — за воду, проведенную с гор арыками¹²³.

В последние годы существования Кокандского ханства налоговая система была так изощренно развита, что, по меткому определению А. Л. Куна, «оставался, кажется, один только воздух, за право дышать которым не бралось ничего»¹²⁴.

Налоги в Киргизии первой половины и третьей четверти XIX в. имели, главным образом, вид натуральных сборов, но с середины века, как уже отмечалось, ханы все чаще обращаются к денежной их форме. Однако все еще продолжает существовать наиболее примитивная форма ренты — трудовая — *ашар*, *мердекори* — которая выступает уже как повинность, главным образом, по сооружению и поддержанию государственных оросительных магистралей, возведению крепостных стен и дорог, изготовлению кирпича, сбору топлива и т. д.

Приведем только один пример. Осенью 1870 г. Худоярхан сам выехал в Шарыхан «чтобы провести новый арык для пользы народа», — как писал К. В. Струве — русский посланник в Коканде. Арык начинался к северу от Андижана из р. Сыр. На его строительство съехались почти все беки «с довольно многочисленными контингентами мердекеров (работников) для производства земляных работ»¹²⁵. Сам Худоярхан говорил Струве: «Этот арык, который на долгое время передаст мое имя благородному потомству, сооружен соединенными силами всего кокандского народа, благодаря мирным отношениям наших последних годов с Россией»¹²⁶.

Безвозмездный труд на государственных работах в ханстве использовался в широких масштабах. Рабочие сгонялись со всех концов. В случае отказа от работ, неявок, виновных наказывали палками, иногда даже забивали на смерть, могли живыми зарывать в землю¹²⁷.

НАЛОГОВЫЙ ИММУНИТЕТ ФЕОДАЛОВ

Поскольку верховным собственником земли в Кокандском ханстве выступало государство, то рента целиком и должна

¹²³ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 64, док. 398., л. 59—60.

¹²⁴ А. Л. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине, стр. 439.

¹²⁵ Посольство в Кокан. «Туркестанские ведомости», 1870, № 16.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 111.

была бы присваиваться государством, вноситься в казну. Но государство выступало как орган феодалов во главе с ханом, и рента соответственным образом распределялась между представителями правящего класса. Конкретное подтверждение этому — сохранение института тарханства, наличие всевозможных льгот и привилегий у феодалов как кочевых, так и оседлых народов Киргизии первой половины XIX в.

В восточном средневековье лица, имевшие тарханные грамоты, освобождались от уплаты в казну всех податей и повинностей, не делили с правителями добычи, захваченной на войне, не привлекались к ответственности за совершенные ими преступления, т. е. фактически были совершенно независимыми. В Кокандском ханстве наличие тарханной грамоты означало лишь полное или частичное освобождение от налогов. Списки лиц освобожденных от налогов — *дефтери-тарханы*, имеющиеся в архиве кокандских ханов, наглядно свидетельствуют, что правом налогового иммунитета пользовались только феодалы, оно не распространялось на непосредственных производителей — крестьян.

Освобождая феодалов от налогов, хан тем самым передавал им право на ренту, которой распоряжался как правитель государства, верховный собственник земли. Нередко хан уступал ренту феодалу не целиком, а лишь какую-то ее часть, обычно в качестве компенсации за услуги, примерную службу, в результате продажи. В таком случае часть ренты продолжало получать государство в виде налогов, а часть присваивалась феодалами. А это, в свою очередь, влекло к усилению гнета непосредственного производителя и еще большему увеличению ренты в пользу феодала за счет кабальных условий сдачи земли в аренду и т. д.

В результате, наряду с основной, централизованной формой ренты, возникает и децентрализованная рента — переуступление государством (продажей, дарением, пожалованием) феодалу права на часть или на всю ренту. Соотношение между рентой государству (налогом) и долей ренты в пользу землевладельца определялось видами землевладения и условиями землепользования, наличием у феодала полного или частичного налогового иммунитета. С амляковых земель рента полностью присваивалась государством, а с частновладельческих, общинных и вакфных — частично уступалась государством землевладельцу.

Обеление владений феодалов санкционировалось специальными правительственными грамотами — *иноят-наме*, *му-барак-наме*, *патта*.

Освобожденные от налогов феодальные владения, определяемые в вакф, и пожертвования ханов обычно не облагались податью. Но так как налоговый иммунитет сохранялся лишь в годы правления данного хана, владельцы крупных вакфов старались заручиться обелительными грамотами каждого правителя. Вакфное учреждение Ша Рахматуллы Ишана имело грамоты от многих ханов на все свои земли без определения их границ и размеров, что потворствовало всевозможным злоупотреблениям вакфовладельцев. Например, в одной из грамот сказано: «От Сеид Султана Мухаммед-хана. Да будет известно всем сеидам, ишанам, должностным лицам, хакимам, что я из уважения к Ишану Ша Рахматулле освобождаю все его земли от всяких повинностей, так что никто не вправе как от него лично, так и от хлебопашцев его требовать каких-бы то ни было податей. Никто из смертных не должен навещать поспевший хлеб для взимания хераджа, салов его и других вакфов, не подлежащих обложению пошлиной. Распоряжением этим должны руководствоваться раз навсегда, не требуя от Ишана других дипломов. В 1280 г. хиджры»¹²⁸. Используя такую грамоту, Ишан Ша Рахматулла мог покупать или другим путем присоединять земли к своему вакфу, которые тем самым механически освобождались от налогов.

В 1279 (1862—1863) г. Шахрух-ханом был выдан документ на имя Ша Рахматуллы с указанием селений и местностей вакфа:

«Да будет известно всему духовенству, казиям, должностным лицам и жителям селений: Чемнона, Вуадиля, Паласана, Паулгана, Яны-Кургана, Джурака, Китхана, Зильча и Ляйляк-хана, что из уважения к ишану...» и т. д., что налоги с упомянутых селений должны идти в пользу духовных учреждений Ша Рахматуллы Ишана. В каждом отдельном селении налог собирался имевшимся там сборщиком или аксакалом, а потом должен был сдаваться ишанскому посланцу. Среди перечисленных налогов: были «херадж, танап, зякет, никохана, тарикана и деньги с танапов дыни». «...Все начальствующие лица, аксакалы и другие лица, до кого это касается, не утаивая ничего, должны отдавать вышесказанные доходы поставленному ишаном человеку, не сопротивляясь воле ишана, которому оказывать должное уважение»¹²⁹.

Таким образом, население вакфных кишлаков попадало в налоговый отношении в зависимое положение к Ишану. Воз-

можно, в связи, с упоминанием зякета и кочевое население сдавало налог Ша Рахматулле, а может быть этот зякет был лишь налогом с торговцев. Зависимость вакфных крестьян в этом случае выражалась лишь экономически—в выплате налогов «человеку Ишана», но через «своего» аксакала или сборщика. Фактически таким крестьянам было безразлично в чью пользу идет собираемый с них налог: государству—казне или Ишану. Именно поэтому непосредственной власти над личностью зависимых в налоговом отношении крестьян Ишан, видимо, не имел. В какой-то степени это подтверждается тем, что, когда потребовался ремонт вакфной мельницы, Ишан вынужден был для привлечения к работам крестьян составить специальный ханский документ следующего содержания. Ярлык Шахрух-хана от 1279 (1862—1863) г.: «Да будет известно Алты-Арыкской местности, духовенству, аксакалам и другим, что в местности Копчигай есть одна вакфная мельница Ша Рахматуллы Ишана, принадлежащая к вакфной ханаке, которую вы обязываетесь отремонтировать на свои средства... Повеление это исполнить беспрекословно»¹³⁰.

Возможно, правда, что в окрестностях мельницы не было вакфных селений или земель (что мало вероятно), возможно, документ адресовался кочевым киргизам. Однако пока на эти вопросы трудно ответить.

Наиболее общую тарханную грамоту на освобождение земель Ишана от всех налогов вторично выдал в 1280 (1863—1864) г. Сеид Султан: «Да будет известно всем сеидам, ишанам, должностным лицам, хакимам, что я из уважения к ишану Ша Рахматулле освобождаю все его земли от всяких повинностей, так что никто не властен как от него лично, так и от хлебопашцев его требовать каких бы то ни было податей»¹³¹. Этот документ давал почти безграничную возможность увеличивать землевладения Ша Рахматуллы, к чему, кстати, он и стремился.

В кокандский период вакфы могли освобождаться от налогов как «на вечные времена», так и на один год, хотя все равно каждый новый год, тем более со сменой ханов, требовались новые грамоты или подтверждение старой. В связи с этим в отдельных документах нередко можно встретить строки: «Приказано всем, чтобы податей не взыскивать и *ежегодно* на это особых грамот не требовать»,— грамоте сказано в Ху-

¹²⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 38.

¹²⁹ Там же, л. 33.

¹³⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 33.

¹³¹ Там же, л. 34.

доярхана «об освобождении от всяких податей хераджной, та-напной, никахана, харбуза-пули вакуфных двух вод Сандалия-ходжи в местности Батыр-Абад»¹³².

Правда, некоторые вакфы пользовались налоговым иммунитетом и без соответствующих грамот, но как только возникла угроза, что местные чиновники могут начать претендовать на налог с вакфов, представители вакфных учреждений обращались непосредственно к ханам за обелительными грамотами. Так, при жизни влиятельного кипчакого феодала Хотамкула, помощника хакима (правителя) Андижанского вилайета, не мог быть даже поставлен вопрос о налогах с его вакфа в кишлаке Сузак (ввиду высокого служебного положения вакфовладельца). Но возможность налогообложения стала реальной, когда запашка возросла, а Хотамкул был убит. Тогда от медресе к Худояр-хану были направлены выборные почетные старики селения с просьбой освободить вакфную землю от податей, и хан выдал обелительную грамоту иноят-наме¹³³.

Установившееся в литературе мнение, что все вакфы не облагались налогами, не подтверждается нашими материалами. Практически только часть вакфов пользовалась налоговым иммунитетом (*ак-вакф*), хотя не на все из них имелись соответствующие ханские грамоты. Хан мог и не освободить обеленный предшественником вакф от податей в казну. Так, заняв вторично престол¹³⁴, Худояр-хан тут же приказал, например, собирать налог с вакфных земель Алимкула, своего политического противника¹³⁵. Алимкул, став регентом при Сеид Мухаммед-хане, в свою очередь обложил налогом кишлак Тар-Булак, пожертвованный перед этим Худояр-ханом в вакф медресе и ханаке Маргуф-хан Тюря-шейх-уль-ислама¹³⁶. Облагавшиеся вакфы назывались черными (*кара-вакф*).

Некоторые вакфы неполностью облагались налогами (*вакф-кадресе*). Часть урожая с таких вакфов (обычно 1/10)

¹³² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34227, л. 4 (14).

¹³³ Там же, д. 34194, л. 11—12.

¹³⁴ Худояр-хан дважды изгонялся своими соперниками: в 1858 г. родным братом Малля-ханом (1858—1862 гг.), в 1863 г. феодалами, посадившими на престол малолетнего Сеид-Мухаммед-хана (1863—1866 гг.).

¹³⁵ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34364, л. 2, 5, 14, 15.

¹³⁶ Из рапорта начальника Наманганского уезда военному губернатору Ферганской области. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22509, л. 33. По другим сведениям, вакф был обложен налогами по распоряжению самого Худояр-Хана, недовольного одним из потомков Тюри-Ходжи. Показан жителю селения Таш-Булак поземельно-податной комиссии. ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34730, л. 17.

собиралась в государственную казну, а часть шла в виде доходов религиозному учреждению. Таким вакфам в Кокандском ханстве был кишлак Яр-Мазар, жители которого «оплачивали в вакф доход только 1/10 часть хераджа». Он, как доносил позже начальник Маргеланского уезда, «принадлежит к разряду так называемых кадресе, половина доходов с которого идет в вакф, а половина в казну». По сведениям начальника уезда в Ферганской области, таких вакфов было немало¹³⁷.

Налоговым иммунитетом и правом на ренту пользовались не только феодалы, владевшие орошаемыми земельными массивами, но и феодалы кочевого населения. В частности, семейство дадхи Сарымсака из киргизского рода багыш в кокандский период было официально освобождено от налогов¹³⁸.

Обеление частных вакфных владений, освобождение от налогов феодалов означало, что государство полностью переуступило право на ренту феодалу. В ханском приказе (*фирмен-и али*) от 1253 (1837—1838) г. сказано, что хан обеляет владение Ишана Накиба, в связи с чем его крестьяне освобождаются от государственных налогов: «В местности Дах-Манора двадцати одного чайрикера убежище сеидского достоинства Ишана Накиба мы освободили от всех личных и официальных обложений»¹³⁹. В этом смысле следует рассматривать и пожалование ханом в 1839 г. нескольких киргизских семей в районе Ура-Тюбе частному лицу: «Из (местности) Туби (?) пять киргизских семей (и) еще шесть других таких же семейств отсюда нами милостиво пожалованы убежищу сеидского достоинства Турахан-накибу. Не имейте (к ним) никакого касательства»¹⁴⁰.

Следовательно, все налоги непосредственные производители теперь в виде ренты должны были выплачивать не государству, а феодалам.

Такие документы пестрят неоднократными напоминаниями о необходимости прилежного несения феодальных повинностей и выплаты ренты в пользу феодалов. «Необходимо, чтобы земледельцы (*корандахо*) доставляли (кази Абулхайру) плату за упомянутые воды и не противоречили»¹⁴¹; «каждый, кто на правах земледельца (*ба расми корандаги*) орошает упомянутыми водами посевы, пусть платит за это со-

¹³⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22770, л. 1—3.

¹³⁸ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 780.

¹³⁹ Материалы по истории Ура-Тюбе..., док. 40.

¹⁴⁰ Там же, док. 41.

¹⁴¹ Там же, док. 5.

ласно правилу»¹⁴². В ханском указе от 1246 (1830—1831) г. о пожаловании кишлака Кизил-Пилол Турахану-Чархи и Зибапари-хафизу старосты кишлака обязывались «быть ответственны (за поступление) своего хераджа в зерне в установленных размерах» в пользу упомянутых феодалов¹⁴³.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ КРЕСТЬЯН МЕСТНОЙ ФЕОДАЛЬНО-РОДОВОЙ ЗНАТЮ

С середины XIX в. все большее распространение получает издольная форма эксплуатации, основанная на арендных сделках. Феодалы-землевладельцы предпочитали уже не раздавать свои земли в наделы-чеки дехканам в наследственное пользование, а сдавать их в краткосрочную аренду или сразу непосредственным производителям, или, чаще, через откупщика-посредника. Аренда закреплялась письменными документами, скрепленными казиями в присутствии нескольких свидетелей. Земли феодалами сдавались в аренду обычно в конце каждого года при условии выплаты больших задатков, а иногда полной арендной платы вперед за целый год¹⁴⁴.

Арендные сделки уже с непосредственным производителем схематично выражались в следующем соотношении: земля, семена, рабочий скот, орудия производства, личный труд. Стоимость каждого из этих компонентов земледелия оценивалась в равной мере — 1/5 часть урожая¹⁴⁵. Чем больше компонентов требовалось издольщику, тем большую долю урожая он должен был отдать в виде арендной платы. Так, если издольщик арендовал лишь землю, то выплачивал 1/5 часть урожая, арендовал землю и зерно — 2/5, землю, зерно и скот — 3/5. Если же он вкладывал лишь свой труд в обработку земли, то получал обыкновенно 1/5 долю с урожая. Все расходы по удобрению, если таковые вносились, и государственные подати несли в равной мере издольщик и землевладелец. Налог государству взимался до распределения доходов между феодалом и арендатором¹⁴⁶.

В отдельных районах нередко только за право пользования землей издольщик вынужден был платить от 1/4 до половины урожая, как было, например, в районах Оша¹⁴⁷. Издольщик, получавший от землевладельца только участок и

выплачивавший от 1/5 до 1/2 урожая за пользование землей, назывался *нимкора* (или *тинк-шарик*)¹⁴⁸.

Вакфные земли медресе Мовляви в Наманганском уезде сдавались в аренду «только на 1 год за 1/4 урожая»¹⁴⁹. За половину урожая сдавался вакфный участок в 1/4 танапа мутавалием вакфа мечети Кыргыз-бай в Ошском уезде¹⁵⁰. Вакфные земли медресе и мечети Хазрет Магаз-Джабалья в Нижнем Уч-Кургане Маргеланского уезда, по протоколу опроса мутавалии, обрабатывались по договоренности с издольщиком на условиях: «семена, скот, пища и одежда чайрикера, а с урожая он получает 3/5, а 2/5 идет в пользу мазара и медресе Хазрет Магаз-Джабалья»¹⁵¹.

Одиннадцать киргизов и два узбека, имевшие свои небольшие земельные участки в Базар-Курганской волости, уже в первые годы после присоединения Ферганы к России арендовали 202 танапа (из 1200 танапов) у муллы Ишанхана ходжи Ишанова с условием выплаты владельцу 1/5 части урожая¹⁵². Казенные земли в Маргеланском вилайете в ханское время сдавались в аренду дехканам на условиях выплаты 1/3 части урожая¹⁵³.

О натуральных размерах арендной платы и доходах феодалов дают представление материалы Ошского уездного правления в первые годы после вхождения Киргизии в состав России.

Мечеть Мадали-Суфи, например, свои 50 танапов земли сдавала за 30 чарьяков зерна, мечеть Мулла-Мат-Юсуфа в Халфа-кишлаке — 12 танапов земли за 2 чарьяка зерна в год. Медресе Пиратубая в кишлаке Булакбаши 1500 танапов земли и 21 торговую лавку сдавало в аренду не только за натуральную, но и денежную оплату. Медресе имело дохода 228 руб. и 20 чарьяков продуктами¹⁵⁴.

В последние годы ханства натуральная плата за право пользования землей все чаще уступает место денежной ренте, которая являлась простым изменением формы натуральной ренты. Так, из 300 танапов земли, отобранной в 1871 г. Худояр-ханом у 24 балыкчинских жителей, 250 танапов сдавалось в краткосрочную аренду по 40 коп. с каждого танапа сверх хераджной подати в 1/5 часть¹⁵⁵.

¹⁴² Материалы по истории Ура-Тюбе..., док. 8.

¹⁴³ Там же, док. 36.

¹⁴⁴ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22891, л. 74.

¹⁴⁵ Там же, д. 33341, л. 37—38.

¹⁴⁶ Там же, л. 48, 58—59.

¹⁴⁷ Там же, л. 58—59; д. 22507, л. 54—68.

¹⁴⁸ В. Наливкин. Положение вакуфного дела..., стр. 16.

¹⁴⁹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 23120, л. 5.

¹⁵⁰ Там же ф. и. 19, оп. 1, д. 22507, л. 60.

¹⁵¹ Там же, д. 34736, л. 26.

¹⁵² Там же, д. 23481, л. 40.

¹⁵³ Там же, д. 22518, л. 12.

¹⁵⁴ Там же, д. 22507, л. 54—67.

¹⁵⁵ Там же, д. 22504, л. 49.

ли, орошенные таким образом, становились владениями феодала. Кипчакский феодал Хотамкул-дадха, будучи батыр-башой Андижанского вилайета, скупил заброшенные земли в окрестностях кишлака Сузак, (куда приезжал часто по делам службы и нередко подолгу здесь жил)¹⁶⁶, оформил их вакфом своему медресе. Затем «при помощи жителей селения Сузака, уширив и углубив арыки, проходящие через эту вакфную землю, тогда же роздал землю эту в чеки безземельным крестьянам»¹⁶⁷.

Если феодал не мог по каким-либо причинам заставить крестьян нести трудовую повинность в свою пользу и «произвести явного и незаконного давления на народ», он также объявлял ашар, но в этом случае ашар уже выглядел в форме добровольной повинности. Этот феодал, как писал В. Наливкин, «по большей части прибегал к ашару, к помочи, на которую жители ближайших селений и аулов приглашались в свободное от хозяйственных работ время»¹⁶⁸. Таким образом выполнялись совместные работы по ремонту общей оросительной сети земель кишлака. Ашары обычно устраивались весной, и на них посылались работники от каждого хозяйства, владевшего земельным участком. В ашаре должны были принимать участие все землевладельцы. Те, которые не являлись своевременно или вообще уклонялись, должны были платить недоимки, называвшиеся в соседнем Бухарском ханстве *боксы*¹⁶⁹.

Пользование оросительной водой, как и проводимые работы, должно было быть всеобщим. Но, во-первых, не все киргизские хозяйства обрабатывали свои участки; во-вторых, участок бедняка не мог идти ни в какое сравнение с размерами участка бая, который, захватывая землю в верховьях арыка, имел возможность регулировать проведение поливов; в-третьих, богатый мог откупиться от работ, оплатив боксу, нанять вместо себя поденщика или вообще уклониться от участия в работах. Доля труда, затраченная на ашаре, равномерно распределялась на всю орошаемую землю, следовательно и на земли феодала, не принимавшего непосредственного участия в работах и захватившего лучшие участки. Поэтому добавочный труд, затраченный рядовыми крестьянами

на орошение площади, принадлежавшей феодалу, можно рассматривать, по существу, как форму отработочной ренты.

Однако необходимо отличать эксплуататорский, обязательный ашар, устраивавшийся по велению хана или феодала, от старого обычая добровольной взаимопомощи, к которому прибегали все жители селения. Если первый имел ярко выраженную форму отработочной ренты, то второй не являлся таковой, потому что мог устраиваться всеми слоями населения и проводился на добровольных началах.

Ашар типа взаимопомощи использовался при обработках пашен, заготовках сена, топлива, на стройках и т. д. Но с течением времени ашар стал исчезать, находя свое выражение в особой плате за труд — «либо в форме материальной, либо трудовой компенсации»¹⁷⁰. В пригородах этот процесс шел быстрее, в сельских земледельческих и высокогорных районах — задерживался. «Окучивание дынь, джугары, кукурузы и хлопчатника, — писали супруги Наливкины о Фергане 80-х годов, — производится обыкновенно особыми рабочими — около городов поденщиками, а в кишлаках по большей части взаимной помощью (ашар)»¹⁷¹.

Статистическое обследование кочевых районов Ферганской области второй половины XIX в. зафиксировало 27742 хозяйства, занимавшихся в той или иной степени земледелием и заготовкой корма для скота, и только 967 хозяйств, прибегавших к помощи в обработке пашен и 347 хозяйств — при заготовке сена. Зато увеличивается количество хозяйств, использующих наемный труд. Например, из 8875 хозяйств кочевых районов южной Ферганы 1206 пользовались наемным трудом¹⁷². Несомненно, что наемный труд в какой-то мере применялся и накануне вхождения Киргизии в состав России.

За лето на байских пашнях сезонный рабочий получал ничтожную плату — от 4 до 6 мешков зерна¹⁷³. Акад. А. Миддендорф, посетивший Фергану сразу после присоединения к России, подчеркивал, что богачи: манапы, баи из числа самих киргизов обрабатывают почву руками совершенно обед-

¹⁷⁰ С. И. Ильясов. Земельные отношения в Киргизии..., стр. 367.

¹⁷¹ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины..., стр. 20.

¹⁷² Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части..., стр. 199; С. И. Ильясов. Земельные отношения в Киргизии..., стр. 367.

¹⁷³ Г. Бардашев. Заметки о дикокаменных киргизах. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III. СПб., 1874, стр. 389.

¹⁶⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34194, л. 8, 15. Протоколы опроса поземельно-податным комиссаром Койшевским мутаваля медресе и жителей кишлака Сузак.

¹⁶⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34194, л. 11.

¹⁶⁸ В. Наливкин. Положение вакуфного дела..., стр. 16.

¹⁶⁹ Н. А. Кисляков. Патриархально-феодалные отношения..., стр. 135.

34 танапа вакфной земли и 71 торговая лавка медресе Алымбека-дадхи приносили доход на сумму 319 руб. Кроме того, постоянные арендаторы (*чекчи, каранда*) кишлака Чинабад (точнее Алымбек-чек) выплачивали медресе за право пользования землей еще 437 руб.¹⁵⁶ Мечеть Кыргыз-Алыбая сдавала свои 5,5 танапов земли за 15 руб. в год. Медресе Джами, как видно из донесения начальника Маргеланского уезда, имело с вакфных земель кишлака Таш-Тепе 400 чарьяков пшеницы, 600—джугары и сверх всего 100 тилла деньгами. Вакфное учреждение предпочитало собирать ренту деньгами, а так как ее брали до снятия урожая, то чарьяк пшеницы оценивался в 1 руб. 50 коп., чарьяк джугары — 1 руб. Таким образом, весь доход медресе за счет кабальных условий аренды значительно возрастал и в совокупности с другими источниками прибыли составлял 1580 руб.¹⁵⁷

В ханское время земли и лавки, принадлежавшие только медресе и мечетям на территории Ошского уезда, приносили своим владельцам доход, как и в 1877 г., на сумму около 3 тыс. руб.¹⁵⁸

Однако следует отметить, что денежная аренда распространялась только в оседло-земледельческих районах, а среди кочевого киргизского населения юга Ферганской области она отсутствовала. Даже в начале XX в. статистиками было зафиксировано всего лишь 1—2 случая аренды земли за деньги во всем районе обследования¹⁵⁹.

Наиболее кабальные условия издольщины наблюдались в кочевых районах. Многие члены айльных обществ, писал начальник Наманганского уезда вскоре после присоединения Кокандского ханства к России, «не имеют ни скота, не пользуются землей самостоятельно, а обрабатывают часто ее из доли у своих одноаульцев», обычно отдавая от половины до 2/3 урожая¹⁶⁰. Бедняки-джатаки, не имевшие скота и сельскохозяйственных орудий для обработки полей, вынуждены были идти в услужение к баям, обрабатывая на издольных началах (*орток*) их участки. В связи с этим один из первых исследователей земельных отношений в Туркестане М. Н. Николаев писал: «Трудно сказать, кому принадлежали земли по понятиям киргиз, бедному ли, берущему у богатого для обработки земли рабочий скот и семена и платящему за это 2/3

и 3/4 урожая, или богатому, который давал рабочий скот и семена, платил за труд рабочего 1/4 урожая и редко более»¹⁶¹.

В аренду сдавались не только обрабатываемые земли, но и пастбищные территории. Отдельные общины, владевшие пастбищами, могли сдавать их в аренду. В документе Маргеланского хакима от 1282—(1865—1866) г., определяющим право владения пастбищами в районе Науката за киргизским феодалом Шах Мирзой эшик-агаси, сказано, что прежде этими землями владел род Орвин из племени бөрү, но так как они «уже 20 лет эти местности не занимали и никому не сдавали в аренду», то потеряли на пастбища всякие права¹⁶².

Чтобы сделать пастбища дополнительным источником дохода, Худояр-хан объявлял наиболее ценные из них «заповедными» (*курук*), за пользование которыми скотоводы должны были вносить арендную плату, в среднем по 4 танга с каждой сотни баранов.

В архиве кокандских ханов сохранилась форма отчета, по которой курукчи должны были отчитываться перед ханом за полученные деньги (за пастбища). «По ежегодному обычаю (кочевники) из некоторых обществ тюрков, кипчаков и киргизов прикочевали и поселились в тугае, чтобы пасти скот. По милости их величества государя своего и с согласия памянутых обществ я собрал с них деньги, взяв с них по 4 танга с каждой сотни баранов. Получилась такая-то сумма»¹⁶³.

В большинстве случаев в аренду сдавались зимние пастбища в которых часто испытывался недостаток. Для получения разрешения на такие пастбища необходимо было первоначально подать челобитную, что неизбежно сопровождалось злоупотреблением чиновников, взятками. Это вызывало естественное недовольство и брожение среди кочевников, иногда переходящее в открытое неповиновение¹⁶⁴.

К трудовой повинности в форме ашара прибегали не только ханы, но и феодалы — их чиновники для проведения и расширения оросительной сети на своих землях. «Если он занимает сколько-нибудь значительное служебное положение, — указывал В. Наливкин, — если это, например, хаким вилайета, он без дальнейших разговоров сгоняет народ и заставляет его копать новый магистральный арык»¹⁶⁵. В результате зем-

¹⁵⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22504, л. 50.

¹⁵⁷ Там же, д. 22511, л. 39.

¹⁵⁸ Там же, д. 22507, л. 54—67.

¹⁵⁹ Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области, стр. 114.

¹⁶⁰ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 1.

¹⁶¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 9-а, л. 31.

¹⁶² Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 1057, л. (8).

¹⁶³ А. Л. Троицкая. «Заповедники» — курук..., стр. 151.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ В. Наливкин. Положение вакуфного дела..., стр. 16.

ли, орошенные таким образом, становились владениями феодала. Кипчакский феодал Хотамкул-дадха, будучи батыр-башой Андижанского вилайета, скупил заброшенные земли в окрестностях кишлака Сузак, (куда приезжал часто по делам службы и нередко подолгу здесь жил)¹⁶⁶, оформил их вакфом своему медресе. Затем «при помощи жителей селения Сузака, уширив и углубив арыки, проходящие через эту вакфную землю, тогда же роздал землю эту в чеки безземельным крестьянам»¹⁶⁷.

Если феодал не мог по каким-либо причинам заставить крестьян нести трудовую повинность в свою пользу и «произвести явного и незаконного давления на народ», он также объявлял ашар, но в этом случае ашар уже выглядел в форме добровольной повинности. Этот феодал, как писал В. Наливкин, «по большей части прибегал к ашару, к помочи, на которую жители ближайших селений и аулов приглашались в свободное от хозяйственных работ время»¹⁶⁸. Таким образом выполнялись совместные работы по ремонту общей оросительной сети земель кишлака. Ашары обычно устраивались весной, и на них посылались работники от каждого хозяйства, владевшего земельным участком. В ашаре должны были принимать участие все землевладельцы. Те, которые не являлись своевременно или вообще уклонялись, должны были платить недоимки, называвшиеся в соседнем Бухарском ханстве *боксы*¹⁶⁹.

Пользование оросительной водой, как и проводимые работы, должно было быть всеобщим. Но, во-первых, не все киргизские хозяйства обрабатывали свои участки; во-вторых, участок бедняка не мог идти ни в какое сравнение с размерами участка бая, который, захватывая землю в верховьях арыка, имел возможность регулировать проведение поливов; в-третьих, богатый мог откупиться от работ, оплатив боксу, нанять вместо себя поденщика или вообще уклониться от участия в работах. Доля труда, затраченная на ашаре, равномерно распределялась на всю орошаемую землю, следовательно и на земли феодала, не принимавшего непосредственного участия в работах и захватившего лучшие участки. Поэтому добавочный труд, затраченный рядовыми крестьянами

¹⁶⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34194, л. 8, 15. Протоколы опроса поземельно-податным комиссаром Койшевским мутавалии медресе и жителей кишлака Сузак.

¹⁶⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34194, л. 11.

¹⁶⁸ В. Наливкин. Положение вакуфного дела..., стр. 16.

¹⁶⁹ Н. А. Кисляков. Патриархально-феодалные отношения..., стр. 135.

на орошение площади, принадлежавшей феодалу, можно рассматривать, по существу, как форму отработочной ренты.

Однако необходимо отличать эксплуататорский, обязательный ашар, устраивавшийся по велению хана или феодала, от старого обычая добровольной взаимопомощи, к которому прибегали все жители селения. Если первый имел ярко выраженную форму отработочной ренты, то второй не являлся таковой, потому что мог устраиваться всеми слоями населения и проводился на добровольных началах.

Ашар типа взаимопомощи использовался при обработках пашен, заготовках сена, топлива, на стройках и т. д. Но с течением времени ашар стал исчезать, находя свое выражение в особой плате за труд — «либо в форме материальной, либо трудовой компенсации»¹⁷⁰. В пригородах этот процесс шел быстрее, в сельских земледельческих и высокогорных районах — задерживался. «Окучивание дынь, джугары, кукурузы и хлопчатника, — писали супруги Наливкины о Фергане 80-х годов, — производится обыкновенно особыми рабочими — около городов поденщиками, а в кишлаках по большей части взаимной помощью (ашар)»¹⁷¹.

Статистическое обследование кочевых районов Ферганской области второй половины XIX в. зафиксировало 27742 хозяйства, занимавшихся в той или иной степени земледелием и заготовкой корма для скота, и только 967 хозяйств, прибегавших к помощи в обработке пашен и 347 хозяйств — при заготовке сена. Зато увеличивается количество хозяйств, использующих наемный труд. Например, из 8875 хозяйств кочевых районов южной Ферганы 1206 пользовались наемным трудом¹⁷². Несомненно, что наемный труд в какой-то мере применялся и накануне вхождения Киргизии в состав России.

За лето на байских пашнях сезонный рабочий получал ничтожную плату — от 4 до 6 мешков зерна¹⁷³. Акад. А. Миддендорф, посетивший Фергану сразу после присоединения к России, подчеркивал, что богачи: мананы, баи из числа самих киргизов обрабатывают почву руками совершенно обед-

¹⁷⁰ С. И. Ильясов. Земельные отношения в Киргизии..., стр. 367.

¹⁷¹ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины..., стр. 20.

¹⁷² Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части..., стр. 199; С. И. Ильясов. Земельные отношения в Киргизии..., стр. 367.

¹⁷³ Г. Бардашев. Заметки о дикокаменных киргизах. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III. СПб., 1874, стр. 389.

невших людей, которые работают почти только за один хлеб¹⁷⁴.

Выделение богатых хозяйств и увеличение количества безземельных дехкан, пополнявших ряды батраков, сезонных и поденных рабочих, вели к зарождению и развитию отходничества. Этот процесс характерен в основном для конца XIX в., но своими истоками он несомненно уходит в более ранние времена и в какой-то мере имел место накануне вхождения Киргизии в состав России. Основную массу отходников составляли бесхозяйственные и малохозяйственные крестьяне, мизерные участки которых не обеспечивали прожиточный минимум¹⁷⁵.

По донесениям начальника Ошского уезда, в начале 90-х годов громадное количество семей в уезде имело крошечные наделы в 2—3 танапа, которые «не обеспечивают владельцев их и вынуждают искать посторонних заработков»¹⁷⁶. Превращение мелкого производителя в наемного рабочего, — указывал В. И. Ленин, — предполагает потерю им средств производства — земли, орудий труда, мастерской и пр.—т. е. его «обеднение», «разорение»¹⁷⁷.

В связи с малоземельем из Ферганы и южных районов Киргизии ежегодно уходило в отхожий промысел на полевые работы в Ташкент, Самарканд, на Сыр-Дарью, отчасти в Семиречье немало обездоленных, лишенных средств производства дехкан¹⁷⁸. Однако рабочая сила отходников не всегда становилась товаром. Чаще всего большинство из них вновь соединялось с землей на основе кабальной издольной аренды. Развитие зародышевых форм новых отношений задерживалось господством патриархально-феодалных отношений. Крайне незначительный удельный вес хозяйства с применением наемного труда в Киргизии накануне вхождения в состав России свидетельствовал об абсолютном преобладании старых производственных отношений и методов эксплуатации.

Патриархальные отношения, затушевывающие классовые противоречия, заставляли считаться с баем, который называл батрака сыном и требовал, чтобы батрак «не забывал

¹⁷⁴ А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, стр. 350.

¹⁷⁵ Для обеспечения средней семьи в 5—6 человек, по подсчетам статистиков, было необходимо иметь не менее 12—18 танапов земли.

¹⁷⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33341, л. 47, 55.

¹⁷⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 25—26.

¹⁷⁸ По сообщению начальника Наманганского уезда, число отходников к концу XIX в. достигло 30 тыс. человек в год. (ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33341, л. 91).

съеденную им соль». В закабалении батрака большую роль также играла не только задолженность хозяину, но и задолженность хозяина батраку: бай систематически не отдавал батраку заработанного, и последний боялся покинуть бая и потерять свои деньги, так как письменно их отношения никак не оформлялись.

В хозяйстве баев, особенно в первой половине XIX в., можно было встретить и использование труда рабов-кулов. Однако рабство у киргизов не получило широкого распространения и носило патриархальный характер. Рабов использовали в домашнем хозяйстве в качестве пастухов. Иногда их женили, и тогда они становились не столько рабами, сколько батраками, работниками в хозяйстве баев. Как видно из сообщения казака Кантая Бедегиева, он с товарищами в 1834 г. попал в плен к киргизам, но его раненый товарищ «скоро выходился, женился у них и никак остался и живет там поныне»¹⁷⁹.

Известен рассказ пленного кашмирца, бывшего рабом у киргизов в 50-х годах XIX в. Взятый в плен канжутами, он был продан в рабство киргизам. Его хозяин, как рассказывал пленный, «променял меня одному алайскому киргизу на верблюда. Я отправился с новым моим хозяином на Алай через Тагарму и Кызыл-Арт, где меня посылали пасти коров и овец. Становясь стар и слабее, правитель алайских киргизов Тимур, сын Ашнадыра, возвратил мне через 6 лет мою свободу и отослал с некоторыми из своего народа в Кашгар»¹⁸⁰.

Раб полностью, словно вещь, принадлежал своему хозяину. Рабовладелец мог наказывать его, продавать, выставлять в качестве приза. Кул только по желанию хозяина мог быть отпущен на свободу¹⁸¹. В рабов превращали не только пленников, но и соплеменников, например, за большие преступления. В рабов обращали убийц или их родственников, не сумевших уплатить кун¹⁸².

Однако в подвижном скотоводческом хозяйстве удержать кула силой было трудно. На отдаленных горных пастбищах раб всегда мог скрыться. Поэтому рабовладелец стремился

¹⁷⁹ Архив ГО СССР в Ленинграде, ф. 75, оп. 1, д. 1, л. 1—18.

¹⁸⁰ Гордон. Путешествие на Памир. Перев. М. И. Вениукова, приложение к изв. РГО, т. 12, вып. 6. СПб., 1877, стр. 10.

¹⁸¹ Г. С. Загряжский. Юридический обычай киргиз. О различных родах состояний и о правах им присвоенных. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, 1876, стр. 154.

¹⁸² А. Талызин. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868). Памятная книжка Семиреч. обл. стат. комитета на 1898 г. Верный, 1898, стр. 27.

как-то привязать его к своему хозяйству — женитьбой, наделением хозяйством. Кулов называли родственниками, молодых усыновляли. В этом проявлялся патриархальный характер рабства. Но рабы продолжали оставаться полной собственностью хозяев, распоряжавшихся их имуществом и жизнью¹⁸³.

Одной из форм феодальной эксплуатации, замаскированной патриархальными отношениями, являлось использование в хозяйстве баев труда обездоленных родственников, сирот. Собиратели материалов по казахскому обычному праву, во многом сходному с киргизским, так фиксируют этот процесс: «При большом хозяйстве, многочисленных стадах, киргизы не могут обходиться без рабочих. Часть их дают воспитанные при богатых аулах сироты и бедные родственники, поселившиеся у богатого человека и состоящие под его покровительством. Остальные же нанимаются из числа бедных лиц, не имеющих собственных средств для пропитания себя и семьи»¹⁸⁴.

Но и став взрослыми, сироты не могли, например, порвать со своими «благодетелями», так как считались у них в долгу. Нередко хозяин женил своего батрака на какой-нибудь бедной сироте, жившей и работавшей в его семье. Он выделял молодым у себя во дворе каморку, где они и жили. Каждый работал на прежнем месте, ел вместе с остальными батраками. «Подобная женитьба батрака, — пишут советские этнографы, — давала баю много выгод. Она привязывала к его дому хорошего работника (уход от хозяина, женившего его, считался проявлением черной неблагодарности) и давала возможность сохранить даровую работницу»¹⁸⁵.

Основная масса кочевников, обладавшая хозяйственной самостоятельностью, также несла трудовую повинность в пользу феодалов: пасла скот и ухаживала за их хозяйством. Трудовая повинность обосновывалась тем, что феодал обладал правом распределять пастбища, имел боевую дружину и мог защитить интересы зависимой общины от внешних посягательств.

Местная феодально-родовая знать не нуждалась в юридическом закреплении привилегий. Она пользовалась ими в силу своего экономического господства и на основе некодифицированной традиции. «При том примитивном и неразвитом

состоянии, на котором покоятся это общественное отношение и соответствующей ему способ производства, — писал К. Маркс о феодализме, — традиция должна играть решающую роль»¹⁸⁶. В какой-то мере это было характерно и для киргизов. На старинных патриархальных обычаях зиждился адат — закон, определявший сферу правосознания. Требования адата соблюдались всеми членами киргизского общества не столько из-за боязни наказания, сколько вследствие общественного требования сохранять обычаи отцов (*ата-салты*)¹⁸⁷.

Экстенсивное скотоводческое хозяйство и наличие пережитков патриархально-родового быта у кочевников придавали специфическую окраску формам феодальной эксплуатации. Подати и повинности, будучи для киргизской бедноты обязательными, иногда внешне выступали как добровольные. «Вообще, манапы получают добровольные приношения и берут штраф с виновных в преступлениях, — отмечал, посетивший Киргизию в 1859 г. М. Венюков. — Нет нужды говорить, сколько тяжелых злоупотреблений ведет за собой такое устройство, корыстному бию или манапу открыта широкая дорога для себялюбивой деятельности»¹⁸⁸.

Эксплуатация нередко маскировалась под патриархальную форму «родовой помощи». Обедневшим бесскотным или малоскотным хозяйствам феодалы предоставляли во временное пользование скот при условии возвращения его через определенное время с приплодом. Такой вид оказания «взаимопомощи» (*саан*) всегда был связан с обязательной работой бедняка на феодала. «Живущий с баем бедняк, — писали экономисты П. Погорельский и В. Батраков, — получающий право доить для себя несколько овец, ровно столько, чтобы не умереть с голода, вместе со своей семьей выполняет под руководством бая все работы по уходу за скотом. Сам он или его подростки пасут скот, собирают хворост, жена его доит овец, прядет шерсть, носит воду, кипятит чай или помогает (в лучшем случае) во всех домашних работах женам бая»¹⁸⁹. Трудно согласиться с авторами, как справедливо отмечает К. У. Усенбаев¹⁹⁰, лишь в том, что саан есть проявление капиталистических отношений в кочевом хозяйстве киргиз-

¹⁸⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 356.

¹⁸⁷ М. Абдылдаев и Б. Аманалиев. Манапство и ислам. В кн.: Религия, свободомыслие, атеизм, стр. 34.

¹⁸⁸ М. Венюков. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. Зап. РГО, кн. 4, от. 2, 1861, стр. 108.

¹⁸⁹ П. Погорельский и В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана, стр. 78.

¹⁹⁰ К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов, стр. 147.

¹⁸³ К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов..., стр. 133—141.

¹⁸⁴ Материалы по казахскому обычному праву, стр. 274.

¹⁸⁵ О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Тр. Ин-та истор. и археолог. АН Узб. ССР, вып. 6. Ташкент, 1955, стр. 48.

зов¹⁹¹. Наделенные скотом бедняцкие хозяйства рассчитывались с собственником либо натурой, либо своим трудом, т. е. саан выступает здесь как феодальная натуральная и трудовая рента, сильно замаскированная патриархально-родовыми пережитками. Невыполнение бедняком обязанностей лишало его права на дальнейшее получение саана. В отдельных случаях бедняк мог даже привлекаться к ответственности¹⁹².

Ярко выраженный классовый характер носил и суд. В середине XIX в. в Киргизии основные судебные функции выполняли представители патриархально-феодальной знати, главным образом бии и казии. Суд биев основывался на *адате*, суд казиев — на *шариате*. Если первый имел распространение в основном в кочевых скотоводческих районах, то второй — в оседло-земледельческих.

Споры между айлами и родами рассматривались биями и родоправителями совместно. Давлетшин писал о характере суда у киргизов Куршаба: «Дела решаются по адату и при разборе... заседают и аульные аксакалы, с которыми судья советуется по существу дела и справляется относительно подобного же рода дел, бывших раньше и состоявшихся по ним решениям»¹⁹³. Апеллирующая сторона преподносила биям подарки — *тартуу*, которые рассматривались не как взятки, а как выражение покорности и уважения к суду. Недаром о до-революционном суде говорилось в народе: «*Малын аябаган доо алат—кто имущества не пожалеет, тот тяжбу выиграет*»¹⁹⁴. Поэтому немалую статью доходов биев составляли всевозможные штрафы и вознаграждения за разрешение споров — *айып*, *бийлык*¹⁹⁵. Айыпы большей частью были весьма значительны. Сами бии объясняли это тем, что «если не взыскивать айыпов, то преступления не уменьшатся, а, напротив, будут увеличиваться»¹⁹⁶.

¹⁹¹ П. Погорельский и В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана, стр. 75.

¹⁹² Б. Д. Д ж а м г е р ч и н о в. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963, стр. 59.

¹⁹³ Отчет капитана Давлетшина о командировке в Туркестанский край и степную область для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901, стр. 41.

¹⁹⁴ Киргизско-русский словарь, стр. 197.

¹⁹⁵ *Айып*—штраф за преступление или личную обиду. Часто поступал биям за разрешение спора. *Бийлык*—вознаграждение биям за разбирательство. См. Объяснение некоторых терминов, встречающихся в киргизском судопроизводстве. «Туркестанские ведомости», 1873, № 42; ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892-а, л. 772.

¹⁹⁶ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, св. 892, л. 772; ЦГИА СССР, ф. 1336, оп. 1, д. 400, л. 13—33.

В основном в пользу феодалов шли также поземельные сборы *туякат*, *чөп*, *ооз*, взимаемые с каждого «чужеродца»—скотовладельца за пользование пастбищами или при прогоне скота через пастбищную территорию данного общинно-родового объединения. «Если один род заходит на пастбище другого, то представители последнего получают с пришедших куро-баши, т. е. с каждого табуна по одному барану», — говорится в обычном праве¹⁹⁷.

Одной из статей дохода феодалов служили различные подношения, известные под названием *союш*, *чыгым*, *салык*, *журтчулук*, *тарту*, *кошумчи* и др.¹⁹⁸

Повинности, подати и приношения киргизским феодалам выступали в самой различной форме и обычно не ограничивались ни сроком, ни размером, а нередко обуславливались только желаниями и прихотью феодалов. Некодифицированные и нерегулярные сборы, взимаемые произвольно киргизскими феодалами, практически оказывались довольно болезненной для хозяйства рядового кочевника своего рода нерегламентированной рентой.

Усиленная эксплуатация вызывала всевозможные социальные конфликты, что вынуждены были признать еще представители царской администрации. Командующий войсками Западно-Сибирского округа писал, что «между манапами и народом существовали постоянный разлад и несогласие»¹⁹⁹.

Классовая борьба в киргизском патриархально-феодальном обществе нередко переплеталась с межродовой и национально-освободительной борьбой против Кокандского ханства. В межфеодальной родовой борьбе можно проследить элементы классового протеста, когда бесправные роды выступали против феодалов господствующих родов. Одной из форм классового протеста являлись самовольная откочевка букары от «своих» феодалов, неуплата государственных налогов и податей, уклонение от несения феодальных повинностей. Классовая борьба носила стихийный характер, ей были присущи локальность и неорганизованность. Это объясняется слабым развитием производительных сил, живучестью патриархально-родовых пережитков.

¹⁹⁷ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, стр. 111.

¹⁹⁸ О них подробнее см. К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов..., стр. 42—149; Б. Д ж а м г е р ч и н о в. Добровольное вхождение, Киргизии..., стр. 60—64.

¹⁹⁹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 903, д. 2, л. 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конкретно-исторический анализ социально-экономических отношений в Южной Киргизии в 50—70-х годах XIX в., накануне вхождения в состав России, показывает, что в основе их были феодальные отношения, переплетенные множеством патриархально-родовых связей. Они образовали ту ступень общественного развития, которая может быть охарактеризована как патриархально-феодальная.

Исследование патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии позволяет сделать следующие выводы.

Мы наблюдаем здесь не самостоятельную, качественно новую формацию, а феодальный способ производства со всеми специфическими особенностями, присущими большинству государств средневековой Средней Азии и сопредельных стран Ближнего Востока.

Основные черты экономики этого способа производства, степень его развитости определяются господством мелкого натурального кочевого скотоводческого и оседло-земледельческого хозяйства, сравнительно низкой производительностью труда, патриархальной связью скотоводства, земледелия и ремесла, разнообразными категориями феодального землевладения, первостепенным значением внеэкономического принуждения непосредственного производителя, наличием всех трех видов феодальной земельной ренты. К специфическим особенностям феодального строя азиатских стран, имевшим место и в Киргизии, относятся: неограниченная власть хана, восточная деспотия, верховная собственность государства на все земли и совмещение в связи с этим ренты и налога, приспособление феодально-чиновничьего аппарата к эксплуатации непосредственного производителя в основном через государство, широко распространенная пастбищно-кочевая и оседло-земледельческая общины. Право верховной собственности на землю за ханом не исключало в определенной мере и прав феодалов на эти земли. Во-первых, государство было органом феодалов; во-вторых, феодалы нередко обладали налоговым иммунитетом; в-третьих, выступая частными землевладельцами, феодалы использовали экономическое принуждение посредством сдачи земель в краткосрочную аренду; в-

четвертых, феодально-родовая знать захватила и «освятила» обычаями право регулировать использование пастбищ.

В то же время здесь не было ярко выраженной частной земельной собственности (факты купли-продажи земельных участков еще не доказывают это). Отсутствовали крупные, помещичьего типа, хозяйства, основанные на барщинном труде. Зависимость непосредственных производителей-крестьян не вылилась в классически феодальную форму крепостничества. Соединение крупного феодального землевладения с мелким частно- и общиннокрестьянским землепользованием нашло свое выражение в широко распространенной наделной (чековой) форме землепользования.

Большую роль в социально-экономическом развитии Южной Киргизии играло сосуществование и близкое взаимодействие кочевой скотоводческой и оседло-земледельческой культур. С одной стороны, оно стимулировало обмен между ними, с другой — тормозило внутреннее развитие, внутреннее разделение и специализацию труда. Господство в Кокандском ханстве в определенные периоды скотоводческих племен отнюдь не способствовало прогрессирующему движению экономики, а, наоборот, обуславливало устойчивость в недрах феодальной формации патриархальных отношений. Сохранение родоплеменного деления киргизов, наличие общинного землевладения и землепользования указывает на патриархальный уклад хозяйства. Устойчивость общинного пастбищепользования вытекала из специфики хозяйства — экстенсивного кочевого скотоводства, при котором возникала необходимость коллективного использования пастбищ. Сохранение общин у оседлого населения объяснялось характером орошаемого земледелия требовавшего широких общественных работ, коллективным использованием выгонов. Рассматриваемый строй, несмотря на родоплеменную структуру киргизского общества, был классовым, антагонистическим.

Централизованная форма феодальной ренты-налога в то же время не исключала и других методов эксплуатации. Внеэкономическое принуждение мелкого производителя государством через разветвленный чиновничий аппарат совмещалось с наличием экономических форм принуждения, выражавшихся в расширении краткосрочной аренды, через посредство неэквивалентного обмена, систему откупов, ростовщичество и т. п.

Эксплуатация кочевого киргизского населения местной родоплеменной знатью носила отпечаток патриархальных отношений, маскировалась всевозможными видами оказания «родовой взаимопомощи». В полной мере использовался и

фактор морального принуждения. Патриархальный уклад проявлялся в организации семейно-бытовой жизни, в обрядах, традициях, воззрениях.

Подытоживая основные положения работы можно сделать вывод, что в Южной Киргизии 50—70-х годов при господстве феодального строя сохранялся патриархально-общинный уклад, а политические, экономические и общественные отношения представляли собой в совокупности патриархально-феодалные отношения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВУА—Военно-ученый архив.

ГО СССР — Географическое общество СССР.

ГПБ—Государственная публичная библиотека.

ИЯЛИ—Институт языка, литературы и истории

ЛО ИНА—Ленинградское отделение Института народов

Азии.

РГО—Русское географическое общество.

САГУ—Среднеазиатский государственный университет.

ТашГУ—Ташкентский государственный университет.

ФАН СССР—Филиал Академии наук СССР.

ЦГА—Центральный государственный архив.

ЦГВИА—Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГИА СССР—Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде.

ф.—фонд.

ф. и. — фонд исторический.

оп. — опись.

д.—дело.

л.—лист.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К. Британское владычество в Индии. Соч., т. 9.
 Маркс К. Введение. (Из экономических рукописей). Соч., т. 12.
 Маркс К. Капитал, т. I—III. Соч., т. 23—25.
 Маркс К. Прокламация Канинга и вопрос о землевладении в Индии. Соч., т. 12.
 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.
 Маркс—Энгельсу. 2. VI. 1853. Соч., т. 28.
 Маркс—Энгельсу. 14. VI. 1853. Соч., т. 28.
 Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Соч., т. 20.
 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Соч., т. 21.
 Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. ПСС, т. 16.
 Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии. 9 апреля 1921 г. ПСС, т. 43.
 Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала. ПСС, т. 41.
 Ленин В. И. Карл Маркс. ПСС, т. 26.
 Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. ПСС, т. 36.
 Ленин В. И. О продовольственном налоге. (Значение новой политики и ее условия). ПСС, т. 43.
 Ленин В. И. IV конгресс Коммунистического Интернационала. ПСС, т. 45.
 Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? ПСС, т. 1.
 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1954, ч. I. М., 1954.
 Абрамзон С. М. Патриархально-общинный уклад и пути его изменения у народов среднеазиатских республик и Казахской ССР. М., 1964. (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук).
 Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. Сб. «Родовое общество». Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия, т. XIV. М., 1951.
 Айтбаев М. Социально-экономические отношения в киргизском айле в XIX и начале XX веков. Фрунзе, 1962.
 Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III — IV. СПб., 1896.
 Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. «Живая старина», вып. III—IV. СПб., 1894.

Ахмеджанов У. М. Институт вакфной собственности в мусульманском праве. Научные работы и сообщения АН Узб. ССР. Ташкент, 1963, кн. 7.

Батраков В. С. О воспроизводстве родовых отношений у кочевых народов Средней Азии в эпоху феодального ига. Изв. АН Узб. ССР, 1949, № 3.

Батраков В. С. Особенности феодализма у кочевых народов. (Научная сессия АН ССР 9—14. IV—47). Ташкент, 1947.

Батраков В. С. Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства. Тр. САГУ. История, новая серия, вып. 9. Гуманитарные науки, кн. 8. Ташкент, 1955.

Бернштам А. Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Средней Азии. «Советская этнография», 1934, № 6.

Бунаков Е. В. Тенденция развития капиталистических отношений в Средней Азии накануне присоединения ее к России. «Проблемы востоковедения», 1960, № 6.

Варга Е. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1965.

Винников Я. Р. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. Тр. киргиз. археолог-этнограф. экспед., т. I. М., 1956.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана. 1867—1914. Алма-Ата, 1965.

Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889.

Дембо Л. Земельный строй Востока. Л., 1927.

Данилова Л. В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма. «Исторические записки», 1965, № 76.

Джалилов И. Основные черты земельного права дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1960.

Джамгерчинов Б. Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963.

Джамгерчинов Б. Очерк политической истории Киргизии XIX века (первая половина). Фрунзе, 1966.

Джуванмардиев А. Важные документы о феодальной земельной собственности в Фергане XVI—XIX веков. «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 5 (на узб. яз.).

Джуванмардиев А. К земельно-водным отношениям в Фергане в XVI—XIX вв. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1963.

Джумагулов А. Патриархалдык-феодалдык калдыктар жана аларга каршы күрөшүү. Фрунзе, 1960.

Джунушев К. Экономические предпосылки возникновения товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии. Фрунзе, 1962.

Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. I. Акты феодальной собственности на землю. XVII—XIX вв. Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович. Ташкент, 1954.

Еренов А. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961.

Жданко Т. А. Новые материалы по патриархальным пережиткам в земельно-водной общине Средней Азии. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.-Л., 1959.

Жданко Т. А. Проблема полуседлого населения в истории Средней

Азии и Казахстана. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, секция X, история Средней Азии). М., 1960

Зиманов С. З. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов. «Вопросы истории», 1955, № 12.

Зияев Х. Урта Осиё ва Сибирь (XVI—XIX асрлар). Ташкент, 1962.

Златкин И. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 4.

Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX—начале XX в. Фрунзе, 1963.

Ильясов С. И. Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации. Тр. КирФАНа ИЯЛИ, вып. 1, 1944.

История Киргизской ССР, т. 1. Фрунзе, 1968.

Киргизско-русский словарь. Сост. проф. К. К. Юдахин. М., 1965.

Кисляко в Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX века. Тр. Ин-та этнограф. АН СССР. Новая серия, т. XXIV. М.—Л., 1962.

Колганов М. В. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962.

Кун А. Л. Некоторые сведения о Ферганской долине. «Военный сборник», 1876, № 4.

Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ, вып. I—V. 1897—1910.

Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент, 1915.

Материалы по истории Ура-Тюбе. Сборник актов XVII—XIX вв. Составление, перевод, предисловие А. Мухтарова. М., 1963.

Мулла Нияз-Мухаммед-Бен-Ашур Мухаммед. Тарихи Шахрохи. История владетелей Ферганы. Изд. Н. Н. Пантусов. Казань, 1885.

Набиев Р. Н. Из истории феодального землевладения в Фергане. Изв. АН Узб. ССР, серия обществ. наук, 1960, № 3.

Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

Наливкин В. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания. Ежегодник Ферганской области, т. III, 1904.

Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке. (Азиатский способ производства). М., 1966.

О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.). Материалы обсуждения. М., 1962.

Омелин Н. Е. Экономика Киргизстана до завоевания и его колонизации. Канд. дисс. Ташкент, 1945.

О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов. (К итогам дискуссии). Редакционная статья. «Вопросы истории», 1956, № 1.

Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. Изв. ГАИМК. Л., 1933.

О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. В кн.: Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

Пантусов Н. Н. О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокандском ханстве в последнее время Худояр-хана. «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

Пантусов Н. Н. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. «Туркестанские ведомости», 1876, № 17.

Погорельский П. и Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.

Полянский Ф. Я. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954.

Потапов Л. П. Из истории кочевничества. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 4.

Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. «Вопросы истории», 1954, № 6.

Потапов Л. П. Ранние формы феодальных отношений у кочевников. Зап. Хакасск. науч.-исслед. ИЯЛИ, вып. 1, история, этнография, археология. Абакан, 1948.

Плоских В. М. Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Фрунзе, 1965.

Плоских В. М. Советская историография социально-экономических отношений в дореволюционной Киргизии. В кн.: Наука Киргизстана юбилею Великого Октября. Юбилейная научная сессия, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1967.

Ромодин В. А. Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда. М., 1960. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).

Ростиславов М. П. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. Тр. III международного съезда ориенталистов в С-Петербурге, 1876, т. 1. СПб., 1879—1880.

Тер-Акопян Н. Б. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину. «Народы Азии и Африки», 1965, № 2—3.

Толыбеков С. Е. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов. «Вопросы истории», 1955, № 1.

Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов XIX века. Предварительный обзор. Тр. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. II(V), 1957.

Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961.

Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960.

Федченко А. П. Путешествие в Туркестан, т. 1, ч. II. В Кокандском ханстве. СПб., 1875.

Хасанов А. Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х годах XIX века. Фрунзе, 1961.

Чикаев Х. Ф. К аграрному вопросу и положению дехкан в Кокандском ханстве. Тр. Узб. гос. ун-та. Новая серия, история. Самарканд, 1947, № 39.

Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964.

Шерстобитов В. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф. Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918—1960). Фрунзе, 1961.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.	3
<i>Глава I.</i> Южная Киргизия в 50—70-х годах XIX в.	6
Политическая роль киргизов в Кокандском ханстве.	6
Хозяйство кочевого и оседлого населения.	22
<i>Глава II.</i> Землевладение	42
Верховный собственник земли.	42
Государственные земли.	46
Мильк.	54
Общинные земли.	62
Вакф.	68
<i>Глава III.</i> Землепользование.	80
Землепользование кочевого населения.	80
Землепользование оседлого населения.	92
<i>Глава IV.</i> Формы эксплуатации.	103
Система налогового гнета.	103
Зякет.	107
Херадж.	111
Танап и другие виды налогов.	119
Налоговой иммунитет феодалов.	124
Эксплуатация крестьян местной феодально-родовой знатью.	130
Заключение	142
Краткая библиография.	146

Владимир Махайлович Плоских

ОЧЕРКИ ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИИ В ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ.

Редактор издательства К. Шереметьева
Обложка художника В. Ф. Роека
Технический редактор М. Г. Попова
Корректор Р. В. Тарасова

Сдано в набор 30/III 1968 г. Подписано в печать 17/XII 1968 г. Формат бу-
маги 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Объем 9,5 п. л., уч. изд. 9,34 л.
Тираж 500 экз. Заказ 2495. Д—06933. Цена 56 коп.

Издательство Академии наук Киргизской ССР,
г. Фрунзе, ул. XXII партсъезда, д. 265-а.

Типография Академии наук Киргизской ССР,
г. Фрунзе, ул. Дзержинского, д. 96.